

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1898. a.

VIHK

219

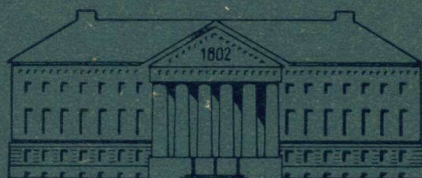
ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1898 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ

XII

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

ТАРТУ 1968

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY
ALUSTATUD 1893 a. VIINIK 219 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ**
XII
СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

ТАРТУ 1968

Редакционная коллегия:

Х. Я. Пак, А. К. Рейцак (ответственный редактор), П. С. Сигалов,
С. В. Смирнов

По техническим причинам произведены следующие замены старославянских букв:

Ѡ — У	ѡ — о
Ѣ — Ю	ѣ — е
Ѥ — А	Ѥ — Ф
Ѧ — Я	і — ı
ѕ — S	Ѹ — v
Ѣ — Е	Ѧ — r
Ѧ — я	

Корректор Е. И. Гурьева

ГИПОТАКСИС ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЗАВИСИМОЙ ОБЪЕКТНОЙ ЧАСТЬЮ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

(На материале Марииинского и Остромирова евангелий)

Е. И. Гурьева

Сложные предложения с зависимой объектной частью в рассматриваемых памятниках¹ старославянского языка представлены широко и разнообразными конструкциями. Такие предложения различаются как по структуре, так и по степени зависимости своих частей. Среди них выделяются более четкие гипотактические конструкции с объектной зависимой частью и такие, в которых связь между частями представляется менее тесной. Зависимая часть в подавляющем большинстве случаев поясняет сказуемое господствующей части, выраженное глаголом со значением речи, мышления, знания, чувства и чувственного восприятия. Для связи частей предложения используются служебные слова *Еко*, *да*, *аште* и вопросительно-относительные местоимения и наречия.

Анализ предложения с зависимой объектной частью будем производить по средствам связи между его частями и глаголам-сказуемым, которые поясняются зависимой частью. Наиболее употребительны сложные предложения, в которых связь между частями осуществляется при помощи служебного слова *Еко*.

1. Сложные предложения со служебным словом *Еко*

Предложения с зависимой объектной частью при глаголах мысли, чувства и чувственного восприятия²

При глаголах мышления, чувства и чувственного восприятия объект первоначально обозначался конструкцией со вторым ви-

¹ См. Марииинское четвероевангелие, с примечаниями и приложениями И. В. Ягича. СПб., 1883; Остромирово евангелие 1056—1057 года, с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями. Изд. А. Х. Востоков. СПб., 1843.

² Предложения с зависимой объектной частью при глаголах речи рассматриваются нами в другой статье.

нительным падежом³. Так, конструкции со вторым винительным падежом причастий действительного залога в значении объекта нередко встречаются и в анализируемых памятниках старославянского языка. Они засвидетельствованы при глаголах *видЕти* и *оузърЕти*:

на іса же пришедъше Еко **видЕша** и юже **оумьрьшь**. не прЕбиша емоу голЕниЮ (Мар. 395, Остр. 201).

іс же Еко **видЕ Ю плачАштУ сА**. і пришедъшАЯ съ неЮ июдеЮ сА плачАштУ сА. запрЕти дхоу. и възмУти сА самъ и рече (Мар. 369, Остр. 139).

Въ оутрЕи день **видЕ іса гРАДУшта** къ себЕ. і гла... (Мар. 316, Остр. 260).

И **видЕвъ Е** по себЕ **идУшта** гла има... (Мар. 317).

и кънижъници и фарисЕи **видЕвъше** и ЕдАштъ съ мытари и грЕшъники глахУ оученикомъ его (Мар. 121, Остр. 131).

мимо ходАште ютро **видЕша смоковъницу** **оусъхъшу** ис корениЕ (Мар. 110, Остр. 285).

При глаголе *вЕдЕти*:

ис же **вЕды** **вьсЕ гРАДУштаа** на нь. і шедъ рече имъ (Мар. 338, Остр. 177).

и запрЕштаЯ не даЕше имъ глати. Еко **вЕдЕахУ** ха **самого сУшта** (Мар. 209, Остр. 89).

При глаголе *слышати*:

сего ради и противУ емоу изиде народъ Еко **слышашА** и **сътворьша** се знамение (Мар. 368, Остр. 143).

При глаголе *мьнЕти*:

оубоЕвъша же сА и пристрашъни бывъше. **мьнЕахУ** дхъ **видАште** (Мар. 311).

мьнЕвъша же и въ дружинЕ **сУшть** (Мар. 200, Остр. 256).

По мнению Г. С. Кнабе, «нелично-глагольные обороты представляют собой первичное средство к преодолению неупорядоченности древнего предложения». И далее он продолжает: «Эти обороты давали возможность выразить неравноправность двух сообщений, объединяемых в одном сложном высказывании; они показывали, какое из двух сообщений является главным, а какое зависимым, но уточнить характер этой зависимости и стать полноценными современными придаточными эти обороты не могли»⁴. В процессе дальнейшего развития отглагольные обороты заменяются придаточными предложениями, что обеспечивает, по словам автора, подлинную централизацию и единство предложения. Таким образом, аппозитивные обороты с отглагольными именами «связаны с определенным этапом в становлении сложного централизованного предложения»⁵.

³ См. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 308—311; Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка. Изд. МГУ, 1956, стр. 540—542.

⁴ С. Г. Кнабе, Еще раз о двух путях развития сложного предложения. Вопросы языкознания, 1955, № 1, стр. 116.

⁵ С. Г. Кнабе, Еще раз о двух путях развития сложного предложения. Вопросы языкознания, 1955, № 1, стр. 116.

Кроме приведенных примеров со вторым винительным причастий, встречается оборот типа *мьнитъ сА имЕЯ*, который можно перевести как 'думает, что имеет':

а иже имать. и еже мьнить сА имЕЯ отъиметь сА отъ него (Мар. 228, Остр. 98).

Д. Н. Овсяннико-Куликовский замечает, что «в старинном языке в большом ходу были обороты такого типа: *сжалися пославъ* — букв. 'пожалел (себе-си) пославший', но это значило: 'пожалел, что послал'; *мниться имЕя* — букв. 'мнит (думает себе, воображает) имеющий', а значило это: 'думает (воображает себе), что имеет'⁶.

Таким образом, оборот *мьнитъ сА имЕЯ* представляет собой составное сказуемое, состоящее из глагола со значением 'думать' и краткого действительного причастия настоящего времени. В дальнейшем, по мнению Овсяннико-Куликовского, это составное сказуемое распалось на два глагола, один из которых образовал сказуемое главного предложения, другое — сказуемое придаточного.

При глаголе *мьнЕти* засвидетельствован также инфинитивный оборот с именем существительным в винительном падеже.

да всЕкъ иже оубнетъ вы. мьнить сА слоужьбУ приносити боу (Мар. 381, Остр. 49).

Выражение *мьнитъ сА слоужьбУ приносити боу* означает: 'думает, что службу приносит богу'⁷. По мнению К. А. Тимофеева, между такими оборотами и инфинитивными конструкциями с *яко*, выражающими объектные отношения, существует генетическая связь⁸. Инфинитивные конструкции с союзом *яко* в анализируемых памятниках не отмечены.

В следующем предложении находим другую конструкцию с глаголом *мьнЕти*:

пришедъше пръвни мьнЕахУ сА вАште приЯти. приЯ сА по пЕнАзоу (Мар. 70, Остр. 268).

Перевод: Пришедшие первыми думали получить больше (или: думали, что они получают больше), но получили по пенязю.

В отличие от предыдущего предложения здесь инфинитив *приЯти* выступает без имени существительного.

Теперь рассмотрим предложения с зависимой объектной частью при глаголах мысли, чувства и чувственного восприятия. В них достаточно четко выражаются объектные отношения между частями. Зависимая часть подчинена одному из членов господствующей части и служит для его пояснения.

⁶ Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Синтаксис русского языка. СПб., 1912, стр. 93—94.

⁷ А. А. Потехня, Из записок..., т. I—II, стр. 372.

⁸ К. А. Тимофеев, Инфинитивные конструкции с союзом ЯКО в древнерусском языке. Ученые записки ЛГУ, № 235, серия филолог. наук, вып. 38, 1958, стр. 8.

1) Весьма часто встречаются предложения с зависимой частью при глаголах *знания, мысли*. Среди них наиболее употребительны такие, которые поясняют глагол *вЕдЕти*, стоящий в форме изъявительного, иногда повелительного наклонения. При глаголе *вЕдЕти* и близком к нему глаголе *знати*, по словам В. И. Кодухова, «те или иные сведения приводятся как объект глаголов знания, как сведения известные или не известные какому-либо лицу»⁹. Зависимая часть, поясняющая глагол *вЕдЕти*, в большинстве случаев расположена после господствующей части.

сь есть оученикъ съвЕдЕтельствоуЯі о сихъ. іже напса си. **вЕмь Еко** истинно есть съвЕдЕтельство его (Мар. 403, Остр. 54).

тъ **вЕсть Еко** истинУ глеть. да вы вЕрУ имете (Мар. 396, Остр. 20).
гла емоу марта **вЕмь Еко** вскръстетъ въ вскрЕшение въ послЕдний днь (Мар. 362, Остр. 138).

отвъЕща онъ и рече грЕшникъ есть не вЕмь. едино **вЕмь. Яко** слЕпъ бЕхъ нынЕ же виждУ (Остр. 40, Мар. 355).

НынЕ **вЕмь. Яко** вЕси и не трЕбоуеши да кѣто тА въпрашаеъ (Остр. 173, Мар. 384).

ОтвъЕштате же имъ родителе его и рЕсте. **вЕвЕ Еко** съ есть снъ наю. і Еко слЕпъ сА роди (Мар. 354).

Глагол-сказуемое *вЕдЕти* могут пояснять две однородные зависимые части, в каждой из которых стоит *Еко*. Между собою они соединяются сочинительным союзом *и*.

Служебное слово *Еко* перед вторым предложением может не повторяться.

егда съконьчахъ нисъ вси словеса си. рече оученикомъ **вЕсте яко** по дѣвою дњи і. пасха бУдетъ и снъ чловЕчьскый преданъ бУдетъ на пропАтие (Остр. 152, Мар. 97).

нисъ же призывавъ гла имъ **вЕсте. яко** мнѣщен сА власти языки. оустоятъ имъ и велиции ихъ. обладають ими (Остр. 136, Мар. 158).

Во всех приведенных примерах глагол-сказуемое *вЕдЕти* находится непосредственно перед зависимой частью. Встречается и отрыв зависимой части от сказуемого одним словом или группой слов.

тѣгда же вѣниде. і другы оученикъ пришеды прЕжде къ гробу. і видЕ и вЕрова. не оу бо **вЕдЕахъ** кннигъ. Еко подобаагъ емоу отъ мрѣтвхъ вскръснУти (Мар. 397, Остр. 207).

Пилатъ же отвъЕшта имъ гЛА. хоштете ли да отъпоушту въ церЕ нудейска **вЕдЕаше** бо Еко зависти ради прЕдашА и архиереи (Мар. 179, Остр. 186).

отвъЕщавъ же англъ рече женама не боита вы сА **вЕмь**. бо Еко ниса распАтаго ищета (Остр. 203, Мар. 112).

не пыЕте сА оубо глЮще чѣто Емь или чѣто приемъ. или чимъ одеждемъ сА всЕхъ бо сихъ Языци ищУтъ **вЕсть** бо оуе вашъ небесный. Еко трЕбоуете всЕхъ сихъ (Остр. 62, Мар. 18).

В нескольких случаях зависимая часть относится к краткому действительному причастию, образованному от глагола *вЕдЕти*.

⁹ В. И. Кодухов, Сложные предложения с косвенной речью в русском языке второй половины XVII—XVIII вв. Ученые записки Лен. гос. пед. инст-та им. А. И. Герцена, т. 122, кафедра русск. яз., 1956, стр. 112.

онъ же рече не плачите сА нЕсть оумръла двца нъ съпить. і рУгаахУ сА емоу вЕдУще яко оумрЕть (Остр. 101, Мар. 232).

никтоже не съмЕаше отъ оученикъ истАзати его ты кто еси. вЕдУште Еко гъ естъ (Мар. 401, Остр. 210).

Засвидетельствован единственный случай, когда зависимая часть относится к составному сказуемому:

извЕстно бо бЕ людемъ Еко иоанъ пркъ бЕ (Мар. 288).

Интерпозиция зависимой части, относящаяся к глаголу *вЕдЕти*, представлена немногочисленными примерами. Обычно зависимая часть следует за действительным причастием настоящего или прошедшего времени. После зависимой части находится личный глагол. Причастие может или стоять непосредственно перед зависимой частью, или быть оторванным от нее. В таких предложениях преобладает обратный порядок слов:

и се жена въ градЕ. яже бЕ грЕшница оувЕдЕвши яко възлежить въ храмнЕ фарисеовЕ принесши алавастръ мвра и ставши зади при ногоу его плачуши сА начАтъ мочити нозЕ его слъзами (Остр. 222, Мар. 224).

вЕды же ись въ себЕ. Еко рълъштУть о семь оученици его. рече имъ (Мар. 341, Остр. 24).

вЕды же ись яко вся дасть емоу оць въ руцЕ. и яко отъ ба изиде. и къ боу идеть въста съ вечерА и положи ризы (Остр. 157, Мар. 371).

В данной конструкции имеется две зависимые объектные части, начинающиеся с *яко*, которые относятся к одному и тому же причастию *вЕды*. Между собою они соединяются сочинительным союзом *и*.

В следующих примерах к зависимой части, расположенной в середине господствующей, относится еще одно предложение. Это в значительной степени ослабляет связь отрезков господствующей части.

Прежде же праздника пасцЕ. вЕды ис. Еко приде емоу година. да прЕидеть отъ мира сего къ отцю. възлюбль своеЯ сущАЯ во въсемъ мирЕ. до конца възлюби Я (Мар. 371, Остр. 153).

по семь вЕды ись. Еко юже съвръшишА сА о немъ. да събУдУть сА къ(ни)гы гла жАждУ (Мар. 395, Остр. 193).

По значению к глаголу *вЕдЕти* близок *познати*. Во всех примерах с этим глаголом зависимая часть расположена после господствующей.

оче правдъныи и миръ тебе не позна азъ же тА познахъ. и си познашА яко ты мА посъла (Остр. 176, Мар. 387).

ше познашА же оученици яко ись есть (Остр. 209, Мар. 400).

мы вЕровахомъ и познахомъ Еко ты еси (хъ) снъ живааго (Мар. 341).

В последнем предложении зависимая часть относится к двум глаголам — *вЕровахомъ* и *познахомъ*.

Распространены конструкции, в которых зависимая часть относится к глаголу мышления *разоумЕти*. Широко представлена постпозиция зависимой части. Глагол-сказуемое господствующей части может находиться непосредственно перед зависимой, например:

и гла имъ. се извождУ вамъ вьнъ. да разоумЕете яко въ немъ вины не обрЕтаЮ (Остр. 183, Мар. 392).

не разоумЕшА яко отьца имъ глааше (Остр. 28, Мар. 349).
ишьдъ же не можааше глати къ нимъ и разоумЕшА. яко видЕние видЕ
въ цркви (Остр. 279, Мар. 191).
рЕшА же июден. нынЕ разоумЕхомъ Еко бЕсъ имаши (Мар. 351.
Остр. 33).
Тъгда разоумЕшА Еко рече храните сА не отъ кваса хлЕбънааго. нъ
отъ оучения фарисейска и садукеевска (Мар. 55).
егда възнесете сна чловЕческааго. тогда разоумЕете яко азъ есмь и о
себе ничътоже не творЮ (Остр. 221, Мар. 349).
въ ть днь разоумете Еко азъ въ отци моемъ. і вы въ мнЕ (Мар. 376.
Остр. 176).

В последнем примере имеем две зависимые части, относящиеся к глаголу-сказуемому *разоумЕете*. *Еко* стоит только перед первой частью.

В следующих примерах, в отличие от приведенных, зависимая часть оторвана от глагола другим членом предложения, чаще всего подлежащим, иногда дополнением.

Тъгда разоумЕшА оученици. Еко о иоанЕ кръстители рече имъ (Мар. 59).
і абие исАкиУ источникъ крвѣ еЯ разоумЕ теломъ Еко цЕлЕать отъ
раны (Мар. 133, Остр. 243).
и да разоумЕеть миръ яко ты мА възлюбилъ еси (Остр. 175, Мар. 386).
и ничесоже емоу не глЮть еда како разоумЕшА кънАзи. Еко съ естъ
хъ (Мар. 344).
славы отъ члкъ не приемлЮ нъ разоумЕ вы Еко лубъве бжия не имате
въ себЕ (Мар. 334).
нъ да разоумЕеть миръ яко люблЮ оца. и яко же заповЕда мнЕ
отъць тако творЮ (Остр. 168, Мар. 377).

В данном предложении к сказуемому *разоумЕеть* относятся две зависимые части, *яко* повторяется и перед второй из них.

Меньшим количеством случаев представлена интерпозиция зависимой части, поясняющей глагол *разоумЕти*. В большинстве примеров зависимая часть относится к краткому действительному причастию, образованному от этого глагола.

Пилать же слышавъ галилеЮ въпроси и... разоумЕвъ Еко отъ области иродовы естъ. поспѣла и къ иродоу сУшту и томоу въ ироусалимЕ въ дньи ты (Мар. 303).

іс же разоумЕвъ яко хотАть прити да възхытАть и. и створАть црА.
отиде паки въ горУ единъ (Остр. 16, Мар. 336).

сего видЕвъ ис лежАшта. і разоумЕвъ Еко мьнога лЕта юже имЕаше
гла емоу (Мар. 33, Остр. 23).

разоумЕвъ же іис яко хотАхУ въпрашати и рече имъ (Остр. 172,
Мар. 382).

і абие разоумЕвъ исъ дхомъ своимъ. Еко тако ти помышлЕЮть въ себЕ
рече имъ (Мар. 120, Остр. 130).

В редких случаях зависимая часть, находящаяся в середине господствующей, относится не к причастию, а к глаголу.

і искаахУ бо Яти и и оубоЕшА сА народа разоумЕшА бо Еко къ нимъ
рече притчУ оставше и отидУ (Мар. 163).

разоумЕ же народъ мьногъ отъ июден яко и тоу естъ и придошА не
и іса ради тькъмо. нъ да и лазара видАть (Остр. 142, Мар. 367).

Зависимая объектная часть может относиться к глаголу мышления *мнЕти*. По отношению к господствующей части она в основном занимает постпозитивное положение. В большинстве

примеров глагол-сказуемое *мьнЕти* непосредственно предшествует зависимой части.

рече же ис. о сьмьрти его они же **мьнЕшА** яко о оуспенни сьноу (Остр. 137, Мар. 361).

не мьните яко азъ на вы реку къ оцоу (Остр. 15, Мар. 335).

не мьните яко приидь разорити закона ілі прркъ не придохъ разорити нъ испльнити (Мар. 11, Остр. 213).

не мьните Еко приидь вьврЕщъ мира на землЮ. не приидь вьврЕщъ мира нъ мечь (Мар. 32, Остр. 58).

мьнЕахУ Еко абие хошеть црствие бжие авити сА (Мар. 284).

мьните ли яко ти длъжьнЕише бЕшА паче всЕхъ члкъ живущихъ въ нерслМЕ (Остр. 289, Мар. 259).

мьните ли Еко галилЕане сии. грЕшьнЕише паче всЕхъ члкъ бЕшА. Еко тако пострадашА (Мар. 259, Остр. 288).

В редких случаях наблюдается отрыв зависимой части от глагола-сказуемого господствующей части.

ли **мьнить** ти сА Еко не могу нынЕ оумолити отца моего (Мар. 102, Остр. 161).

глахУ же къ себЕ. въ цркве стояште. что сА **мьнить** вамъ Еко не имаать ли прити въ праздникъ (Мар. 365).

В следующем примере зависимую часть отделяет от глагола *мьнЕти* другое предложение, что ослабляет связь между частями сложной конструкции.

едини **мьнЕахУ** понеже скриницу имЕаше нюда Еко глтъ емоу исъ. купи егоже трЕбоуемъ на праздникъ (Мар. 373, Остр. 164).

Букв. перевод: Некоторые думали, так как Иуда имел ящик, что Иисус говорит ему: «Купи, что нам нужно к празднику».

Отмечен единственный случай включения зависимой части в середину господствующей. Зависимая часть относится к краткому действительному причастию.

она же **мьнАши** яко вьртоградарь есть. гла емоу (Остр. 208, Мар. 398).

Немногочисленными примерами представлены сложные предложения с зависимой частью, поясняющей глагол *вЕрити* (*вЕровати*). По отношению к господствующей части зависимая часть занимает постпозитивное положение, следуя непосредственно за управляющим глагольным членом.

гла емоу еи ги. азъ **вЕровахъ** Еко ты еси хъ снъ бжин. граДынъ въ весь миръ (Мар. 362, Остр. 138).

● глаголы живота вЕчьнааго имааши. и мы **вЕровахомъ**. яко ты еси хъ сынъ ба живааго (Остр. 25, Мар. 34).

пристУписта къ нему слЕпца и гла има исъ **вЕроуета ли** яко могу се сьтворити (Остр. 68, Мар. 28).

не вЕроуеши ли Еко азъ въ отци и отецъ въ мнЕ есть (Мар. 375, Остр. 46).

В последнем примере имеются две однородные зависимые части, *Еко* стоит только перед первой из них.

В рассматриваемых конструкциях в господствующей части отмечены словосочетания *вЕрУ имЕти*, *Яти вЕры*, близкие по значению к глаголу *вЕрити*.

си же писано бышА. да **вЕрУ имете** Еко ис есть хъ снъ бжин (Мар. 399).

и радоуЮ сА васъ ради. да **вЕрУ имете** Еко не бЕхъ тоу (Мар. 361, Остр. 137).

да и ти въ насъ едино бУДУть да и миръ вЕрУ иметь яко ты мА посьла (Остр. 52, Мар. 386).

гла ей ис. жено вЕрУ ими ми Еко гРАдеть година... (Мар. 327, Остр. 31).

не ЯшА же вЕры иоуден о немъ яко бЕ слЕль и прозьрЕ (Остр. 39, Мар. 354).

вЕрУ имЕте мьнЕ. яко язъ въ отьци. и оць въ мьнЕ (Остр. 46, Мар. 375).

В одном случае в господствующей части находится указательное местоимение.

о семь вЕроуемъ. Еко отъ ба ишель еси (Мар. 384, Остр. 173).

Отмечено несколько примеров, в которых зависимая часть относится к глаголу *помАнУти*. Зависимая часть расположена после господствующей части, например:

сихъ же не разумЕшА оученици его прЕжде. нъ егда прослави сА иисъ тогда помАноушА. яко си бЕшА о немъ писана (Остр. 143, Мар. 367).

помАнЕте яко же гла вамъ. еште сы въ галилеи гля (Остр. 206, Мар. 308).

помАнУшА же оученици его. Еко написано естъ. жалость домоу твоего сынЕсть мА (Мар. 320, Остр. 9).

Засвидетельствована конструкция, в которой рядом с глаголом-сказуемым находится указательное местоимение, конкретное содержание которого раскрывает зависимая объектная часть. При наличии соотносительного слова смысловые отношения между частями становятся еще более четкими.

нѣ си глахъ вамъ да егда придетъ година. поминаите си. яко азъ рекохъ же вамъ испърва не рекохъ. яко съ вами бЕхъ (Остр. 171, Мар. 381).

В сложных предложениях со значением объекта, кроме отмеченных глаголов мысли и знания, избирательно встречаются и некоторые другие. Например:

единъ же нЕкыи отъ нихъ каиѳа архиереи сы лЕтоу томоу. рече имъ вы не вЕсте ничесоже. ни помышляете яко оунЕе естъ вамъ. да единъ члвкъ оумрьетъ за люди. а не всь языкъ погыбнетъ (Остр. 41, Мар. 365).

отъЕштавъ же симонъ рече. непѣштю Еко емоуже вАште отъда (Мар. 225, Остр. 223).

2) Довольно часто используются предложения с зависимой объектной частью, поясняющей глагол-сказуемое господствующей со значением чувственного восприятия. Зависимая часть в данных конструкциях получает значение объекта восприятия. По отношению к господствующей она или находится после нее, или вставляется внутрь ее. Однако преобладает расположение зависимой части в середине господствующей. Интерпозиция зависимой части встречается обычно в тех случаях, когда в господствующей имеются два сказуемых, первому из которых она и подчиняется. При этом, как правильно подметил А. Н. Стеценко, анализируя подобные конструкции в древнерусском языке, сказуемые главного предложения «всегда указывают на последовательность в прохождении действий: второе действие является результатом действия, указанного в первой части главного предложения»¹⁰.

¹⁰ А. Н. Стеценко, Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв. Томск, 1960, стр. 242.

Зависимая часть в данных конструкциях чаще всего зависит от сказуемого, выраженного кратким действительным причастием. По мнению В. В. Назаретского, вставка придаточных внутрь главного была связана в древности с большей предикативной силой кратких причастий¹¹. Автор приходит к интересному выводу: «В прошлом же возможно, что именно краткие причастия с их большой предикативной силой способствовали развитию простого предложения в сложноподчиненное путем присоединения к ним придаточного дополнительного»¹².

Среди глаголов чувственного восприятия наиболее употребительны *видЕти* и *слышати*. Находясь в середине господствующей части, зависимая нередко следует непосредственно за управляющим глагольным членом. Однако распространены и предложения, в которых наблюдается отрыв ее от глагола-сказуемого господствующей части.

а) Рассмотрим предложения, в которых зависимая часть относится к глаголу восприятия *видЕти*.

Зависимая часть, расположенная в середине господствующей, в большинстве случаев относится к краткому действительному причастию прошедшего времени.

і пристУпъ единъ отъ кнѣжнѣиць. слышавъ Я сътАзаЮштА сА *видЕвъ* Еко добрЕ отъвЕшта имъ. въпроси и каЕ естъ заповЕдъ прѣва всЕхъ (Мар. 165).

тогда иродъ *видЕвъ* яко порУганъ бысть отъ влѣхвъ. разгнЕва сА зЕло и посълавъ изби въСА отроки (Остр. 253, Мар. 5).

Въ врЕМА оно. възведъ ииъ очи свои. и *видЕвъ* яко мнѡгъ народъ идеть къ нему. гла филипоу (Остр. 34, Мар. 335).

В данных конструкциях зависимая часть относится непосредственно к действительному причастию прошедшего времени. В следующих предложениях она удалена от причастия другими членами господствующей части, чаще всего подлежащим. Характерен обратный порядок слов.

видЕвъши же жена *яко* не оутай сА. трепещУщи приде и падъши прЕдъ нимъ (Остр. 101, Мар. 232).

ВидЕвъ же пилать *яко* ничесоже оуспЕеть. нъ паче мълва бываеть. гля емоу (Остр. 134, Мар. 151).

ВидЕвъ же иис. *яко* съришетъ сА народъ. запрЕти дхоу нечистоумоу примъ водУ и оумы рУцЕ прЕдъ народъмъ гля (Остр. 198, Мар. 107).

Тьгда *видЕвъ* июда прЕдавыи его. Еко осУдишА и. раскаавъ сА възврати три десАти сьребръникъ архиереомъ и старьцемъ (Мар. 105, Остр. 184).

ВидЕвъ же сотьникъ стоЯ и прЕмо емоу. Еко тако възъпивъ издъще. рече въ истинУ члвкъ съ снъ бжи бЕ (Мар. 182).

От приведенных отличается следующий пример:

іс же *видЕвыи* Еко сьмыслъно отъвЕшта рече емоу... (Мар. 166).

Это предложение можно перевести как: «Иисус, увидев, что он разумно отвечал, сказал ему...»

Местоимение *и*, которое переводим как подлежащее зависимой части, находится в господствующей. Буквальный перевод

¹¹ См. В. В. Назаретский, К истории сложноподчиненного предложения в древнерусском языке. Вып. I. Енисейск, 1960, стр. 51.

¹² Там же, стр. 51—52.

должен был быть такой: «Иисус, увидев его, что разумно отвечал, сказал ему...» Этот пример интересен тем, что один член зависимой части находится еще в господствующей части.

А. Потребня дал впервые правильное объяснение таким случаям. Он доказал, что они представляют переходную ступень в развитии придаточного дополнительного на основе дальнейшего разложения соответствующего члена простого предложения, выраженного двойным винительным (типа *увЕдаша князя идуча*). По словам А. Потебни, на этой ступени содержание позднейшего придаточного все еще было разделено между главным и придаточным предложениями¹³.

Зависимая часть, находясь в середине господствующей, может относиться не только к причастию, но и к глаголу в форме изъявительного наклонения.

И егда **видЕшА** народи **яко** іса не бысть тоу. ни оученикъ его. **вълЕзошА** въ каперьнаоумъ **ищУще** исоуса (Остр. 16, Мар. 337).

сУсЕди же и **иже** и **бЕахУ** **видЕли** прЕжде **Еко** слЕпъ **бЕ** глаахУ (Мар. 353, Остр. 38).

въ слѣдъ же **шедъшА** жены. **Яже** **бЕахУ** **пришълы** съ нимъ отъ галилеЯ. **видЕшА** гробъ и **Еко** положено бысть **тело** его. **възвращтъшА** же **сА** оуготовашА ароматы. **і** **муро** (Мар. 307, 192).

Можно отметить, что в последнем случае зависимая часть присоединена к господствующей как однородный член.

Постпозиция зависимой части, относящейся к глаголу *видЕти*, встречается реже. Обычно зависимая часть стоит непосредственно после сказуемого господствующей части, выступающего в форме изъявительного или повелительного наклонения.

і **възърЕшА** **видЕшА** **Еко** отъвалень **бЕ** камень. **бЕ** бо велеи **зЕло** (Мар. 183, Остр. 18).

отъвЕщашА и рекошА **емоу** еда и ты отъ галилеЯ **еси** испытаи и **виждъ** **яко** отъ галилеЯ пророкъ не приходитъ (Остр. 55, Мар. 346).

гла **емоу** жена. **гн** **вижду** **Еко** пркъ **еси** ты (Мар. 327, Остр. 31).

Въ **врЕмА** оно **свЕтъ** съ творишА **фарнсеи** на **іса**. и **рекошА** къ себЕ **видите**. **яко** никая польза **есть** (Остр. 41, Мар. 368).

Отличается от предыдущих следующее предложение:

Въ **оутрЕи** днь **народъ** **иже** **стоЕаше** об онъ **поль** **морЕ**. **видЕвъ** **Еко** **кораблЕ** **иног** не **бЕ** **тоу**. **тъкмо** **единъ** **тъ**. **въ** **нъже** **вънидУ** **оученици** **его**. **і** **Еко** не **въниде** съ **оученики** **своими** **ис** **въ** **корабъ**. **нъ** **едини** **оученици** **его** **идУ** (Мар. 337, Остр. 16).

Здесь две однородные соподчиненные зависимые части относятся к краткому действительному причастию *видЕвъ*. Однако смысл предложения не совсем ясен ввиду отсутствия второго сказуемого, которого следовало бы ожидать после зависимой части. Только из последующего изложения становится ясно, что же сделал народ, который стоял по ту сторону моря.

б) Не менее широко используются в исследуемом материале сложные предложения, в которых зависимая объектная часть относится к глаголу *слышати*.

¹³ См. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 391.

Как и в конструкциях предыдущего типа, преобладает интерпозиция зависимой части, в большинстве случаев следующей за сказуемым господствующей части. Сказуемое выступает в форме причастия действительного залога прошедшего времени.

Фарисен же слышавъше Еко срами садоукеЯ. събъраша сА въ коупЕ (Мар. 81).

Въ оутрЕи же день народъ мьногъ пришъдѣи въ праздникъ слышавъше яко иисъ идеть въ иероусалимъ приЯша вЕие отъ фвникъ и изидоша противУ емоу (Остр. 143, Мар. 367).

симонъ же петръ слышавъ Еко гъ естъ епендитомъ прЕпоЕса сА. бЕ бо нагъ. і ввърже сА въ море (Мар. 401, Остр. 209).

і се двѣ слЕпца сЕдАшта при пУти. і слышавъша Еко ись мимоходить възъиисте глаголюшА (Мар. 72, Остр. 76).

сынъ тимеовъ вартимей. слЕпъ сЕдЕаше при пУти хлЕбАЯ. слышазъ Еко ись назарЕнинъ естъ. начАтъ зъвати и глати (Мар. 158).

слышавъ же яко архелаи прствоуетъ въ иоудеи въ ирода мЕсто оца своего оубоя сА тамо ити (Остр. 253, Мар. 5).

они же слышавъше Еко живъ естъ и виденъ бысть еЮ. не ЯсА вЕры (Мар. 184, Остр. 204).

В нескольких случаях отмечен отрыв зависимой части от причастия.

слышавъ же ись яко изгънаша и вьнъ и обрЕтъ и рече емоу ты вЕроуеши ли въ сынъ бжин (Остр. 40, Мар. 356).

слышавъ ись яко иоанъ прЕданъ бысть. отиде въ галилеЮ (Остр. 262, Мар. 8).

Зависимая часть может относиться не только к причастию, но и к сказуемому, выступающему в форме глагола изъявительного наклонения, но подобные случаи немногочисленны.

егда же слыша яко болить тогда прЕбысть на немъ же мЕстЕ двѣ дьни (Остр. 137, Мар. 361).

марта же егда оуслыша Еко ис гРАдеть. сърЕте и (Мар. 362, Остр. 137). и слышашА окръсть живУштен і рождение еЯ. Еко възвеличилъ естъ гъ милость свою съ неЮ. радовахУ сА съ неЮ (Мар. 194, Остр. 279).

Несколькими случаями представлены конструкции, в которых зависимая часть находится после господствующей. Сказуемое последней части выражено глаголом в форме изъявительного наклонения.

слышасте Еко азъ рЕхъ вамъ идУ и придУ къ вамъ (Мар. 377, Остр. 167).

отвъЕща емоу народъ. мы слышахомъ отъ закона. яко хсъ прЕбываегъ въ вЕкы и како ты глещи. възнести сА подобаеть сыноу члвчскоумоу (Остр. 4, Мар. 369).

Во втором примере к сказуемому *слышахомъ* относятся две соподчиненные зависимые части с различными служебными словами: *яко* в первом и *како* во втором. Между собою они соединены сочинительным союзом *и*.

От предыдущих отличается следующий пример:

і начАсА приносити на одрЕхъ болаЩАЯ. идеже слышахУ и Еко тоу естъ (Мар. 140).

Не изменяя порядка слов, это предложение можно перевести так: «и начали принносить на постелях больных, где слышали его, что он есть тут».

Здесь содержание позднейшего придаточного все еще разделено между господствующей и зависимой частями, что было характерно и для предложения *ic же видЕвы-и Еко съмыслъно отъвЕшта рече емоу*.

Единственным случаем представлена конструкция, в которой зависимая часть относится к сказуемому господствующей, выраженному кратким страдательным причастием, образованным от глагола *слышати*.

отъ вЕка нЕсть слышано. Еко кто отврѣзе очи слЕпоу рожденоу (Мар. 355, Остр. 40).

Слово *Еко* в приведенном предложении выступает в значении 'чтобы'.

Вместо глагола *слышати* в господствующей части отмечено словосочетание существительного *слоухъ* с глагольной формой *бысть*.

слоухъ бысть Еко въ домоу естъ (Мар. 120, Остр. 129).

3) Меньшим количеством примеров представлены конструкции, в которых зависимая часть относится к сказуемому со значением чувства, внутреннего состояния, переживания. В большинстве случаев зависимая часть следует за господствующей, сказуемое которой обычно выражается глаголом в форме изъявительного или повелительного наклонения. Глагол-сказуемое может или стоять непосредственно перед зависимой частью, или быть оторванным от нее другими членами. В роли сказуемого выступают различные глаголы.

ФарисЕи же видЕвъ диви сА. Еко не прЕжде крѣсти сА прѣвЕе обЕда (Мар. 250).

не диви сА Еко рЕхъ ти. подобаатъ вамъ родити сА съвыше (Мар. 322), и тогда же придошА оученици его. и чУждаахУ сА яко съ женоЮ глаше (Остр. 31, Мар. 327).

на мА ли гиЕваете сА яко всего члвка съдрава сътворихъ въ сУботоу (Остр. 26, Мар. 344).

мы же надЕемъ сА Еко съ естъ хотАи илЕ избавити (Мар. 309, Остр. 5). марта мльвлЕаше о мънозЕ слоужьбЕ. ставъши же рече. ги не радиши ли Еко сест(р)а моЕ единУ мА остави слоужити (Мар. 245).

В Остромировом евангелии вместо глагола *радиши* в последнем примере употребляется *брЕжеши*. Как первый, так и второй относятся к глаголам со значением старания, стремления.

Во всех приведенных предложениях зависимая часть следует за глаголом-сказуемым господствующей части. В следующих конструкциях они удалены друг от друга одним словом или группой слов.

радоуйте сА съ мноЮ. Еко обрЕтъ драгмУ Юже погоубихъ (Мар. 265). аще бысте любили мА възрадовали сА бысте оубо яко идУ къ оцоу яко оцъ боли мене естъ (Остр. 167, Мар. 377).

В данных предложениях чувствуется и причинный оттенок значения.

Кроме постпозиции, встречается и интерпозиция зависимой части, но такие случаи единичны. Зависимая часть относится к

действительному причастию настоящего времени, выступающему в полной форме.

рече къ другимь. оуповающимъ собою. яко сУть правьдници и хоулащєи прочая притьчУ снЮ (Остр. 239, Мар. 279).

Тремя примерами представлены сложные предложения, в которых зависимая часть относится к указательному местоимению, находящемуся при сказуемом со значением чувства. В таких предложениях объектные отношения между частями выражаются более отчетливо.

не дивите сА семоу. Еко грАдеть година. въ ноже сУштей въ гробЕхъ оуслышАть глсь сна бжиЕ (Мар. 333, Остр. 14).

Здесь после глагола чувства *дивите сА* стоит указательное местоимение *семоу*, конкретное содержание которого раскрывается в зависимой части, следующей непосредственно за данным местоимением.

Указательное местоимение, являющееся дополнением господствующей части, может находиться перед глаголом-сказуемым, за которым следует зависимая часть.

обаче о семь не радуите сА. Еко доуси вамъ повинуюЮть сА. радуите же сА Еко имена ваша написана сУть нбсь (Мар. 242, Остр. 105).

В приведенном примере имеется два предложения с зависимой частью, относящейся к глаголу-сказуемому со значением чувства. В первом предложении рядом с глаголом находится указательное местоимение *о семь*, во втором зависимая часть относится только к глаголу *радуите сА*.

В роли сказуемого господствующей части может выступать краткая форма имени прилагательного.

отввЕща члвкѣ и рече имъ. о семь бо дивно есть. яко вы не вЕсте отъ кУдоу есть (Остр. 40, Мар. 355).

II. Предложения с зависимой объектной частью, присоединяющейся к господствующей при помощи служебного слова *да*

Анализируемые сложные предложения по степени зависимости своих частей неоднородны.

а) Среди них преобладают такие, в которых связь между частями предложения представляется недостаточно тесной. Зависимая часть обладает относительной самостоятельностью. Служебное слово *да*, служащее синтаксическим средством связи господствующей и зависимой части, по своему значению приближается к частице. Слово *да* сохраняет еще свое первоначальное значение, то есть значение усилительной частицы ('пусть') при описательном обороте повелительного наклонения¹⁴. В подавляющем большинстве случаев зависимая часть

¹⁴ См. А. Мейе, Общеславянский язык. М., 1951, стр. 392.

относится к сказуемому, выраженному глаголом со значением волеизъявления, речи. Например:

проси оу пилата носифъ иже отъ аримафеЯ сы оученикъ іусовъ таинъ же страха ради иудейска да възьметь тЕло іусово (Остр. 194).

В данном предложении зависимая часть относится к глаголу-сказуемому со значением волеизъявления *проси*, который находится в начале господствующей части. Служебное слово *да*, начинающее вторую часть, выступает в сочетании с глаголом будущего времени *възьметь* и по своему значению близко к частице ('пусть'). Предложение *да възьметь тЕло іусово* в какой-то степени сохраняет свою самостоятельность. В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что В. Вондрак рассматривает подобного рода предложения особо, называя их зависимыми повелительными предложениями¹⁵. Он замечает, что они «еще легко могут быть возводимы к своей первоначальной форме в качестве главных»¹⁶. Правда, он не указывает, какую функцию выполняет *да* в таких случаях, но, вероятно, В. Вондрак считал *да* не союзом, а частицей, образующей вместе с личной формой глагола повелительное наклонение.

Следовательно, несмотря на то, что между частями предложения существуют объектные отношения, вторая часть не полностью утратила свою самостоятельность и может быть легко понята как предложение с формой повелительного наклонения.

Вероятно, таковы же по степени зависимости своих частей и следующие предложения, в которых зависимая часть относится к глаголу волеизъявления в форме повелительного наклонения.

запрЕти имъ да никоμούже не глЮть о немъ (Мар. 146, Остр. 135).
і мьного прЕшташе имъ. да не авЕ творАть его (Мар. 124).

Архиереи же поманУшА народоу. да паче варавУ отъпоуститъ имъ (Мар. 179, Остр. 187).

оче Яже даль еси мьнЕ хоштУ да иждеже есмъ азъ и ти бУдУть съ мьноЮ да видАть слаВУ (Мар. 387, Остр. 176).

Ііс же рече има. что хоштета да сътворЮ вама (Мар. 157, Остр. 135).
азъ же молихъ сА о тебЕ да не оскУдЕать вЕра твоЕ (Мар. 299, Остр. 164).

Зависимая часть может относиться к краткому действительному причастию.

слышавъ же о исЕ. посъла къ нему старъА иуденскы. мола и. да пришедъ спсеть раба его (Мар. 220, Остр. 95).

Следует подчеркнуть, что рассматриваемые предложения близки к предложениям со значением цели. А. Вайан замечает: «Впрочем, резко выраженного различия между употреблением *да* в целевом значении и в качестве союза, вводящего дополнительное предложение, нет»¹⁷.

¹⁵ См. В. Вондрак, Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915, стр. 45—46.

¹⁶ Там же, стр. 51.

¹⁷ А. Вайан, Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 399.

Зависимая часть может относиться к глаголам со значением речи, которые выступают в форме изъявительного или повелительного наклонения. Глагол-сказуемое господствующей части может стоять непосредственно перед зависимой частью, например:

съказахъ имъ имА твоє и **съкажУ**, да любы еЮже мА еси възлюбиль въ нихъ **будеть** (Мар. 387, Остр. 176).

видЕвъша же оученика его иЕковъ и поанъ. рЕсте ги. хоштеши ли и **речевЕ** да огнь сьнидетъ съ небесе и поЕсть Якоже. и илиЕ сьтвори (Мар. 239).

и пристУплъ искоуситель рече емоу аще снъ еси бжии. **рѣци** да камене се. хлЕби **будУть** (Остр. 261, Мар. 8).

Нередко после глагола находится дательный падеж адресата:

рѣци оубо ен. да ми поможеть (Мар. 245, Остр. 217).

Рече же емоу единъ отъ народа. оучителю **рѣци** братроу моемоу да раздЕлить съ мьноЮ достоЕнье (Мар. 253, Остр. 235).

тъгда гла има ись не боита сА идЕта и **възвЕстита** братрини моиен да идУть въ галилеЮ и тоу мА видАть (Мар. 112, Остр. 203).

и **рекохъ** оученикомъ твоимъ. да ижденУть и (Остр. 133, Мар. 150).

В предложениях с подобным взаимоотношением частей также встречаются глаголы с другим значением.

едини же отъ нихъ рЕшА, **не можааше** ли съ отврѣзыи очн слЕпооумоу. **сътворити** да иись не оумьреть (Мар. 363, Остр. 139).

онъ же рече. **блюдЕте сА** да не прЕльщени **будете** (Мар. 293, Остр. 119).

В нескольких случаях зависимая часть относится к прилагательному в сравнительной степени, например:

нъ азъ истину вамъ глЮ **оунЕе** есть вамъ. да азъ идУ (Мар. 381).

оунЕе бо ти есть да погьблеть единъ оудъ твоихъ а не все тЕло твоє въврѣжено **будеть** въ геону (Мар. 12).

рече имъ въ не вЕсте ничесоже. ни помышлЕаете. яко **оунЕе** есть вамъ да единъ члвкъ оумьреть (Остр. 41, Мар. 365).

б) Наряду с рассмотренными предложениями, встречаются такие, в которых объектные отношения между частями выступают более отчетливо. Служебное слово *да*, связывающее зависимую и господствующую части, по своему значению приближается к союзу *чтобы*.

Зависимая часть в основном относится к глаголам со значением волеизъявления, в редких случаях — к глаголам речи. В данном типе предложений в зависимой части глагол-сказуемое встречается не только в форме изъявительного, но и условного наклонения, например:

і отьУдоу въставъ иде въ прЕдЕлы турьскы и сидоньскы. і въ домъ въшедь. не хотЕаше да **би** и кѣто чюль (Мар. 142).

Рече же гъ симоне симоне се сотона просить васъ да **би** сЕлъ Еко пшеницУ (Мар. 299).

Отъ того же дьне съвЕшташА да и **бу оубили** (Мар. 365, Остр. 41).

В приведенных предложениях *да* может быть понято как подчинительный союз 'чтобы'.

Вероятно, *да* имеет значение подчинительного союза и в следующих примерах, где в зависимой части находится глагол-сказуемое в форме изъявительного наклонения.

нынЕ вЕмь яко вЕси вьса и не трЕбоуеши да кѣто тА **въпрашасть** (Мар. 173, Остр. 384).

самъ же исъ не вѣдааше себе въ вЕрУ ихъ. имъже самъ вЕдЕаше вьсА. і Еко не трЕбовааше да кѣто съвЕдЕтельствоуоугъ о члвцЕ. самъ бо вЕдЕаше что бЕаше въ члвцЕ (Мар. 321).

і отътУдУ ишедше идЕахУ сквозЕ галилЕЮ. і не хотЕаше да кѣто **оувЕсть** (Мар. 151, Остр. 134).

не молЮ да **възмѣши** Я отъ мира. нѣ да съблюдеши Я отъ неприЕзни (Мар. 386, Остр. 175).

Единичными примерами представлены предложения, в которых зависимая часть относится к причастию, образованному от глагола со значением желания.

Обаче врагы моЯ ты. не хотЕвъшАЯ мьнЕ (да) да церь бимь былъ надъ ними. приведеТе сЕмо і исцЕлЕте і прЕдъ мьноЮ (Мар. 286).

В данном предложении зависимая часть вставляется в середину господствующей.

В редких случаях зависимая часть относится к краткому прилагательному.

Авраамъ оць вашъ радъ бы былъ да бы видЕлъ днь мон (Остр. 34, Мар. 352).

отвъЕщавъ сотьникъ рече емоу. ги. нЕсмь. достоинь да въ домъ мон вьидеши (Мар. 22, Остр. 64).

Двумя примерами представлены предложения, в которых зависимая часть относится к указательному местоимению.

граждане же его ненавидЕахУ его. посьлашА молитвУ въ слЕдъ его глЮще. не хоштемъ сЕмоу да црствоуоугъ надъ нами (Мар. 284).

о семъ прослави сА оць мон да плодъ мьногъ сътворите і будете мон оученици (Остр. 168, Мар. 378).

Анализируя подобного рода предложения в «Повести временных лет», В. Назаретский пишет, что их можно считать «проявлением не только общеславянской синтаксической тенденции, но и до некоторой степени общиндоевропейской», так как они встречаются не только в славянских языках, но и в других индоевропейских. Он приходит к выводу, что «придаточные дополнительные с союзом *да* выросли из древних смысловых связей сослагательно-желательного наклонения, как развитие, уточнение желания»¹⁸.

III. Сложные предложения с зависимой объектной частью, присоединяющейся к господствующей при помощи служебного слова *аште*

В сложных предложениях с зависимой объектной частью служебное слово *аште* встречается в двух значениях: а) в значении частицы *ли* и б) в значении союза *что/чтобы/*. По наблюдениям Б. В. Лаврова, употребление *аште* в качестве вопроса-

¹⁸ В. В. Назаретский, К истории сложноподчиненного предложения в древнерусском языке, стр. 65.

тельной частицы *ли* в косвенном вопросе встречается уже в древнейших памятниках¹⁹. По мнению В. Назаретского, использование *аще* в функции вопросительной частицы *ли* — «возможный пережиток древних эпох, когда, вероятно, чувствовалась семантическая близость глагольных корней служебного слова *аще* и частицы *ли*»²⁰.

Служебное слово *аште* широкого распространения в предложениях с зависимой объектной частью не имеет.

Зависимая часть, в которой *аште* имеет значение частицы *ли*, может относиться к глаголу чувственного восприятия, например:

і абие текъ единъ отъ нихъ. і приемъ гУБУ. испльнь оцѣта. і вознезъ на трѣсть. напѣше и. а прочии глхУ. остани да видимъ. *аще* придетъ илиЕ спсть его (Мар. 109, Остр. 200).

Здесь зависимая часть, вводимая *аще*, представляет собой косвенный вопрос. Зависимую часть легко можно возвести к самостоятельному вопросительному предложению, которое, по словам В. Вондрака, при своей зависимости не испытывает никаких особых изменений²¹. Зависимую часть, начинающуюся *аще*, В. Вондрак называет зависимым вопросительным предложением²².

Еще примеры с зависимой частью, относящейся к глаголам чувственного восприятия:

вниде паки въ сънмиште. і бЕ члвкъ соухУ рУКУ имы. і *назираахУ* и *аще* въ соботУ исцЕлить Ю. да на нь възглаголЮтъ (Мар. 123, Остр. 122). *назырЕахУ* књижици и фарисЕи. *аште* въ соботУ исцЕлиты-и. да обрАштУть рЕчь на нь (Мар. 215, Остр. 94).

Зависимая часть, начинающаяся служебным словом *аште*, может относиться к глаголу-сказуемому со значением речи.

іс же мльчааше. і отъвѣштавъ архиереи рече емоу. заклинаЮ тА бмъ живымъ да речеши намъ. *аще* ты еси хъ снъ бжи (Мар. 103, Остр. 162).

і пристУпше фарисЕи и *въпрашаахУ* и. *аще* достоинъ мужю женУ поштати. окоушаЮште и (Мар. 154).

і емъ за рУКУ слЕпааго... и възложи рУцЕ на нь. *въпрашааше* и *аште* чъто видить (Мар. 146).

В следующих предложениях зависимая часть относится к краткому действительному причастию, образованному от глагола со значением речи.

и отъвѣштавъ рече ись рече къ законьникомъ и фарисЕомъ глА. *аште* достонть члкоу поуститу женУ своЮ. по высЕкои винЕ (Мар. 65, Остр. 74).

і въпросишА и глЮще. *аще* достоинъ въ соботУ цЕлити. да на нь възглаголЮтъ (Мар. 37).

¹⁹ См. Б. В. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. Л., 1941, стр. 54.

²⁰ В. В. Назаретский, К истории сложноподчиненного предложения в древнерусском языке, стр. 66.

²¹ См. В. Вондрак, Древнецерковнославянский синтаксис, стр. 64.

²² Там же, стр. 45—46.

Во всех приведенных предложениях зависимая часть находится после господствующей. Отмечен единственный случай с препозицией зависимой части, вводимой служебным словом *аште* в значении частицы *ли*. Препозитивная зависимая часть относится к глаголу знания.

отвѣща же онъ и рече. аште грѣшникъ есть не вѣмь. едино вѣмь Еко слѣпъ бѣхъ нынѣ же виждУ (Мар. 355, Остр. 40).

Служебное слово *аште* в значении изъяснительного союза встречается в редких случаях.

Пилать же дивн сА. аще оуже оумрЕтъ и призвавъ сътъника въпроси аще оуже оумрЕтъ (Остр. 17, Мар. 182).

Перевод: Пилат удивился, что он уже умер, и, призвав сотника, спросил его, давно ли он умер.

Этот пример интересен тем, что в нем имеется две зависимые части, одна из которых присоединяется к господствующей с помощью *аще*, равно по своему значению *что*. Эта часть вставляется в середину господствующей. Кроме того, от глагола речи *въпроси* зависит предложение *аще оуже оумрЕтъ*, в котором *аще* выступает в значении частицы *ли*.

Засвидетельствованы единичные случаи использования *аште* в значении изъяснительного союза *чтобы*.

Огнѣ придь въврѣштъ въ землЮ что хоштУ аште юже и възгорѣ сА (Мар. 257).

(Приблиз. перевод: Огонь пришел я низвесть на землю, как хочу, чтобы он уже возгорелся).

Служебное слово *аште* в роли изъяснительного союза встречается и в памятниках древнерусского языка. По мнению В. Назаретского, употребление *аште* в значении изъяснительного союза — «явление новое, указывающее на возросшую потребность в изъяснительном союзе, которая, видимо, не покрывалась наличием существующих союзов...»²³.

Такое использование *аште*, по словам автора, «указывает на ослабление, забвение основного значения этого союза»²⁴.

Иногда бывает трудно определить значение *аште*. Например: і въздъхнУвъ дхомъ своимъ гла. чѣто родось знамениЕ иштеть. амннъ глЮ вамъ. аште дастъ сА родоу семоу знамение (Мар. 145).

Возможно, здесь *аште* приближается к частице *вот* и начинает прямую речь. Предлагаем следующий перевод этого отрывка: И он, вздохнув, сказал: «Для чего род сей ищет знаменья?» Истинно говорю вам: (вот) дастся роду сему знамение».

Таким образом, функция *аште* в данном случае, вероятно, такова же, как и слова *Еко* в рассмотренных ранее предложениях с прямой речью.

²³ В. В. Назаретский. К истории сложноподчиненного предложения в древнерусском языке, стр. 66.

²⁴ Там же.

IV. Сложные предложения с зависимой объектной частью, присоединяющейся к господствующей вопросительно-относительными местоимениями и наречиями

Нередко в исследуемом материале встречаются сложные предложения с зависимой объектной частью, присоединяющейся к господствующей с помощью вопросительно-относительных наречий и местоимений. По мнению исследователей исторического синтаксиса, зависимая часть в рассматриваемых предложениях возникла из независимых вопросительных предложений, превратившихся после глаголов говорения, мышления, чувственного восприятия в придаточные дополнительные предложения²⁵. В памятниках старославянского языка вопросительно-относительные местоимения и наречия не только присоединяют зависимую часть к господствующей, но в значительной мере сохраняют свое вопросительное значение. Таким образом, они совмещают в себе и относительное, и вопросительное значение²⁶.

1). Предложения с зависимой объектной частью, начинающейся служебным словом *когда(егда)*

Данные предложения занимают незначительное место в исследуемом материале. Они представлены всего несколькими примерами. В двух случаях зависимая часть относится к глаголу-сказуемому со значением речи, выступающему в форме повелительного наклонения.

ръци намъ. **когда** се бУдеть и кое бУдеть знамение. егда имУть съконьчати сА въсЕ си (Мар. 168).

Здесь к глаголу *ръци* относятся две зависимые части, первая из которых вводится при помощи *когда*, вторая начинается вопросительно-относительным местоимением *ког*. Зависимая часть восходит к вопросительному предложению, раскрывающему содержание глагола-сказуемого *ръци* в повествовательном предложении. В этом сложном предложении ясно чувствуется вопросительный характер местоимения *когда*. Между первой и второй зависимой частью в приведенном предложении находится сочинительный союз *и*. Кроме того, к существительному *знамение* относится еще одно предложение, начинающееся служебным словом *егда*.

²⁵ См. Я. А. Спринчак, Очерк русского исторического синтаксиса (сложное предложение). Киев, 1964, стр. 107; Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка, стр. 490.

²⁶ С. Дложевский также отмечает в латинском языке группу относительных предложений, которая может быть возведена к такому прототипу, где местоимение, вводящее предложение, понималось в такой же мере относительным, как и вопросительным. См. Сергей Дложевский, Проблема возникновения относительных предложений в латинском языке. Киев, 1915, стр. 7.

В следующей конструкции также имеется две зависимые объектные части, но, в отличие от предыдущей, вторая из них вводится вопросительно-относительным местоимением *что*.

приступиша къ нему оученици къ единому гл҃оше **повѣжь** намъ **когда** си будуть и что есть знамение твоего пришествія и коньчания вѣка (Остр. 143, Мар. 87).

Двумя примерами представлены конструкции, в которых зависимая часть относится к глаголу знания.

блудете са бѣдите и молити са **не вѣсте** бо **когда** врѣма будеть (Остр. 229, Мар. 171).

бѣдите оубо. **не вѣсте** бо **когда** гъ домоу придетъ вечеръ ли въ полунощи или въ коуроглашение (Остр. 229, Мар. 171).

Отмечен единственный случай, когда зависимую объектную часть вводит служебное слово *егда*.

свѣдѣтельствовааше народъ. иже бѣ съ нимъ **егда** лазара възгласи отъ гроба и въскрѣси его отъ мрътвыхъ (Остр. 143, Мар. 367).

(Приблизительный перевод: народ, который бы с ним, свидетельствовал, что он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых).

Здесь зависимая часть *егда лазара...*, относящаяся к глаголу-сказуемому *свѣдѣтельствовааше*, удалена от последнего не только подлежащим господствующей части, но и другим предложением *иже бѣ съ нимъ*.

Во всех примерах служебное слово *когда* или *егда*, присоединяя зависимую часть к господствующей, в то же время является наречием времени, т. е. сохраняет свое лексическое значение²⁷.

2) Сложные предложения с зависимой объектной частью, начинающейся служебными словами *къде*, *отъ кудоу*, *камо*

Зависимая часть может присоединяться к господствующей при помощи вопросительно-относительных наречий *къде*, *отъ кудоу*, *камо*. Они так же, как и предыдущие, служат не только для связи частей предложения, но и сохраняют свое вопросительное значение. Кроме того, они выступают в качестве обстоятельства зависимой части.

а) Предложения с зависимой частью, вводимой *къде*, представлены немногочисленными случаями. Они могут относиться к глаголу-сказуемому со значением чувственного восприятия и знания.

Марія же магдалини и марія носеова **зърѣста** **къде** и полагааху (Остр. 17, Мар. 183).

²⁷ Эту особенность отмечают исследователи и современного русского синтаксиса. При этом С. Г. Ильенко считает, что «основным условием сохранения наречного характера у слова *когда* в сложноподчиненных предложениях с придаточными дополнительными является наличие у него логического ударения». См. С. Г. Ильенко, О союзах и союзных словах *когда* и *где* (К вопросу о средствах связи главного предложения с придаточными). Ученые зап. Лен. госпединститута им. А. И. Герцена, т. 173, 1958, стр. 12.

гла има Еко възЕсА га моего и не вЕмь кѣде положишА и (Мар. 397, Остр. 208).

гла емоу исъ. лиси Езвину имУть. і птици нбскыЯ гнЕзда. а снѣ члвцскы не имать кѣде главы подѣклонити (Мар. 23, Остр. 63).

і мышлЕаше въ себЕ. гла. что сѣтворЮ. Еко не имамъ кѣде сѣбрати плодъ моихъ (Мар. 254, Остр. 104).

Глагол-сказуемое в последних двух предложениях имеет значение 'не знает'.

Если в приведенных примерах зависимая часть находилась после господствующей, то в следующем она вставляется во внутрь ее.

придоша же и видЕста кѣде живЕше и прЕбыста оу него днь тѣ (Остр. 6, Мар. 317).

В редких случаях зависимая часть относится к глаголу со значением речи.

она же мнѣАшти Еко врьтоградарь естъ. рече емоу ги. аште ты еси възАль. повЕждь мнѣ кѣде и еси положиль (Мар. 20, Остр. 208).

и сѣбра всА старЕишины и книжъники людъскы вѣпрашаЮ оу нихъ гдЕ хсъ раждаеть сА (Мар. 4, Остр. 251).

б) Еще меньшим количеством случаев засвидетельствованы предложения с зависимой частью, начинающейся служебным словом *камо*.

В двух примерах зависимая часть относится к глаголу знания.

да тѣма васъ не иметь и ходАи въ тѣмЕ. не вѣсть. камо идеть (Остр. 43, Мар. 369).

гла емоу фома. ги не вЕмь камо идиши и како пУть можемъ вЕдЕти (Остр. 165, Мар. 375).

Во втором предложении к глаголу *не вЕмь* относятся две зависимых части, вводимые разными вопросительными наречиями (*камо* и *како*).

Единственным примером представлена конструкция, в которой в господствующей части находится глагол-сказуемое речи.

нынѣ же идУ къ посълавъшоумоу и никѣто васъ не вѣпрашаеть мене камо идиши (Остр. 171, Мар. 381).

в) Не имеют широкого распространения и предложения с зависимой частью, начинающейся *отъ кУдоу*. Зависимая часть следует за глаголом-сказуемым со значением знания.

отъвѣшта члвкъ и рече имъ. о семь бо дивно естъ. Еко вы не вЕсте отъ кУдоу естъ (Мар. 355, Остр. 40).

а хъ егда придетъ никѣже не вЕсть отъ кУдоу бУдетъ (Мар. 344, Остр. 40).

Възва же въ цркви оучА ис. и гла мене вЕсте и вЕсте отъ кУдоу есмь (Мар. 344, Остр. 40).

Еко же вѣкоуси архитриклинь ѳина бывъшаго отъ воды. і не вЕдЕаше отъ кУдоу естъ. а слоугы вЕдЕхУ. почръпъшеи водУ. пригласи жениха архитриклинь. і гла емоу (Мар. 320, Остр. 12).

В последнем предложении, в отличие от предыдущих, зависимая часть находится в середине господствующей.

К одному глаголу-сказуемому может относиться две и больше зависимых части.

доухъ идеже хоштеть доушеть. і гла его слышшии. нъ не вЕси отъ кУдоу придеть и камо идеть (Мар. 322, Остр. 27).

свъЕдЕтельство мое истинно естъ. Еко вЕМь отъ кУдоу придь и камо гРАДУ и камо идУ (Мар. 348, Остр. 27).

Отмечено два примера, в которых, кроме глагола знания, находится еще указательное местоимение.

еда како разоумЕшА кнАзи. Еко съ естъ хъ. нъ сего вЕМь отъ кУдоу естъ (Мар. 344, Остр. 40).

мы вЕМь мосЕови гла бъ. сего же не вЕМь отъ кУдоу естъ (Мар. 355, Остр. 40).

В данных предложениях более отчетливо выступают объектные отношения между господствующей и зависимой частями.

3) Сложные предложения с зависимой частью, присоединяющейся к господствующей служебным словом *како*

Данные конструкции, как и предыдущие, представлены небольшим количеством случаев. В одних из них зависимая часть относится к глаголу со значением речи и расположена после господствующей части. Предложения со служебным словом *како*, кроме объектного значения, выражают еще и добавочное, обстоятельственное значение, т. е. *како* сохраняет свое лексическое значение.

паки же въпрашаахУ и фарисЕи како прозьрЕ (Мар. 354, Остр. 39).
помаваахУ же оцоу его. како бы хотЕль нарещи его (Остр. 280, Мар. 194).

Внидеже сотона вы-июдЕЮ... шедъ гла архиереомъ и воеводамъ. како имъ прЕдасты-и (Мар. 296).

ВъзвЕстишА же имъ и видЕвъшен како съпасе сА бЕсьновавы (Мар. 230, Остр. 99).

и повЕдашА имъ видЕвъшен. како бысть бЕсьноуемоу. і о свиниЕхъ (Мар. 132).

Последний пример интересен тем, что в нем существительное *о свиниЕхъ* присоединяется к зависимой части как однородный член. Перевод данного предложения: И видевшие рассказали им, как было с бесноватым, и о свиньях (то есть подразумевается, что рассказали и о свиньях).

Тремя примерами представлены предложения, в которых зависимая часть относится к глаголу со значением чувственного восприятия.

і сЕдъ исъ прЕмо газофилакеови видЕаше. како народъ мететь мЕдъ въ газофилакиЮ (Мар. 167).

і глаахУ же иудеи. виждь како люблЕаше и (Мар. 363, Остр. 139).

глаше къ званымъ притьчУ одръжА како прЕдъсЕдания избираахУ гла къ нимъ (Остр. 110, Мар. 263).

В последней конструкции зависимая часть относится к крагкому действительному причастию *одръжА*, которое имеет значение 'замечая'.

В следующем предложении зависимая часть поясняет глагол со значением стремления, старания.

егда же приведуТЬ вы на съборища и власти. и владычества не пьЕте сА како или что речете (Мар. 253, Остр. 235).

Здесь, кроме *како*, употреблено еще местоимение *что*, которое повторяется перед двумя однородными сказуемыми. (Перевод: ... не заботьтесь, как или что ответите или что скажете).

Единственным случаем засвидетельствована препозиция зависимой части с вопросительным наречием *како*, относящейся к глаголу со значением знания.

отвЕшасте же имъ родителЕ его и рЕсте. вЕвЕ Еко съ есть снъ наю Еко слЕпъ сА роди. како же нынЕ видить не вЕвЕ (Мар. 354, Остр. 39).

4) Сложные предложения с зависимой объектной частью, начинающейся служебным словом *что*

Предложения с зависимой частью, присоединяющейся к господствующей при помощи вопросительно-относительного местоимения *что*, имеют более широкое распространение, чем предыдущие. В большинстве случаев зависимая часть относится к глаголам мышления и знания и расположена непосредственно за ними.

Юже не глЮ васъ рабъ. рабъ бо не вЕсть что творить гъ его (Мар. 379, Остр. 273).

самъ же исъ не въдаше себе въ вЕрУ ихъ... самъ бо вЕдЕаше что бЕаше въ члвцЕ (Мар. 321).

възвращъ сА обрЕте і пакы съпАштА. бЕашете бо имъ очи тАготьнЕ. не оумЕхУ что бУ отвЕштали емоу (Мар. 175).

еда законъ нашъ сУдитъ члв(в)коу. аще не слышитъ отъ него прЕжде разоумЕать что творить (Мар. 346).

сиЮ притгыУ рече имъ исъ они же не разоумЕшА что бЕшА яже глаше имъ (Остр. 35, Мар. 357).

В последнем случае к зависимой объектной части относится еще одно предложение, начинающееся относительным местоимением *яже*.

Во всех приведенных выше примерах сказуемое господствующей и зависимой части выступает в форме изъявительного наклонения.

В следующем предложении сказуемое зависимой части выражено сочетанием краткого действительного причастия с инфинитивом.

сего же глаше искоушАя и. самъ бо вЕдЕаше что хотА сътворити (Мар. 335, Остр. 34).

Здесь посредством вопросительного местоимения *что* к глаголу *вЕдЕаше* присоединяется краткое действительное причастие *хотА*. Т. П. Ломтев также приводит этот пример из Остромирова евангелия и переводит его как 'сам знал то, относительно чего ты являешься желающим что-то сделать', по-современному — 'сам знал, что хотел (т. е. хочешь вм. *хотя*) сотворить', т. е. 'сам знал, что хотящий'²⁸. Он замечает, что вопросительное местоимение в таких предложениях одновременно указывает на

²⁸ Т. П. Ломтев, Очерки..., стр. 542.

объект действия, выраженного глаголом и причастием²⁹. Более подробно останавливается на оборотах, в которых краткое причастие присоединяется к сказуемому при помощи вопросительного местоимения или наречия, Овсяннико-Куликовский³⁰.

Нами отмечено два таких случая:

ис же рече има. не вЕста сА чесо просАшта (Мар. 157, Остр. 135).
ис же глаше оче отъпоустити нмъ не вЕдАть бо сА чьто творАше
раздЕляЮще же ризы его (Остр. 97).

В Маринском евангелии вместо причастия *творАще* во втором примере стоит глагол 3-го лица, мн. числа *творАтъ*. Сравни Мар. ев.:

ис же глаше оче отъпоустити нмъ. не вЕдАть бо сА чьто творАтъ. раздЕляЮще же ризы его (стр. 305).

Овсяннико-Куликовский приводит этот пример из Остромирова и Зографского евангелий и отмечает, что в последнем так же, как в Маринском, употреблена уже форма 3-го лица (*творАтъ*). Вслед за А. Потемней³¹, Овсяннико-Куликовский считает, что оборот типа *не вЕдАть бо сА чьто творАтъ* образовался из составного сказуемого. По словам автора, составное сказуемое распалось на два глагола: на сказуемое главного предложения и сказуемое придаточного, которое присоединяется к первому посредством союза или союзного слова. При этом местоимения или наречия стали появляться в оборотах с составным сказуемым раньше его распада на сказуемое главного и придаточного предложения. Новый оборот (с глаголом вместо причастия), по мнению Овсяннико-Куликовского, «развивался и распространялся постепенно, и старый долго еще сохранял свою силу, пока наконец не был вытеснен новым. Долгое время обе формы существовали рядом, заменяя одна другую»³². В связи с высказанием Овсяннико-Куликовского становится понятным, почему новый оборот встречается и в Маринском евангелии.

Кроме предложений, в которых зависимая часть с местоимением *чьто* присоединяется к глаголам знания, отмечены такие, где в господствующей части находится не глагол, а словосочетание *вЕрУ имемъ*.

рЕшА же емоу кое оубо ты твориши знамение да видимъ и вЕрУ имемъ тебЕ чьто дЕлаеши (Мар. 338).

Единственным случаем представлена конструкция, где в господствующей части, кроме глагола знания, имеется указательное местоимение. Смысловые отношения между частями становятся более четкими, и связь их становится более тесной.

сего же никтоже не разоумЕ възлежАштихъ. къ чесомоу рече емоу (Мар. 373).

²⁹ Там же, стр. 541.

³⁰ Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Синтаксис русского языка, стр. 93—98.

³¹ См. А. Потемня, Из записок..., т. I—II, стр. 230.

³² Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Синтаксис русского языка, стр. 96.

Вопросительное местоимение употреблено здесь в форме дательного падежа.

Зависимая часть, начинающаяся вопросительно-относительным местоимением *что*, может относиться не только к глаголам знания, но и к глаголам чувственного восприятия, например: рече же гь. **слышите. что** сѹдии неправьдныи глеть (Остр. 114, Мар. 279).

и решА емоу. **слышиши ли что** сии глЮгь (Мар. 75).

теБЕ же творАщѹ млостынЮ. да не **чоуеть** шоуица своа. **что** творить десница твоя (Остр. 122, Мар. 14).

і пасушти свиниЯ бЕжашА і възвЕстишА въ градЕ и на селЕхъ. і придѹ **видЕть что** естъ бывшее (Мар. 131).

Встречаются сложные предложения с зависимой объектной частью, относящейся к глаголам речи.

они же испльнишА сА безоумьЕ. і глхѹ друогъ къ друогу. **что** бишА сѹтворили исви (Мар. 216).

і призывавъ единого отъ рабъ. **въпрашааше что** оубо си сѹтъ (Мар. 270). рече же исъ къ нимъ. **въпрошА** вы **что** достоить въ соботы добро ли тверити или зъло творити (Мар. 215, Остр. 94).

Что мА въпрашаеши. **въпроси слышавъшАЯ. что** глахъ имъ (Мар. 389, Остр. 178).

и тъ глаше имъ. нЕсте ли николиже **чъли. что** сѹтвори двдъ (Остр. 127, Мар. 123).

никтоже не рече чесо иштеши ли что глещи съ неЮ (Мар. 327, Остр. 178).

В данном примере в зависимой части находятся два вопросительных местоимения, одно из них стоит в форме родительного падежа и непосредственно следует за зависимой частью, другое местоимение (*что*) стоит перед однородным сказуемым.

5) Сложные предложения с зависимой объектной частью, начинающейся вопросительно-относительным местоимениями *кьи, коа, кое, кака, каковъ, которы, къто*

Рассматриваемые предложения не имеют широкого распространения в исследуемых памятниках.

а) Зависимая часть, вводимая местоимением *коя*, может относиться к глаголу со значением речи. При этом местоимение *коя* употребляется в сочетании с существительным и выполняет роль согласованного определения.

іс же отъвЕштавъ рече имъ. **въпрошѹ** и Езъ вы единого словесе і отъвЕштаите ми. і **реку** вамъ. **коеЮ** областіЮ се творЮ (Мар. 162).

і рЕшА глЮште къ нему. **ръци** намъ. **коеЮ** областіЮ се твориши и къто естъ давы теБЕ область сиЮ (Мар. 288).

Во втором предложении к глаголу *ръци* относятся две соподчиненные зависимые части, начинающиеся местоимениями *коеЮ* и *къто*. Между собою они соединяются сочинительным союзом *и*.

В единственном случае зависимая часть, вводимая местоимением *коя*, относится к краткому действительному причастию, образованному от глагола мысли.

се же глаше **клепЛА коеЮ** съмрътнЮ хотЕаше оумьрЕти (Мар. 369, Остр. 42).

К глаголу знания в форме изъявительного наклонения относится зависимая часть, начинающаяся местоимением *кьи*. Оно также выступает в роли определения зависимой части.

бдите оубо Еко **не вЕсте въ кУЮ**. годинУ гъ вашъ при(де)деть (Мар. 91, Остр. 83).

Се же вЕдите Еко аште **би вЕдЕлъ** гнъ храмины. **въ кьи** часть тать придеть бьдЕлъ оубо би (Мар. 256).

Во втором случае зависимая часть вставляется в середину господствующей, представляющей собой условное предложение.

В следующем предложении зависимая часть, вводимая *кьи*, относится к словосочетанию *существительное плюс глагол*:

бысть же и **пърЕ** въ ихъ **кьи** мьнить сА (ихъ) быти болен (Мар. 298).

б) Одним примером представлена конструкция с зависимой объектной частью, присоединяющейся к господствующей при помощи местоимения *которы*.

і ти **начАсА** искати въ себе. **которы** оубо бУдеть отъ нихъ хотАи сътвори ти се (Мар. 298).

в) Также зафиксирован единственный случай с зависимой частью, вводимой местоимением *кака*.

рече да пригласАть емоу рабы ты імже дасть сьребро да **оувЕсть** **какУ** коуплЮ сУть сьтворили (Мар. 285).

г) Редки примеры с зависимой частью, присоединяющейся к господствующей при помощи местоимения *каково* (*какова*). В качестве управляющего глагола выступает глагол знания, мысли.

она же видЕвъши сьмАте сА о словеси его. **помышлЕаше** въ себе **каково** се бУдеть цЕлование (Мар. 192, Остр. 270).

В следующей конструкции местоимение *какова* выступает вместе с *кто*.

сь аште би былъ пркъ. **вЕдЕлъ** би оубо **кто** и **какова** жена прикасаатъ сА емь. Еко грЕшъница естъ (Мар. 224, Остр. 222).

д) Зависимая часть может начинаться вопросительно-относительным местоимением *кѣто*. Обычно зависимая часть относится к глаголу знания, в редких случаях — к глаголу речи.

исцЕлЕвы же **не вЕдЕаше кто** естъ іс бо оуклони сА народу сУшту на мЕстЕ (Мар. 331).

поманУ же семоу симонъ петръ **въпросити кто** оубо естъ о немъже глеть (Мар. 373).

отъвЕшта ісъ и рече еи. аште **би вЕдЕла** даръ бжиі. і **кто** естъ глАи ли даждъ ми пити. ты би просила оу него и даль ты би водУ живу (Мар. 326, Остр. 30)..

В последнем предложении зависимая часть, начинающаяся местоимением *кѣто*, присоединяется к господствующей как однородный член (... если бы знала дар божий и кто есть говорящий тебе ...).

В следующих конструкциях к глаголу знания относятся две однородные зависимые части, вводимые местоимением *кѣто*; между собой они соединены сочинительным союзом *и*.

никтоже **не вЕсть. кто** естъ снъ тькмо отецъ. **и кто** естъ отць тькмо снъ (Мар. 234, Остр. 102).

нъ сУть отъ васъ едини иже не вЕроуЮтъ. вЕдЕаше бо искони исъ. кто сУть не вЕроуЮштеи. і кто естъ хотАи прЕдати и (Мар. 341, Остр. 24).

Местоименне *кѣто* отмечено в косвенном падеже:

сѣзрахУ же сА между собою оученици. не домыслАште о комъ глеть (Мар. 373).

Отмечен единственный случай, когда зависимая часть, начинающаяся местоимением *кѣто*, находится впереди господствующей.

ли кто емоу отврѣзе очи. вЕ не вЕвЕ (Мар. 354, Остр. 39).

Вместо глагола со значением мысли встречается словосочетание *существительное плюс глагол*.

Въниде же помышление въ нА кѣто ихъ вАштен би былъ (Мар. 238).

6) Сложные предложения с зависимой объектной частью, начинающейся местоименным словом *елико* (колько)

Зависимая объектная часть, вводимая *елико*, может относиться к глаголу-сказуемому господствующей части и следовать непосредственно за ним или же быть оторванной другими словами. Примеры, в которых *елико* стоит за глаголом господствующей части:

Въ друзи мои есте. аще творите елико азъ заповЕда вамъ (Остр. 169, Мар. 379).

отъпусти же и нисъ гля възврати сА въ домъ твои и повЕдаи елико ти сѣтвори бѣ (Остр. 99, Мар. 231).

и иде по всемоу граду. проповЕдаЯ елико сѣтвори емоу нисъ (Остр. 99, Мар. 231).

В единичных случаях местоименне *елико* выступает в сочетании с частицей *же*.

и запрЕти имъ да никомоуже не повЕдАтъ. еликоже имъ тѣ заповЕдааше (Мар. 143, Остр. 132).

В следующих предложениях, в отличие от предыдущих, зависимая часть отделена от глагола дополнением господствующей части.

възвращыше сА анли повЕдашА емоу елико сѣтворишА (Мар. 234, Остр. 100).

нъ за безочество его въставъ дасть емоу елико трЕбоуетъ (Остр. 117, Мар. 246).

нсъ же не дасть емоу. нъ гла емоу иди въ домъ твои къ твоимъ. і възвЕсти имъ. елико ти гѣ сѣтвори и помилова тА (Мар. 132).

і иде и начАтъ проповЕдати въ декаполи елико сѣтвори емоу нсъ (Мар. 132).

Большим количеством примеров засвидетельствованы конструкции, в которых зависимая часть относится к дополнению, выраженному определительным местоимением *всѣ*. По отношению к господствующей части зависимая бывает постпозитивной или же вставляется в середину ее. Определительное местоименне *всѣ* в подавляющем большинстве случаев находится непосредственно перед зависимой частью.

мнози вЕровашА въ нъ отъ самарЕанъ за слово женЕ сѣвЕдЕтельствоуЮщи. яко рече всА елико сѣтворихъ (Остр. 32, Мар. 328).

остави же водоносъ свои жена. и иде въ градъ. и гла члвкомъ придЕте видите члвка. иже рече ми **всА елико** сътворихъ (Остр. 31, Мар. 328).

тъ вы научить всемоу і **вспомЕнетъ** вамъ **всЕ елико** рЕхъ вамъ (Мар. 371, Остр. 167).

В Остромировом евангелии вместо *еликоже* употреблено местоимение *яже*.

гЛЮ же вамъ. Еко илиЕ юже приде і не познашА его. нъ сътворишА о немъ **всЕ елико** всхотЕшА (Остр. 288, Мар. 137).

фарисеи же ставъ. сице въ себе молЕаше сА гЛЯ бе... десАтинУ даЮ отъ **всего елико** притАжУ (Остр. 116, Мар. 280).

и събрашА сА анли къ нисови. и повЕдашА емоу **вса. елико** сътворишА и **елико** наоучишА (Остр. 288, Мар. 137).

В последнем предложении к местоимению *вса* относятся две соподчиненные зависимые части, и местоимение *елико* находится в каждой из них.

В следующей конструкции между определительным местоимением и *елико* вставляется краткое причастие:

егда же приде въ галилЕЮ приЯ сА и галилЕане. **всЕ видЕвъше елико** сътвори въ имЕхъ (Мар. 329, Остр. 18).

В двух случаях в сложных предложениях с зависимой объектной частью засвидетельствовано местоимение *колико*. Зависимая часть относится к глаголу чувственного восприятия.

Пилать же паки выпрашааше и гЛА. не отъЕштаваеши ли ничесоже. **видъ колико** на тА сьвЕдЕтельствуюЮтъ (Мар. 179).

тъгда гла емоу пилать. **не слышиши ли колико** на тА сьвЕдЕтельствуюЮтъ (Мар. 106, Остр. 196).

V. Предложения с зависимой объектной частью, начинающейся относительными местоимениями *иже*, *Еже*, *еже*

а) Относительное местоимение *еже* засвидетельствовано в значении изъяснительного союза. В одном случае оно имеет значение 'что', в другом — 'чтобы'.

і бЕшА людье живУще захариЮ. і **чюждахУ сА еже** къшнЕаше ть въ цръкѣве (Мар. 191, Остр. 279).

(Перевод: И люди ожидали Захария и удивлялись, что он медлил в церкви).

они же пришедъше къ исви. молЕахУ и тьштъно гЛЮште Еко достоинъ **естъ. еже** аште даси емоу. любить бо Язкъ нашъ. і сьньмиште ть сьзда намъ (Мар. 220, Остр. 95).

(Приблиз. перевод: И они, придя к Инсусу, просили его убедительно, говоря, что он достоин, чтобы ты дал (сделал) это, так как он любит народ наш и построил нам синагогу).

Особенностью второй конструкции является то, что рядом с *еже* находится союз *аще*, который придает зависимой части условный оттенок.

Использование относительного местоимения в качестве союза свидетельствует о том, что оно перестает изменяться по родам, числам и падежам и «окаменевают» в какой-то одной форме, в данном случае в форме именительного-винительного падежа³³.

³³ Этот факт был подмечен еще В. Вондраком в «Древнецерковнославянском синтаксисе», стр. 50.

Употребление форм *иже, еже* в качестве слов, потерявших формы падежа, числа и рода, по мнению Ф. Александрова, связано с процессом выработки средств выражения других видов подчинительной связи путем использования относительных местоимений³⁴.

б) Чаще зависимая объектная часть соединяется с господствующей при помощи относительных местоимений *иже, Еже, еже*, выступающих в роли союзных слов. Зависимая часть в большинстве случаев является приглагольной, то есть относится к глаголу-сказуемому господствующей части, по отношению к которой она занимает различное положение, но чаще стоит после нее.

рече же петръ члвче **не вЕмь еже** глглеши (Мар. 301, Остр. 294).

се си **вЕдАть еже** рЕхъ азъ (Мар. 389, Остр. 178).

не о всЕхъ васъ глЮ. азъ бо **вЕмь Яже** избърахъ (Мар. 372, Остр. 155).

начАть имъ глти. **еже** хотЕаше быти емоу (Мар. 157, Остр. 135).

онъ же обратъ сА рече. иди за мнЮ сотоно съблзнь ми еси. Еко **не мыслиши Еже сУть** бжиЕ и члвскаЕ (Мар. 57).

что же мА зовете ги ги **а не творите Еже** глЮ (Мар. 219).

Шедьша же оученика и сѣворьша **Еже** повелЕ има ис (Мар. 74, Остр. 140).

і иже на кровЕ да не сълазитъ **възАти еже** естъ въ храмЕ его (Мар. 88, Остр. 15).

После относительного местоимения может находиться условный союз *аште*.

тЕмъ же съ клАтвоЮ изрече еи **дати егоже аште** въспроситъ (Мар. 48).

вниде на горУ и **призва Яже** самъ хотЕ (Мар. 124).

глЮ бо вамъ Еко мнози пророци и цре въсхотЕша. **видЕти Еже** слышасте и не слыша(стЯ)шА (Мар. 243, Остр. 102).

едини мнЕахУ... Еко глтъ емоу исъ. **коупи егоже** трЕбуемъ на праздникъ (Мар. 373, Остр. 164).

Зависимая часть может стоять за причастием, например:

и обратъ сА къ оученикомъ единЕмъ рече. блаженЕ очи **видАштен Еже** видите (Мар. 243, Остр. 102).

гла емоу отъ оустъ твоихъ сУждУ ти злы рабе. вЕдЕаше Еко азъ члвкъ Ерѣ есмъ. **въземлА** егоже не положихъ. і **жьнА** егоже не сЕхъ (Остр. 24, Мар. 311).

Во втором примере имеется две зависимые части, и перед каждой из них стоит причастие.

Однако в евангелии от Луки (12, 21) зависимая часть относится к личному глаголу, но сказуемое зависимой части выражено причастием:

боЕахъ бо сА тебе. Еко члвкъ Ерѣ еси. **въземлеши егоже** не положъ. і **жьнеши егоже** не сЕвъ (Мар. 285).

Во всех приведенных предложениях как глагол-сказуемое, так и причастие находились непосредственно перед зависимой частью. Встречается и отрыв зависимой части от управляющего слова.

³⁴ Феодор Александров, О значениях и функциях местоимений *который, иже* и *кый* в основных памятниках древнеболгарского языка. «Славистичен сборник», т. 1958, стр. 154.

не пѣЕте сА како или чѣто помыслите стѣи бо дхъ **научить** вы въ тѣ часть **яже** подобаетъ глаати (Остр. 235, Мар. 253).

или нЕсть ми лЕть **сѣтворити** въ своихъ ми **еже** хоштУ (Мар. 71, Остр. 269).

нѣ шедѣ покажи сА архиереови. и **принеси** за очищение твое. **еже** повелЕ моси въ сѣвЕдЕние имѣ (Мар. 119).

Едини же отъ нихъ идУ къ фарисЕомъ. и **рЕшА** имѣ **еже** сѣтвори ис (Мар. 364, Остр. 139).

По сравнению с постпозицией расположение зависимой части в середине господствующей представлено меньшим количеством примеров. В качестве управляющих глаголов выступают глаголы, имеющие значение чувственного восприятия, знания, режe другие.

аминь бо глЮ вамѣ Еко мѣнози прии и праведьници въжделЕшА **видЕти**. **Еже** видите и не видЕшА. и **слышати** **Еже** слышите и не слышашА (Мар. 43). не подобите сА оубо имѣ **вЕсть** бо оцъ вашъ **ихъже** трЕбоуете. прЕжде прошения вашего (Остр. 123, Мар. 15).

Жена же оубоЕвъши сА и трепещУшти. **вЕдУщи** **еже** бысть еи. приде и припаде къ нему. и рече емоу **всУ** истинУ (Мар. 133, Остр. 243).

В последнем случае зависимая часть относится к краткому действительному причастию **вЕдУщи**.

Встречаются конструкции, в которых зависимая часть, начинающаяся относительным местоимением, расположена впереди господствующей.

глЮ тебе. Еко **еже** **вЕмь**. глмѣ. и **еже** видЕхомъ **сѣвЕдЕтельствоуемъ** (Мар. 322, Остр. 8).

такo и вы ... глите Еко раби недостoини есмѣ. Еко **еже** длѣжьни бЕхомъ сѣтворити **сѣтворихомъ** (Мар. 276, Остр. 113).

а **еже** вамѣ глглЮ. **всЕмь** глЮ (Мар. 171, Остр. 229).

еже глЮ вамѣ въ тѣмЕ **рѣцЕте** въ свЕтЕ. и **еже** въ оухо слышите. **прoповЕдите** на кровЕхъ (Мар. 32, Остр. 154).

гла емоу ис. иже твориши **сѣтвори** скоро (Мар. 373, Остр. 164).

Отвѣшта ис и рече емоу. **еже** азъ творЮ ты **не вЕси** нынЕ. разоумЕешнѣ же по сихъ (Мар. 371, Остр. 154).

еже оубо бѣ сѣчеталъ естѣ. чкѣ да не **разлоучаатъ** (Мар. 154, Остр. 74). **егоже** оцъ свАтии посѣла въ мирѣ вы **глете**. яко власфимисаеши (Остр. 37).

отвѣшта пилать. **еже** писахъ **писахъ** (Мар. 394, Остр. 220).

Рядом с относительным местоимением могут стоять союз **аште** или слово **колижьдо**, придающие конструкции условный оттенок значения.

гла мати его слоугамъ. **еже** **аште** глетѣ вамѣ **сѣтворите** (Мар. 319, Остр. 12).

емоуже **колижьдо** хотите **просите** и **бУдетъ** вамѣ (Остр. 49).

Рече же марѣта къ исоу ... нѣ нынЕ **вѣмь**. Еко **егоже** **колижьдо** прошии оу ба **дастѣ** тебЕ бѣ (Мар. 282, Остр. 138).

В данном примере выражаются более сложные отношения, так как перед относительным местоимением находится подчинительный союз **Еко**. Зависимая часть, начинающаяся относительным местоимением **егоже**, оказывается в середине другого предложения, относящегося к глаголу знания **вЕмь**.

В отличие от приведенных выше предложений, в следующем между его частями вставляется другое предложение, которое ослабляет связь частей сложной конструкции.

рече емоу прилежи емь. і еже аште приждивеши. азъ егда възвращу сА въздамъ ти (Мар. 244, Остр. 103).

Между господствующей и зависимой частью отмечен сочинительный союз *и*.

отвѣштавъ же ис рече имъ. въпрошь вы и азъ единого словесе еже аште речете мьнЕ и азъ вамъ рекУ. коеЮ властиЮ си творЮ (Мар. 75).

Однако данное предложение имеет сильный условный оттенок значения, а союз *и* приближается к соотносительному слову *то*. Постановке сочинительного союза могло способствовать наличие еще одного предложения со значением объекта, относящегося к глаголу речи *рекУ*.

Несколькими случаями представлены предложения, в господствующей части которых имеется указательное местоимение. Зависимая часть находится в препозиции по отношению к господствующей:

і еже видЕ и слыша се съвЕдЕтельствоуоуть (Мар. 325, Остр. 10)

і еже имЕ си сътвори (Остр. 230, Мар. 172).

мьного имамъ о васъ глати и сѹдити. нъ посълавы мА истиненъ естъ. і азъ Еже слышахъ отъ него си глЮ въ мирЕ (Мар. 349, Остр. 28).

нъ еже аште дасть сА вамъ въ ть часъ то глаголете (Мар. 169).

В одном случае указательное местоимение отмечено в предложении с постпозицией зависимой части:

отвѣштавъ исъ рече къ нимъ. ни ли сего есте чъли еже сътвори двдъ. егда възалка сА самъ. и иже съ нимъ бЕахУ (Мар. 215, Остр. 93).

Сложные предложения без указательного местоимения близки к предложениям с зависимой атрибутивной частью, начинающейся относительными местоимениями *иже*, *яже*, *еже*. Эта близость проявляется в том, что относительные местоимения в предложениях со значением объекта, по всей вероятности, также нерасчлененно сочетают в себе функцию союзного слова и указательного местоимения. В конструкциях типа *блаженЕ очи видАштеи Еже видите* местоимение *Еже* означает не просто *что*, а *то, что (видите)*. Нерасчлененность относительного местоимения свидетельствует о том, что части сложной конструкции еще недостаточно четко выделились и грамматически оформились. Вследствие этого термины *зависимая* и *господствующая части* применительно к данному типу конструкций могут быть употреблены только условно.

* *
*

Анализ сложных предложений с зависимой объектной частью показывает:

1) Сложные предложения с зависимой объектной частью занимают значительное место в памятниках старославянского языка. Характер смысловых и синтаксических связей между частями сложного предложения неодинаков. Связь господствующей и зависимой частей осуществляется посредством служебных

слов *Еко*, *да*, *аште*, а также вопросительно-относительных местоимений и наречий: *что*, *елико*, *еже*, *Еже*, *иже*, *когда*, *како*, *кгде*, *камо*, *отъ кУдоу* и некоторых других.

2) Самую многочисленную группу составляют сложные предложения с зависимой объектной частью, присоединяющейся к господствующей с помощью служебного слова *Еко*. Данные сложные предложения различаются как по структуре, так и по степени зависимости своих частей. Более четкими подчинительными конструкциями представлены сложные предложения с зависимой объектной частью при глаголах чувства, чувственного восприятия и знания. Эти предложения, по мнению исследователей исторического синтаксиса, оформились раньше, чем предложения с зависимой объектной частью при глаголах речи.

3) Неодинаковы по характеру смысловых связей между частями и сложные предложения с зависимой объектной частью, начинающейся служебным словом *да*. В одних из них служебное слово *да* по своему значению приближается к частице ('пусть'), и зависимая часть в значительной степени сохраняет свою самостоятельность. В других случаях между частями сложного предложения существуют более тесные объектные отношения, а служебное слово *да* по своему значению приближается к изъянительному союзу *чтобы*. В обеих группах зависимая часть относится в большинстве случаев к глаголам со значением волеизъявления.

4) Служебное слово *аште*, присоединяющее зависимую объектную часть к господствующей, выступает в различных значениях. Оно может иметь значение частицы *ли*, а также значение изъянительного союза *что*, *чтобы*. В первом случае связь зависимой и господствующей частей представляется недостаточно тесной, и зависимая часть по своему значению приближается к самостоятельному вопросительному предложению. В большинстве примеров зависимая часть относится к глаголам речи. Более четкими являются объектные отношения между частями предложения, когда служебное слово *аште* выступает в значении изъянительного союза. Но такие случаи редки.

5. Сложные предложения, в которых зависимая часть присоединяется к господствующей при помощи вопросительно-относительных местоимений и наречий, характерны тем, что служебные слова в них не только служат для связи частей предложения, но и сохраняют свое вопросительное значение.

6. Предложения с зависимой частью, начинающейся относительными местоимениями *иже*, *Еже*, *еже*, близки к предложениям с атрибутивной зависимой частью, вводимой этими же местоимениями, в том отношении, что в них, вероятно, относительное местоимение также нерасчлененно сочетает в себе функцию союзного слова и указательного местоимения. Это свиде-

тельствует о том, что части сложного предложения еще недостаточно четко выделились и грамматически оформились.

Засвидетельствованы случаи (два примера) использования относительного местоимения *еже* в качестве изъяснительного союза. Это говорит о том, что относительное местоимение утратило свое изменение по родам, числам и падежам и «застыло» в одной форме.

7. В подавляющем большинстве случаев зависимая объектная часть относится к глаголу-сказуемому господствующей части. Соотносительные слова в основном засвидетельствованы в сложных предложениях, в которых используются глаголы со значением чувства, знания. Лишь зависимая часть, вводимая местоименным словом *елико*, нередко относится к дополнению, выраженному определительным местоимением *вссь*.

ПРЯМАЯ И КОСВЕННАЯ РЕЧЬ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ (Конструкции с *яко*)

Е. И. Гурьева

Прямая и косвенная речь являются основными способами передачи чужой речи. Сложное предложение с прямой речью — это особый тип бессоюзного сложного предложения, в котором предложение прямой речи обладает относительной самостоятельностью¹. Сложное предложение, в состав которого входит косвенная речь, многими исследователями определяется как сложноподчиненное с дополнительным придаточным предложением². По мнению А. И. Молоткова, конструкция косвенной речи в древнерусском языке стоит на грани между сложным предложением и конструкцией прямой речи³. В особый тип придаточных предложений — в придаточные косвенной речи — выделяются придаточные предложения, содержащие косвенную речь, В. И. Кодуховым, который обстоятельно и глубоко исследовал способы передачи чужой речи в русском языке⁴. В. И. Кодухов подчеркивает, что, сохраняя объектные отношения к главному

¹ Сложное предложение с прямой речью лингвистами определяется по-разному. Нам представляется более убедительной точка зрения В. И. Кодухова, который считает вводящее предложение (авторские слова) и предложение прямой речи взаимосвязанными частями сложного предложения. См. его работу «Прямая и косвенная речь в современном русском языке», Л., 1957, стр. 13—14.

² Сложное предложение с косвенной речью в древнерусском языке Т. П. Ломтев называет сложноподчиненным с придаточным объекта при глаголах говорения. См. Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка. Изд. МГУ, 1956, стр. 544.

³ См. А. И. Молотков, Сложные синтаксические конструкции для передачи чужой речи в древнерусском языке по памятникам письменности XI—XVII столетий. Автореферат канд. дисс. Л., 1952, стр. 20.

⁴ См. В. И. Кодухов, Способы передачи чужой речи в русском языке. Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена, т. 104, кафедра русского языка, 1955; Сложные предложения с косвенной речью в русском языке второй половины XVII—XVIII вв. Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена, т. 122, каф. русского языка, 1956.

предложению, как и дополнительные, придаточные косвенной речи имеют свою специфику, которая состоит в том, что они являются «формой (средством) выражения косвенной передачи чужого высказывания»⁵.

Исследуя синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи, Е. С. Истрина замечает: «После глаголов *dicendi* придаточные предложения с союзом *яко* являются выражением косвенной речи ...»⁶.

Сложное предложение с косвенной речью рассматривается в данной статье как сложное предложение с зависимой объектной частью при глаголах речи. Предложение, вводящее косвенную речь, определяется как господствующая часть.

Сложные предложения с зависимой объектной частью при глаголах речи занимают в исследуемом материале незначительное место⁷. Возможно, это объясняется тем, что придаточные с косвенной речью оформились позже, чем придаточные, не содержащие косвенной речи⁸.

Рассмотрим, что представляют собой сложные предложения с косвенной речью, или предложения с зависимой объектной частью при глаголах речи, в памятниках старославянского языка⁹.

Известно, что при косвенной речи чужое высказывание передается от имени лица, который пересказывает его, благодаря чему оно воспринимается как пересказываемая чужая речь¹⁰. Зависимая объектная часть, служащая для передачи косвенной речи, в основном относится к глаголам речи *глаголати*, *решти*, *повЕдати* и некоторым другим.

Грамматической особенностью рассматриваемых предложений является то, что личные формы местоимений и глаголов в зависимой части (или в косвенной речи) употребляются так же, как и в господствующей части (или авторском повествовании).

---

⁵ В. И. Кодухов, Сложные предложения с косвенной речью в русском языке второй половины XVII—XVIII вв., стр. 107.

⁶ Е. С. Истрина, Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Петроград, 1923, стр. 186.

⁷ Не имеют они широкого распространения также и в древнерусских памятниках старшей поры. См. А. А. Спринчак, Очерк русского исторического синтаксиса, ч. II. Киев, 1964, стр. 121.

⁸ См. Т. П. Ломтев, Очерки..., стр. 545; В. В. Назаретский, К истории сложноподчиненного предложения в древнерусском языке, вып. I, 1960, стр. 50.

⁹ Нами исследованы следующие памятники старославянского языка: Мариинское четвероевангелие, с примечаниями и приложениями И. В. Ягича. СПб., 1883; Остромирово евангелие 1056—1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями. Изд. А. Х. Востоков. СПб., 1843.

¹⁰ См. В. И. Кодухов, Прямая и косвенная речь в современном русском языке. Учпедгиз, 1957, стр. 54.

Встречаются предложения, когда в обеих частях используются личные формы третьего лица. Например:

і исцѣли многы недужны имѹшѣА различны ЯзА. і бѣсы многы изгна. і не оставлѣше глати бѣсъ. Еко видѣахѹ и (Мар. 118, Мр. 1, 34).

Перевод: И он исцелил многих больных, имеющих различные болезни, и изгнал многих бесов, и не позволял говорить бесам, что видели его.

Здесь косвенная речь входит в состав авторского повествования, которое ведется от третьего лица. Поэтому и в косвенной речи употреблено третье лицо местоимения (*и*). Зависимая часть вводится глаголом говорения *глати* в сочетании с имперфектом не *оставлѣше*.

ісхождаахѹ же и бѣси отъ многоъ въпиюште и глѹште. Еко ты еси хъ снѣ бжин. і запрѣшѣа я не даѣше имъ глати. Еко вѣдѣахѹ ха самого сѹшта (Мар. 209, Лк. 4, 41).

Перевод: Выходили и бесы из многих крича и говоря: «Ты есть Христос, сын божий». И он не разрешал им говорить, что они узнали, что он является Христосом.

В предложении с косвенной речью (*не даѣше имъ глати. Еко вѣдѣахѹ ха самого сѹшта*) все повествование ведется от третьего лица, от лица Иисуса. Косвенная речь представляет собой конструкцию со вторым винительным причастий при глаголе знания (*вѣдѣахѹ ха самого сѹшта*).

і слышавъше иже бѣахѹ оу него. изидѹ яти и. глахѹ бо Еко неистовъ естъ (Мар. 125, Мр. 3, 21).

Перевод: И те, которые были у него, услышав, вышли взять его, так как говорили, что он неистов.

Здесь также личные формы третьего лица употребляются в обеих частях предложения.

В качестве вводящего глагола в предложениях с рассматриваемым соотношением личных форм встречается глагол *сѣказати*.

отъ толѣ начАтъ исъ. сѣказати оученикомъ своимъ. Еко подобаать емоу ити вмъ. і много пострадати отъ старецъ. і архиерен. і кнѣжъникъ. і оубыеноу быти. і трети днь вьстати (Мар. 56, Мф. 16, 21).

Перевод: С того времени Иисус начал говорить своим ученикам, что ему необходимо идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин, архиереев и книжников и быть убитым и в третий день воскреснуть.

В данном случае передается высказывание Иисуса, который и в косвенной речи обозначен формой третьего лица местоимения (*емоу*).

В следующих предложениях косвенную речь вводит глагол *повѣдати*.

іде же члвкъ и повѣдѣ нюдеемъ. Еко ис. естъ иже и сѣтвори цѣла (Мар. 331; Остр. 24, Ио. 5, 15).

Перевод: Пошел человек и объявил иудеям, что тот, кто его исцелил, есть Иисус.

та повѣдаашете иже бышА на пѹти. і Еко сА позна има въ прѣломлени хлѣба (Мар. 311; Остр. 6, Лк. 24, 35).

Перевод: И они рассказали, что случилось на пути и как он был узнан ими в преломлении хлеба.

Во втором примере к глаголу *повѣдаашете* относятся два предложения, первое из которых начинается относительным ме-

стоимением *иже*, второе — союзным словом *Еко*. Между собою они соединены сочинительным союзом *и*.

Наряду с рассмотренными предложениями можно отметить такие, в которых как в господствующей, так и в зависимой части используются формы первого лица. Наличие форм первого лица объясняется тем, что предложение с косвенной речью входит в состав прямого высказывания и все повествование ведется от первого лица¹¹.

отвѣща ис рЕхъ вамъ Еко азъ есмъ. аште мене иштете. не дѣите сихъ ити (Мар. 388; Остр. 177, Ио. 18, 8)

Перевод: Иисус отвечал: «Я сказал вам, что это я; если меня ищите, не мешайте им идти».

Здесь Иисус передает свое собственное высказывание как чужую речь. В данном случае как бы повторяется ситуация в момент произнесения речи и в момент ее передачи.

Таково же и следующее предложение:

і глаше сего ради рЕхъ вамъ. Еко никтоже не можетъ прити къ мѣнЕ. аште не бѹдетъ дано емоу отъ оца моего (Мар. 341; Остр. 24, Ио. 6, 65).

Перевод: И сказал: «Поэтому я сказал вам, что никто не может придти ко мне, если не дано будет ему от отца моего».

Предложение с косвенной речью (*сего ради рЕхъ вамъ. Еко никтоже не можетъ прити къ мѣнЕ . . .*) находится в составе прямой речи. В господствующей части (*сего ради рЕхъ вамъ*) употреблена личная форма глагола 1 лица, так как Иисус говорит о себе от первого лица. В зависимой части местоимение *къ мѣнЕ* обозначает того же автора, передающего речь.

Еще подобные примеры:

рече же имъ исъ. азъ есмъ хлЕбъ животьный. грАды къ мѣнЕ не имать възза(л)кати сА. и вЕроуЯи въ мА не имать възждАдати сА никогдаже. нъ рЕхъ вамъ Еко и видѣсте мА и не вЕроуоуте (Мар. 338, Ио. 6, 35).

чАдѣца еще мало съ вами есмъ. възшистете мене. і Екоже рЕхъ иудеемъ. Еко Еможе азъ идУ вы не можете при(ти). і вамъ глЮ нынЕ (Мар. 373, Осор. 164, Ио. 13, 33).

отвѣшта исъ и рече емоу. зане рЕхъ ти Еко. видѣхъ тА подъ смоковницеЮ вЕроуеши больша сихъ оузриши (Мар. 319; Остр. 128, Ио. 1, 51).

В некоторых случаях предложение с косвенной речью построено так, что трудно говорить о соотношении личных форм господствующей и зависимой частей. Например:

Рече же емоу пилать. оубо цср ли еси ты. отвѣща ис. ты глещи. Еко цср есмъ азъ (Мар. 391; Остр. 182, Ио. 18, 37).

Здесь предложение с косвенной речью входит в состав прямой речи. В этом предложении содержится косвенная речь, так как передаются слова Пилата об Иисусе, сказанные им раньше. Зависимая часть вводится глаголом говорения *глещи*.

¹¹ О подобных конструкциях в русском языке говорит В. И. Кодухов. См. В. И. Кодухов, Прямая и косвенная речь в современном русском языке. Учпедгиз, 1957, стр. 64.

Аналогичны этому и такие предложения:

рЕшА же вси. ты ли еси оубо снъ бжи. онъ же къ нимъ рече. вы глЕте Еко азъ есмь (Мар. 302, Лк. 22, 70).

Аминъ амн глЮ вамъ аште кто слово мое съблюдетъ. смърти не иматъ видЕти въ вЕкъ. рЕшА же емоу иудеи. нынЕ разоумЕхомъ Еко бЕсь имаши. авраамъ оумърЕтъ и прци. і ты глЕши Еко аште кто слово мое съблюдетъ. не иматъ въкоусити смърти въ вЕкъ (Мар. 351; Остр. 33, Ио. 8, 51).

В начале приведенного отрывка находится предложение с прямой речью: *Аминъ амн глЮ вамъ. аште кто слово мое съблюдетъ. смърти не иматъ видЕти въ вЕкъ.* Далее следует сложное предложение с прямой речью, в состав которого входит косвенная речь, вводимая глаголом *глЕши*. Косвенная речь дословно передает слова Иисуса, произнесенные им в предыдущем высказывании.

гла емоу жена. ги. виждУ Еко пркъ еси ты. отъци наши въ горЕ сии поклонишА сА. і вы глЕте Еко въ імЕ естъ мЕсто идеже кланЕти сА подобаать (Мар. 327, Ио. 4, 19).

В данном случае в предложении с косвенной речью, входящей в состав прямой речи, передаются слова Иисуса, когда-то произнесенные им.

Приведем еще подобные примеры:

і отвЕштавъ исъ глаше оучА въ цркве. Како глЮтъ кънижъници Еко хъ снъ давъ естъ (Мар. 166, Мр. 12, 35).

і възпросишА и оученици его глЮще. чъто оубо глЮтъ кънижъници. Еко илии подобаать прити прЕжде (Мар. 58; Остр. 285, Мф. 17, 10).

гла имъ исъ. мое брашно естъ да творЮ волю посылавшааго мА. і смършУ дЕла его. не вы ли глЕте Еко еште четыре мЕсАци сУть. і жАтва придетъ (Мар. 328; Остр. 31, Ио. 4, 34).

Зависимая часть, содержащая косвенную передачу чужой речи, кроме глаголов *решти* и *глаголати*, может относиться и к другим глаголам, по значению близким к глаголам говорения:

По дъвою же дъною изиде отъ тУдоу. і иде въ галилеЮ самъ бо исъ сввЕдЕтельствова. Еко пркъ въ своемъ отъчъствии не иматъ чъсти (Мар. 329, Ио. 4, 43).

Тгда ис гла къ народомъ. и оученикомъ своимъ глА... Горе вамъ кънижъници и фа(ри)сЕи і впокрити. Еко зиждете гробы пророчскыЯ і красите раки праведныхъ і глЕте аште вамъ оубо обещаши имъ были въ крови пророкы. тЕмъ же сами сввЕдЕтельствуйте себЕ. Еко снове есте избившихъ пркы. і вы испльните мЕрУ отецъ вашихъ (Мар. 85, Остр. 215, Мф. 23, 31).

онъ же отвЕштавъ рече имъ. нЕсте ли чъли. Еко сътвори и скончи мУжескъ полъ и женескъ сътвориль естъ (Мар. 66; Остр. 74, Мф. 19, 4).

іс же рече имъ. еи. нЕсте ли чъли николиже Еко изъ оустъ младънечь и сьсУштихъ смършилъ еси хвалУ (Мар. 75, Остр. 140, Мф. 21, 16).

В редких случаях зависимая часть относится к словосочетаниям со значениями речи:

Слыша же иродъ четвертовластець. бываЮштаа отъ него всЕ. і не домышлЕаше сА зане глаглъ бЕ отъ егеръ. Еко ноанъ вьста отъ мртвъхъ. отъ инЕхъ же Еко илиЕ Еви сА. отъ друогыхъ же Еко пркъ нЕкы отъ древнихъ възкресе (Мар. 234, Лк. 9, 7).

Здесь три предложения с косвенной речью, начинающейся союзом *Еко*. Сочетание *глаглъ бЕ* находится только в первом предложении, в других оно подразумевается.

Отмечен единственный случай, когда, кроме глагола, в господствующей части имеется указательное местоимение¹². В роли сказуемого, вводящего предложение косвенной речи, выступает глагол *сѣтАсати сА*.

РазоумЕ же ис. Еко хотЕхУ и въпрашати. и рече имъ о семь ли сѣтАсаете сА между собою Еко рЕхъ въ малЕ и не видите мене. і пакы въ малЕ и оузрите мА (Мар. 382; Остр. 50, Ио. 16, 19).

Перевод: Иисус, понимая, что хотели его спросить, сказал им: «О том ли спрашиваете вы один другого, что я сказал: «вскоре и не увидите меня и опять вскоре увидите меня».

Здесь в составе зависимой части находится прямая речь, вводимая глаголом *рЕхъ*.

* *
*

Как уже отмечалось выше, сложные предложения, в которых содержится косвенная речь, а *Еко* выполняет функцию подчинительного союза, в памятниках старославянского языка не имеют широкого употребления.

Чаще встречаются предложения с *Еко*, которое, на наш взгляд, не является союзом, и, следовательно, все предложение нельзя рассматривать как сложное предложение с косвенной речью. Однако в литературе, посвященной старославянскому языку, а в основном древнерусскому синтаксису, конструкции, передающие чужую речь и включающие слово *Еко*, обычно рассматриваются как сложноподчиненные предложения. Слово *Еко* во всех работах признается изъяснительным союзом, вводящим придаточное предложение.

Единственное, противопоставленное общепринятой точке зрения объяснение функции и значения *Еко* находим у чешского лингвиста Й. Курца в его статье «Проблематика исследования синтаксиса старославянского языка». Й. Курц приходит к выводу, что *Еко*, начинающее предложение после глаголов высказывания, нельзя во всех случаях воспринимать как подчинительный союз. По его мнению, *Еко* могло начинать прямую речь и по своему значению приближаться к междометию. Так, предложение типа *глаголю вамъ яко илия ... приде* Й. Курц переводит как 'говорю вам, вот, Илья ... пришел'. «Яко имеет здесь — как и еще в других случаях — иное значение, что это еще не подчинительный союз и что предложение, следующее за

---

¹² Отсутствие соотносительных слов в предложениях с придаточным объектом при глаголах говорения характерно и для древнерусского языка. А. Н. Стеценко объясняет это тем, что придаточное дополнительное в большинстве случаев подчинено сказуемому, выраженному переходным глаголом, который требует прямого дополнения. См. А. Н. Стеценко, Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV—XVI вв., стр. 238.

ним, в рассматриваемых случаях не было еще придаточным предложением»¹³.

Исследуемый материал подтверждает наблюдения Й. Курца. Действительно, во многих случаях слово *Еко* нельзя считать изъяснительным союзом. Оно выступает в качестве специфического слова, начинающего прямую речь. Такое *Еко* нередко придает речи большую эмоциональность, экспрессивность и является показателем разговорного стиля речи. Как сказано выше, Й. Курц находит в слове *яко* «приблизительно значение междометия»¹⁴, значение слова, которое начинает прямую речь и, возможно, связано по своему лексическому содержанию с указательным местоимением *якъ*¹⁵. Точно определить функцию слова *яко* в таких случаях очень трудно¹⁶. Несомненно, это слово обладает указательным значением и одновременно имеет также междометный характер, причем в различных речевых ситуациях может преобладать то одна, то другая из этих функций. В ряде случаев *яко* просто начинает прямую речь, не выполняя при этом функции указания и не сообщая речи модального оттенка, то есть в какой-то степени становится синтаксической нормой при введении в текст прямой речи.

Таким образом, предложения с прямой речью мы не включаем в состав сложноподчиненных и, следовательно, не считаем *Еко* подчинительным союзом. Но поскольку в литературе, посвященной историческому синтаксису, как уже указывалось выше, встречается противоположная точка зрения, то мы считаем необходимым более подробно остановиться на значении *Еко*, начинающего прямую речь, и на структурных особенностях конструкций с *Еко*.

Значение слова *Еко*, начинающего прямую речь

Как уже отмечалось, невозможно с полной определенностью установить то или иное значение *Еко* в рассматриваемых предложениях. Однако приблизительно можно отметить некоторые значения *Еко*, стоящего в начале прямой речи.

а) Отмечены случаи, когда слово *Еко*, начинающее прямую речь, по своему значению приближается к указательной частице *это* или *вот*. В таких предложениях явно чувствуется связь *Еко* с указательным местоимением *якъ*¹⁷. При этом слово *Еко*

¹³ Й. Курц, Проблематика исследования синтаксиса старославянского языка. Сб. «Исследования по синтаксису старославянского языка». Изд. Чехословацкой Академии наук. Прага, 1963, стр. 11.

¹⁴ Й. Курц, Проблематика ... , стр. 11.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В связи с этим при переводе предложений мы будем давать очень приблизительный смысл *Еко*, считая, что оно начинает прямую речь.

¹⁷ См. об этом Й. Курц, Проблематика ... , стр. 11.

указывает на действия, происходящие непосредственно перед глазами присутствующих.

глашА слЕпью паки. ты чѣто глещи о немъ. Еко отврѣзе очи твои. онъ же рече. Еко пркъ есть (Мар. 354; Остр. 392, Ио. 9, 17).¹⁸

Здесь предложение *онъ же рече. Еко пркъ есть* представляет собой ответ на вопрос, содержащийся в предыдущем предложении.

Перевод (приблиз.): Опять сказали слепцу: «Ты что скажешь о нем, так как он открыл тебе глаза?» Он сказал: «Это пророк».

Слово *Еко* по своему значению близко к частице *это*.

Таково же значение *Еко* и в следующих предложениях:

і видЕвъше и оученици ходАштъ по морю. сѣмАшА сА глЮште. Еко призракъ есть (Мар. 50; Остр. 71, Мф. 14, 26).

Приблизит. перевод: И ученики, увидев его ходящего по морю, встревожились, говоря: «Это призракъ есть».

сУсЕди же и иже и бЕахУ видЕли прЕжде Еко слЕпъ бЕ. глаахУ не съ ли есть сЕдАи и просА. ови глаахУ Еко съ есть. онъ же глааше Еко азъ есмь (Мар. 353; Остр. 38, Ио. 9, 8).

Приблиз. перевод: Соседи и те, которые видели его прежде, что он был слеп, говорили: «Не этот ли сидящий и просящий». Иные говорили: «Это тот (он)». И он же сказал: «Это я».

і оуслышавъ црѣь иродъ слоухъ исвъ. ЕвЕ бысть имА его. глаше Еко иоанъ крѣстАи вѣста отъ мрѣтвѣхъ. і сега ради силы дЕЮтъ сА о немъ. іни же глахУ Еко илиЕ есть. Еко единъ отъ пркъ (Мар. 136; Остр. 286, Мр. 6, 14).

Приблиз. перевод: Царь Ирод, услышав об Иисусе (имя его было гласно), и сказал: «Это Иоанн Креститель воскрес из мертвых, и поэтому чудеса делаются им». Иные же говорили: «Это Илья, один из пророков».

Бысть же егда приближи сА исъ въ ерихУ. слЕпецъ етеръ сЕдЕаше при пУти просА. слышавъ же народъ мимо ходАштъ. въпрашааше, что оубо есть се. повЕдЕшА же емоу. Еко исъ назарЕнинъ(ми)моходитъ (Мар. 282: Остр. 112, Лк. 18, 35).

Приблиз. перевод: Когда же Иисус приблизился к Ерихону, некий слепец сидел у дороги, прося милостыню. И, услышав, что мимо его ходит народ, он спросил: «Что это такое?» И ему поведали: «Это Иисус Назарянин мимо идет».

заходАшту же слньцоу. вѣси елико имЕахУ болАщАЯ недУгы различны. привождашУ Я къ немоу. онъ же на когождо ихъ рУкУ възлагАя исцЕлЕаше Я. исхождаашУ же и бЕси отъ мьногъ вѣпнЮште и глЮште. Еко ты еси хъ снъ бжии (Мар. 209, Лк. 4, 40).

Приблиз. перевод предложения с прямой речью: ... Выходили также и бесы из многих крича и говоря: «Это ты Христос, Сын Божий».

і бысть Еко приближи сА въ витьфагиЮ и витаниЮ. къ горЕ нарицаемЕи елеонъ. посла дѣва оученикъ своихъ гла. идЕта въ прЕмьнЮю весь. въ нЮже въходАшта обраштета жрЕБА привАзано. на неже никтоже къде отъ члкъ не въсЕде. отрЕшта сА приведЕта. і аще кѣто вы въпрашаатъ. тако речета емоу. Еко гъ трЕбоуоутъ его (Мар. 286, Лк. 19, 29).

Приблиз. перевод предложения, в состав которого входит прямая речь: ... И если кто вас спросит, скажите ему так: «Это хозяин требует речь».

Здесь перед глаголом говорения *речета* стоит наречие *так*, которое подчеркивает, что прямая речь является точно такой, какая она есть.

¹⁸ В большинстве случаев мы приводим не одно предложение с прямой речью, а более широкий контекст, так как он помогает более правильно понять значение слова *Еко*.

При девАтЕи же годинЕ възпи ис гласомъ велнемъ гЛА елоі елоі лема савахтани ежестъ бже мои бже мои въскУЮ МА еси оставилъ одини же отъ стоящихъ тоу слышавъше глаахУ. Еко илиЮ зоветъ (Мар. 109; Остр. 200, Мф. 27, 46).

Предложение с прямой речью можно понять так: ... Некоторые из стоявших тут, услышав это, сказали: «Это он Илию зовет».

бЕ же снѣ его старЕи на селЕ. і Еко гРАды приближи сА къ домоу. слыша пЕниЕ и лыки. і призывавъ единого отъ рабъ. і въпрашааше что оубо си сУтъ онъ же рече емоу. Еко братръ твои приде і закла отцъ твои телець оупитЕны Еко съдрава и приять (Мар. 270; Остр. 119, Лк. 15, 25).

Приблиз. перевод: Старший сын его был на поле, и когда, возвращаясь, он приблизился к дому, услышал пение и веселие. Призвав одного из слуг, он спросил: «Что это такое?». Он же сказал емоу: «Это брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, так как принял его (сына) здоровым».

Как видно из примеров, предложение со словом *Еко*, которое приблизительно можно перевести как частица *это*, в большинстве случаев является ответом на вопрос, содержащийся в предшествующем предложении.

В некоторых предложениях *Еко* ближе к частице *вот*, чем к *это*. В таких случаях говорится о действиях, происходящих непосредственно перед глазами присутствующих.

іудеи же сУщен съ неЮ въ домоу. і оутЕшаЮште Ю. видЕвъше мариЮ Еко Ядро въста і изиде. по неи идУ глЮше. Еко идеть на гробъ. да плачь сА (Мар. 363; Остр. 138, Ио. 11, 31).

Приблиз. перевод: Иудеи, находящиеся с нею в доме и успокаивающие ее, увидев, что Мария быстро встала и вышла, пошли за нею, говоря: «(Вот) идет к гробу, чтобы плакать там».

і вечероу бывъшоу приде съ обЕма на десАте і възлежАштемъ имъ. і ЕдУштемъ рече нсѣ. амин глЮ вамъ. Еко единъ отъ васъ прЕдасть МА. Еды съ мъноЮ (Мар. 173; Остр. 153, Мр. 14, 17).

Приблиз. перевод: Когда настал вечер, он пришел с двенадцатью. И когда они лежали и ели, Иисус сказал им: «Истинно говорю вам: (вот) один из вас, который ест со мной, предаст меня».

і видЕвъши и рабыни паки начАтъ глати къ стояштимъ. Еко съ есть отъ нихъ (Мар. 178; Остр. 291, Мр. 14, 69).

Приблиз. перевод: Рабыня, увидев его опять, стала говорить стоящим: «(Вот) этот из них».

іс же отъЕщавъ рече имъ. илиЕ оубо придетъ прЕжде и оустронть въСЕ. глЮ же вамъ. Еко илиЕ еже приде и не познашА его. нъ сѣтворишА о немъ въСЕ елико въсхотЕшА (Мар. 59, Мф. 17, 11).

Приблиз. перевод: И сказал им Иисус: «Илья придет прежде и устроит все. Говорю вам: (вот) Илья уже пришел, и вы не узнали его, но сделали ему все, что хотели».

і сѣгнУвъ кнѣигы въдавъ слоуСЕ сЕде. і въСЕМъ въ сѣньмищи очи бЕашете (зѣрАшете) зѣрАшти на нь. начАтъ же глати къ нимъ. Еко дньсѣ събъсти сА писание се. въ оушию вашу (Мар. 207; Остр. 276, Лк. 4, 20).

Приблиз. перевод: И, закрыв книгу и отдав служителю, сел, и глаза всех в синагоге были устремлены на него. И он начал говорить им: «(Вот) ныне исполнилось писание это, слышанное вами».

б) Слово *Еко*, начинающее прямую речь, может выполнять модально-усилительную функцию: оно служит для усиления основного значения высказывания, в какой-то мере приближаясь к частице *ведь* (или *даже*).

і бысть въ осмы день придУ обрЕзати отрочАте. і нарицахУ е именемъ отца своего захариЕ. отъвЕштавъши мати его рече. ни нѣ да наречетъ сА иоанъ. і рЕша еи. **Еко** никтоже естъ отъ рождениЕ твоего. іже нарицаатъ сА именемъ тЕмъ (Мар. 194; Остр. 279, Лк. 1, 59).

Приблиз. перевод: И на восьмой день пришли обрезать младенца и хотели назвать его по имени отца его Захариею. И мать его сказала: «Нет, да назовется он Иоан». И сказали ей: «(Ведь) никого же нет в роду твоём, кто называется этим именем».

бывъши же дньи. ішедь иде въ поусто мЕсто. і народи искаахУ его. і придУ до него. і дрѣжаахУ и да не би отышелъ отъ нихъ. онъ же рече къ нимъ **Еко** и другимъ градомъ подобаатъ ми благовЕстити цствие бжіе. **Еко** на се посъланъ есмъ (Мар. 209; Остр. 89, Лк. 4, 42).

Приблиз. перевод: Когда же настал день, он, выйдя, пошел в пустынное место, а люди искали его, и пришли к нему и удерживали его, чтобы не уходил от них. Он же сказал им: «(Ведь) и другим городам мне надо благовестить царствие божие, ибо на это я послан».

глашА емоу что оубо мози заповЕдЕ. дати кѣннги распоустныЯ и отъпоустити Ю. гла имъ. **Еко** мози по жестосрѣдию вашему повелЕ вамъ. отъпоустити жены вашА. іскони же не бысть тако (Мар. 66, Остр. 74, Мф. 19, 7).

Приблиз. перевод: Они сказали ему: «Как это Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею». Он сказал: «(Ведь) Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с вашими женами, а сначала не было так».

і едини фарисЕи отъ народа рЕша къ нему. оучителю запрЕти оученикомъ твоимъ і отъвЕщавъ рече имъ. глЮ вамъ. **Еко** аще и сии оумлѣчАтъ. камень въпити иматъ (Мар. 287, Лк. 19, 39).

Приблиз. перевод: И некоторые фарисеи из народа сказали ему: «Учитель, запрети ученикам твоим». И он сказал им: «Говорю вам: (даже) если и они умолкнут, то камни завопят».

в) Слово *Еко* может указывать на ту или иную степень достоверности высказывания, уверенности говорящего в том, что он утверждает.

рече емоу ис аминь глЮ тебЕ. **Еко** въ сѣЮ ношь прЕжде даже кокотъ не възгласитъ. три краты отъврѣжеши сА мене (Мар. 100; Остр. 159, Мэ. 26, 34).

Перевод: Сказал ему Иисус: «Истинно говорю тебе: (вот) в эту ночь, прежде чем пропоет петух, трижды отречешься от меня».

Прямая речь с *Еко* употреблена здесь в той части повествования, где Иисус вторично подчеркивает, что Петр отречется от него.

По наблюдению И. Курца, *Еко* начинает прямую речь преимущественно в тех случаях, когда должно быть выражено предупреждение, подчеркивание, неожиданность, удивление¹⁹.

Приведем еще примеры с рассматриваемым значением *Еко*. аминь амин глЮ вамъ. **Еко** гРАдетъ година и нынЕ естъ. егда мрътви оуслышАтъ глсъ она бжиЕ. і оуслышавъшей оживУтъ (Мар. 333; Остр. 14, Ио. 5, 25).

Приблиз. перевод: «Истинно говорю вам: (вот) наступит время и уже естъ (настало), когда мертвые оуслышат глас Сына Божия и, услышав, оживут».

і въшедъшоу емоу вмъ. потрАсе сА весь градъ гЛА кто съ естъ. народи же глаахУ. **Еко** съ естъ ис пророкъ. іже отъ назарега галилеискааго (Мар. 74; Остр. 141, Мф. 21, 10).

¹⁹ И. Курц, Проблематика ... , стр. 11.

ПридУ же къ нему мати и братриЕ его. і не можЕахУ бесЕдовати къ нему народомъ. і възвѣстишА емоу глЮште. Еко мати твоЕ и братрьЕ твоЕ вьнЕ стоятъ. видЕти тА хотАште (Мар. 228 ; Остр. 98, Лк. 8, 19).

гла къ нему ись иди снъ твои живъ есть і вЕрУ емъ члвкъ словеси еже рече емоу ис (и)дЕаше. абие же съходАшю емоу. се раби его сьрЕгУ и глЮще. Еко ти живъ есть (Мар. 329; Остр. 18, Ио. 4, 49).

рече же аминъ глЮ вамъ. Еко никоторы же проркъ приятень есть въ отечьствин своемъ (Мар. 208; Остр. 276, Лк. 4, 24).

Структурные особенности конструкции с *Еко*

Прямая речь характеризуется тем, что в ней сохраняются грамматические особенности прямого высказывания²⁰. К ним относится самостоятельное употребление личных форм местоимений и глагола. В прямой речи личные формы употребляются с точки зрения говорящего, чья речь передается, в то время как во вводящем предложении они употребляются с точки зрения автора, передающего чужую речь. Например:

онъ же глаше. Еко азъ есмъ (Мар. 353; Остр. 38, Ио. 9, 9).

Здесь одно и то же лицо обозначается разными личными формами: во вводящем предложении оно обозначено формой третьего лица местоимения (*онъ*) и глагола (*глаше*), а в прямой речи — формой первого лица местоимения (*азъ*) и глагола (*есмъ*).

глаше бо иоанъ иродови **яко** не достоитъ тебЕ имЕти жены брата твоего (Остр. 287).

В данном случае Ирод, выступая как собеседник, во вводящем предложении обозначается формой 3 лица, а в прямой местоимением 2 лица (*тебЕ, твоего*).

Независимое употребление форм глагола и местоимения можно отметить и в таком предложении.

егда же придУ самарЕне къ нему. молЕахУ и да би прЕбыль оу нихъ. і прЕбысть тоу дъва дъни. і мъного паче вЕровашА за слово его. женЕ же глхУ. Еко юже не за твоЮ бесЕдУ вЕроуемъ сами бо слышахомъ и вЕмъ. Еко съ есть въ истину спсѣ мира хъ (Мар. 328; Остр. 32, Ио. 4, 40).

Для предложений прямой речи характерно использование обращений, наделенных особой интонацией, например:

онъ же отъвѣштавъ рече имъ: Еко добрЕ прорече исаи о васъ. лицемЕри (Мар. 141, Мр. 7, 6).

Здесь слово *лицемЕри* служит названием того, к кому обращена речь.

К признакам прямого высказывания относится также сохранение особой интонации (хотя об интонации в старославянском языке, как и в древнерусском, трудно судить), благодаря которой говорящий может выделить то или иное слово. Возможно, наличием этой интонации в какой-то степени объясняется не прямой порядок слов, характерный для некоторых предложений.

²⁰ Грамматические особенности предложений с прямой речью в современном русском языке подробно рассматривает В. И. Кодухов в работе «Прямая и косвенная речь в современном русском языке». Учпедгиз, 1957.

Особенностью сложного предложения с прямой речью является наличие во вводящем предложении глагола говорения, указывающего на чужое высказывание. Можно отметить небольшое количество глаголов, вводящих прямую речь. Из таких глаголов чаще всего встречаются *глаголати* и *решти*. Данные глаголы вводят прямую речь любого содержания, то есть они совершенно не характеризуют прямую речь. Глагол говорения в смысловом отношении играет второстепенную роль, он воспринимается как формальный элемент для введения прямой речи. Слово *яко*, стоящее в начале прямой речи, вероятно, имеет еще более формальный характер. Иногда оно приближается не то к частице, не то к междометию, а иногда и вообще трудно определить его значение.

Рассмотрим предложения с прямой речью, начинающейся *яко*, в зависимости от вводящего глагола.

1. Широко употребительны предложения с прямой речью, вводимой в текст повествования глаголом говорения *глаголати*.

а) Особенно распространена структура предложения, в которой *глаголати* стоит в 1 лице настоящего времени, а ему предшествует слово *аминь* (*аминъ*). В словаре И. И. Срезневского *аминь* переводится как 'так есть, да будет'²¹, а И. В. Горяев для этого слова указывает значение 'истинно, да будет'²². В предложениях с прямой речью *аминь* обычно имеет значение 'истинно, действительно'. Слово *аминь*, выступая в сочетании с формой настоящего времени, делает еще более выразительной прямую речь.

блаженъ рабъ тѣ. егоже пришедь гнѣ свои обрАштеть тако творАшта.
аминь глЮ вамъ. Еко народъ всЕмь имЕниемъ поставиты-и (Мар. 91; Остр. 147, Мф. 24, 47).

аминь глЮ вамъ. Еко не мимо идеть ро(дось). доньдеже всЕ (си).
буДУть (Мар. 90; Остр. 83, Мф. 24, 34).

Ваши же блаженЕи очи Еко видите. і оуши ваши Еко слышите. **аминь бо глЮ** вамъ. Еко мънози прци и праведьници възделЕшА видЕти. Еко видите и не видЕшА і слышати Еже слышите и не слышашА (Мар. 43, Мф. 13, 16).

Еще более ярко выступает прямая речь в предложениях, где *аминь* повторяется дважды.

Аминь амин глЮ вамъ. Еко аште чесо просите отъ отца въ іМА мое. дастъ вамъ (Мар. 383; Остр. 172, Ио. 16, 23).

аминь аминь глЮ тебЕ. Еко еже вЕмь глмь. і еже видЕхомъ съвЕдЕтельствоуемъ. і съвЕдЕтельства нашего не приемлете (Мар. 322; Остр. 8, Ио. 3, 11).

Аминь аминь глЮ вамъ. Еко слоушайн словесъ моего. и вЕру емЛА посьлавъшюму МА. иматъ живота вЕчънааго. і на сУдь не придетъ. нъ преИдетъ отъ смъръти въ животь (Мар. 332; Остр. 13, Ио. 5, 24).

²¹ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, М., 1955, стр. 21.

²² Н. В. Горяев, Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896, стр. 4.

Кроме *аминь*, в качестве слов, подчеркивающих план настоящего, встречаются частица *же*, наречие *пакы*, сочетание *сега ради*. При этом во вводящем предложении одновременно может находиться и слово *аминь*.

Пакы аминь глЮ вамъ. **Еко** аште дьва отъ васъ съвЕштаате на земи о высЕкои вешти еЯ же колиждо просите БУдетъ има (Мар. 63; Остр. 57, Мф. 18, 19).

пакы глЮ вамъ. **Еко** оудобЕе есть вельБУдоу сквозЕ оуши игълинЕ проити. неже богатоу въ црство бжие вьнити (Мар. 68; Остр. 77, Мф. 19, 24).

ГлЮ же вамъ **Еко** высЕко слово праздно. еже аще рекУтъ члвци. въздадАтъ о немъ слово. въ день сУдны (Мар. 40; Остр. 69, Мэ. 12, 36).

Аминь же глЮ вамъ. **Еко** еже не имамъ пити отъ плода лозьнааго. до того дьне егда пьЮ ино въ црствии бжии (Мар. 174; Остр. 159, Мр. 14, 25).

Сега ради глЮ вамъ. **Еко** отьиметь сА отъ васъ. црствие бжие. і дасть сА Язкоу (Мар. 78, Остр. 79, Мф. 21, 43).

* *

*

Нередко можно встретить такую структуру предложения, когда предложение, вводящее прямую речь с *Еко*, само является прямой речью по отношению к предыдущему предложению. Это конструкция типа:

гла имъ ис амнъ глЮ вамъ. **Еко** мытаре и любодЕица варЕЮтъ вы. въ црствии бжии (Мар. 76; Остр. 78, Мф. 21, 31).

Особенностью данной конструкции является то, что вначале повествование идет в плане прошедшего времени, а затем оно переводится в план настоящего, и этот план настоящего подтверждается не только глаголом в форме 1-го лица настоящего времени, но и наличием слова *амнъ*. Предложение *амнъ глЮ вамъ. Еко мытаре и любодЕица варЕЮтъ вы. въ црствии бжии* в свою очередь вводится глаголом прошедшего времени *гла*.

Однако, кроме *глаголати*, встречаются и другие глаголы речи (например, *отъвЕщати*, *решти*), вводящие сложное предложение с прямой речью, которая в своем составе имеет *Еко*.

отъвЕща имъ ис. **аминь аминь глЮ** вамъ. **Еко** высЕкъ творАи грЕхъ рабъ есть грЕхоу ... (Мар. 350; Остр. 29, Ио. 8, 33).

В данном случае предложение *аминь аминь глЮ вамъ ...* вводится глаголом *отъвЕщати* также в форме прошедшего времени.

іс же рече имъ. **аминь глЮ** вамъ. **Еко** вы шедъшеи ко мнЕ въ пакы бытнн. егда сАдетъ снъ члвскы на прЕстолЕ славы своеЯ. САдете и вы на дьвоу на десАте прЕстолау. сЕдАште обЕма на десАте колЕнома издраилва (Мар. 68; Остр. 59, Мф. 19, 28).

іс же рече къ оученикомъ своимъ. **аминь глЮ** вамъ. **Еко** не оудобЕ вьнитеть богатъ въ црствие нбское (Мар. 68; Остр. 77, Мф. 19, 23).

В памятниках старославянского языка часты случаи, когда в подобной структуре предложения вторая прямая речь упускается без *Еко*, например:

отвѣшта ись аминь аминь глЮ тебЕ. аще кто не родить сА водоЮ и дхомъ. не можетъ вьнити въ црствие бжие ... (Мар. 322; Остр. 8, Ио. 3, 5).
отвѣшта ись и рече емоу. амин. амин глЮ тебЕ. аште кто не родить сА съ выше. не можетъ видЕти црствииЕ бжиЕ (Мар. 322; Остр. 7, Ио. 3, 3).

Наряду с вышеприведенной структурой предложения, встречаются и такие:

и рече къ нимъ. желЕниемъ се въжделЕхъ пасха Ести съ вами. прЕжде даже не примУ мУкы. глЮ бо бамъ. Еко отъ селЕ не имамъ Ести отъ него. доньдеже коньчаать сА. въ црствии бжиЕ (Мар. 297, Лк. 22, 15).

Здесь сложному предложению с прямой речью, начинающейся словом *Еко*, предшествует другое предложение также с прямой речью, но уже без *Еко*. Вначале повествование ведется в плане прошедшего времени, на что указывает форма аориста *рече*. Затем оно переводится в план настоящего времени, и прямую речь с *Еко* вводит уже глагол в форме 1-го лица настоящего времени.

Аналогичны и следующие примеры:

Рече же гъ слышите чѣто судии неправедьны глтъ. а бъ не имать ли сѣтворити мсти. избъраныхъ своихъ. въпиЮштиихъ къ немуу день и ношъ. и тръпигъ на нихъ. глЮ вамъ. Еко сѣтворить мечь ихъ въ скорЕ (Мар. 279; Остр. 239, Лк. 18, 6).

и рече гъ рабоу. изиди на пУти и халУгы. и оубЕди вьнити. да наплънить сА домъ мой. глЮ бо вамъ. Еко ни одинъ же мУжь тЕхъ зъванныхъ. не въкоуситъ моеЯ вечерА. мьноСи бо сУть зъванни мало же избъраныхъ (Мар. 265; Остр. 107, Лк. 14, 23).

В предшествующем повествовании прямую речь может вводить глагол речи *глаголати* в форме прошедшего времени, например:

глаше же исходАштимъ народомъ. кръститъ сА отъ него. иштАдиЕ ехидьнова. къто съказа вамъ бЕжати отъ гРАДУштааго гнЕва. сѣтворите оубо плоды достойны покаянию. не начинаите глати въ себЕ. отца имамъ аврама. глЮ бо вамъ. Еко можетъ бъ отъ каменнЕ сего. въздвигнуТи чАда аврамоу ... (Мар. 202—203; Остр. 258, 258, Лк. 3, 7).

б) Прямая речь с *Еко* может вводиться в текст повествования глаголом говорения *глаголати* в форме прошедшего времени, например:

гнаша А и симонъ и иже бЕахУ съ нимъ. і обрЕтъше и глаша емоу. Еко иштУть тебе (Мар. 119; Остр. 29, Мр. 1, 36).

Члвци же видЕвъше знамение. еже сѣтвори ис. глаахУ Еко съ есть въ истину пркъ. гРАдци въ весь миръ (Мар. 336; Остр. 35, Ио. 6, 14).

в) Весьма часто прямая речь с *Еко* вводится глаголом говорения *глаголати* в причастной форме. В таких случаях во входящем предложении всегда имеется глагол в личной форме прошедшего времени. Им может быть как глагол говорения, так и глагол с другим лексическим значением. Причастие, как правило, находится непосредственно перед прямой речью и стоит в форме настоящего времени. Это переводит план повествования в настоящее время и делает прямую речь более выразительной.

и вьста абье и възАть одръ. і изиде прЕдъ всЕми. Еко дивлЕахУ сА вси и славлЕхУ ба глЮште. Еко николиже тако видЕхомъ (Мар. 130, Мр. 2, 12).

і приде къ нему прокаженъ мола и. і на колЕноу падая и гла емоу. **Еко** аште хоштеши можеши ма иштистити (Мар. 119; Остр. 129, Мр. 1, 40).

по сихъ же дньехъ зачАтъ елисаветъ жена его. і таЕше сА д месѣ глЮшти. **Еко** тако сътвори мнЕ гъ. въ дъни въ нАже призврЕ. отъЯги поношение мое въ члвцЕхъ (Мар. 191; Остр. 269, Лк. 1, 24).

і съвЕдЕтельствова ноанъ гла. **Еко** видЕхъ дхъ съходАшть. **Еко** голубъ съ небесе. і прЕбысть на немъ (Мар. 317; Остр. 261, Ио. 1, 32).

і еште глЮштоу емоу придУ отъ архисвнагога глЮште **Еко** дъшти твоЕ оумьрЕть. что движеши оучителЕ (Мар. 133; Остр. 101, Мр. 5, 35).

Отмечен случай, когда *Еко* находится не в начале прямой речи, а внутри ее:

і въставъша бо въ тъ часъ вратисте сА въ имъ. і обрЕте(с)та съвъкоуплъшА сА единого на десАте. і иже бЕахУ съ ними глЮшТА. въ истину **Еко** въста хъ и ЕвисА симону (Мар. 311; Остр. 93, Лк. 24, 33).

Постановка *Еко* в середине прямой речи еще больше подчеркивает его вводный характер.

2. Кроме глаголаги, прямую речь с *Еко* может вводить глагол говорения *решти*. Однако такие предложения представлены меньшим количеством случаев, чем предыдущие.

Глагол *решти*, вводящий прямую речь, может выступать в форме изъявительного или повелительного наклонений. Так, прямую речь вводит глагол в форме аориста:

тъгда отврзе имъ оумъ да разоумЕЮть кънигы. і рече имъ. **Еко** тако естъ писано. и тако подобаше пострадати хоу. и въскрснУти отъ мръгъвхъ. третии день и проповЕдати сА въ іма его покаанию (Мар. 312, Лк. 24, 45).

Из всего высказывания явствует, что предложение, начинающееся словом *Еко*, является прямой речью. Наречие *такое*, стоящее сразу же после *Еко*, как бы подчеркивает достоверность высказывания.

ставъ же закъхей рече къ ги. се полъ имЕниЕ моего ги дамъ ништинимъ. і аште есмъ кого чимъ обидЕлъ. възвращУ четворицеЮ. **Рече** же къ нему истъ. **Еко** дньесъ спсние домоу твоемоу бысть. зане и съ снъ авраамль естъ (Мар. 284, Лк. 19, 9).

Здесь приведены две конструкции с прямой речью, первая из которых начинается частицей *се*, вторая — словом *Еко*. Частица *же*, находящаяся после глагола *рече*, указывает на связь с предыдущим изложением.

Предложение с прямой речью, в начале которой стоит *Еко*, может входить в состав другой прямой речи, не имеющей *Еко*:

і посла дъва отъ оученикъ своихъ. и гла има идЕта въ градъ и сърАштета вы члвкъ. въ скудльницЕ водУ носА. по немъ идЕта. і идеже аште въидеть рьцЕта гноу домоу. **Еко** оучитель глтъ. кде естъ обитЕль идеже пасхУ съ оученикы своими сънЕмъ. і тъ вама покажеть горьницУ велиЮ... (Мар. 173, Мр. 14, 13)²³.

Здесь прямая речь вводится глаголом *решти* в форме повелительного наклонения *рьцЕта*.

²³ Интересно заметить, что в евангелии от Луки (22, 11) прямая речь употреблена без *Еко*.

Таково же и следующее предложение:

і отъвѣштавъ же англъ рече женама. не бонта вы сА. вѣмъ бо Еко
иса про(пА)пАтааго ищета. нѣсть съде вѣста бо Екоже рече. придѣта видита
мѣсто. ідеже лежа хъ. і Ядро шдъши **рѣѣта** оученикомъ его. **Еко** вѣста
отъ мрътвыхъ. і се варѣать вы въ галилеи тоу и оузърите се рѣхъ вама
(Мар. 112; Остр. 203, Мф. 28, 5).

В приведенном примере, как и в предыдущем, прямая речь
Еко вѣста отъ мрътвыхъ . . . следует не непосредственно за вво-
дящим глаголом, а оторвана от него дательным падежом адре-
сата. Особенностью данной конструкции является то, что в
конце ее повторяется глагол говорения *решти* в форме аориста
в сочетании с частицей *се* и местоимением *вама*. Предложение
се рѣхъ вама является как бы новым вводящим предложением,
указывающим на передачу прямой речи.

Нередко глаголу *решти* предшествует второй глагол говоре-
ния *отъвѣштати* в форме причастия прошедшего времени дей-
ствительного залога.

Онъ же отъвѣщавъ рече. Еко вамъ дано есть разоумѣти. тайнаа
црствиЕ. нбскааго. онѣмъ же не дано есть (Мар. 43, Мф. 13, 11).

і отъвѣштавъ исъ рече емоу. Еко речено есть. не искоуиши га ба
твоего (Мар. 206, Лк. 4, 12).

онъ же отъвѣштавъ рече имъ. Еко добрѣ прорече исанѣ о васъ. лице-
мѣри. Екоже есть псно. сии людие оустънами мА чтъУть. а срьдце ихъ
кромѣ отъстоить отъ мене (Мар. 141, Мр. 7, 6).

В редких случаях глагол *решти* встречается в сочетании в
глаголом не говорения:

іни же глахУ Еко илиЕ есть. Еко единъ отъ пркъ. слышавъ же иродъ
рече. егоже азъ оусѣкнУхъ иоана съ есть. тъ вѣста отъ мрътвыхъ (Мар. 136;
Остр. 286, Мр. 6, 15).

3. Кроме глаголати и *решти*, можно отметить другие гла-
голы, вводящие прямую речь с *Еко*.

егда посылашА іудѣи отъ ілма. іереЯ і левъгиты. да въпросАтъ і. ты
къто еси і исповѣдЕ. Еко нѣсмъ азъ хъ (Мар. 316; Остр. 3, Ио. 1, 19).

Перевод: Когда прислали иудеи из Иерусалима священников и левитов
спросить его, кто он, и он объявил: «Я не христос».

рече црь дѣвица. проси оу мене емоуже аще просиши и дамъ ти. и
клатъ сА ей. **яко** егоже просиши дамъ ти. до поль црствиЕ (Мар. 137;
Остр. 187, Мр. 6, 22).

онъ же **начАтъ рогити сА** и **клати сА**. Еко не вѣмъ члвка сего егоже
глте (Мар. 178; Остр. 292, Мр. 14, 71).

ішдъшоу же емоу въ врата. оузърѣ и другаЕ і гла имъ тоу и съ
члкъ. съ ісмъ назарѣанчномъ і пакы **отъврѣже сА** съ **клатвоЮ** Еко не знаЮ
члвка (Мар. 104; Остр. 163, Мф. 26, 71).

Прямая речь может вводиться глаголом *писати* (написать)
в форме краткого страдательного причастия. При этом, как
правило, сложное предложение с прямой речью, вводимой стра-
дательным причастием, образованным от данного глагола, вхо-
дит в состав другой прямой речи.

отъвѣшта имъ исъ. нѣсть ли написано въ законѣ вашемъ. Еко азъ
рѣхъ божи есте (Мар. 359; Остр. 37, Ио. 10, 34).

Характерно, что здесь от глагола *рѣхъ*, находящегося в пря-
мой речи с *Еко*, зависит еще прямая речь *божи есте*.

и отвѣшта ис къ нему гла. писано естъ. Еко не о хлѣбѣ единомъ живѣ бУдетъ чкъ нѣ о всѣкомъ глѣ бжин (Мар. 206, Лк. 4, 4).

і веде и въ имѣ. і постави и на крѣдѣ црквиЕмь. і рече емоу. аште снѣ еси бжин. врѣзи сА отъ сУдоу низъ. писано бо естъ. Еко англмъ своимъ заповесть о тебѣ съхранити тА і на рУкахъ възмУтъ тА. да не о камень прѣтѣкнеши ноги твоєЯ (Мар. 206, Лк. 4, 9).

Отвѣшта исъ и рече имъ... аште ли сУждУ азъ. сУдь мои истиненъ естъ. Еко единъ (нЕ)нѣсмъ. нѣ азъ и посѣлавы мА отцъ. і въ законѣ же вашемъ писано естъ. Еко двою члвкоу съвѣдѣтельство истинно естъ (Мар. 348; Остр. 27, Ио. 8, 14).

Дополнительные приемы, характеризующие разговорный стиль речи

В предложениях прямой речи, начинающейся словом *Еко*, нередко наблюдается свободный порядок слов, который характеризует живой, разговорный стиль речи.

Так, например, в ряде случаев можно отметить постановку сказуемого непосредственно после *Еко*, то есть впереди других членов.

како вниде въ домъ бжин. і хлѣбы прѣдложениЕ приЯ и Есть. и дасть и сУштинмъ съ нимъ. ихъже (не)достоЕше Ести. тькмо нерѣомъ единѣмъ. і глааше имъ Еко гъ естъ снѣ чки соботѣ (Мар. 215; Остр. 93, Лк. 6, 4).

Особенностью данной конструкции является то, что именная часть сказуемого в прямой речи (*гъ*) стоит перед подлежащим, сразу же после слова *Еко*. Из смыслового содержания всей конструкции безусловно явствует такое понимание предложения с прямой речью: «... и сказал им: «Сын человеческий есть господин субботы». При такой инверсии решающую роль для правильного понимания играет интонация, что явно характеризует разговорный стиль речи. Это подтверждает то, что и в подобных случаях *Еко* выступает в качестве слова, начинающего прямую речь.

Постановку именной части сказуемого (или вообще сказуемого) после слова *Еко* можно отметить и в таких предложениях: отвѣшташА иудеи и рѣшА емоу. не добрѣ ли глемъ мы. Еко самарениЕ еси ты и бѣсъ имани (Мар. 351; Остр. 33, Ио. 8, 48).

створите оубо плодъ достоинъ покаанни и не начинайте глати въ себѣ имамы авраама. глЮ бо вамъ. яко можетъ бѣ камня сего въздвигнУти чАда авраамови (Мар. 6, Мв. 3, 8).

ПристУпыше къ нему оученици его глашА. Еко поуосто естъ мѣсто. і юже година мину. отъпоусти Я да шедъше въ окръстныхъ селѣхъ. і всѣхъ коупАтъ себѣ хлѣбы не имУтъ бо чего Ести (Мар. 138, Мр. 6, 35).

На первом месте в прямой речи сразу же после *Еко* может находиться второстепенный член предложения, например, дополнение:

і видѣвъше всѣи рѣптаахУ глЮште. Еко къ грѣшнУ муЖУ вниде витать (Мар. 284; Остр. 114, Лк. 19, 7).

В данном случае впереди сказуемого стоит дополнение *муЖУ* вместе с определением *грѣшнУ*. Здесь говорящий хочет как-то

выделить слова *къ грЕшнУ мУжУ*, поэтому он выдвигает их на первый план, то есть ставит в начале прямой речи.

Аналогичны и следующие предложения:

и отвѣшта ис къ нему гла. писано естъ. Еко не о хлЕбЕ единомъ живѣ бУдетъ чкъ. нь о всЕкомъ глЕ бжи (Мар. 206, Лк. 4, 4).

Тогда архиереи растрѣза ризы своя гла. Еко власфиміЮ рече чьго еще трЕбоуемъ свЕдЕтель. се (ны)нынЕ слышасте власфиміЮ его (Мар. 103; Остр. 180, Мф. 26, 65).

блаженъ рабъ ть. егоже пришедъ гъ свои обрАштеть тако творАшта. аминъ глЮ вамъ. Еко надъ всЕмъ имЕнемъ поставиты-и (Мар. 91; Остр. 147, Мф. 24, 46).

От приведенных примеров отличается следующий:

і мьнози придУ къ нему и глахУ. Еко иоанъ оубо знамениЕ не сътвори. ни единого же. всЕ же елико рече иоанъ о семь истина бЕ (Мар. 360, Ио. 10(41)).

Здесь дополнение *знамениЕ* стоит впереди сказуемого *не сътвори*. Кроме того, согласованное определение *ни единого же* оторвано от слова, к которому оно относится. Сказуемое вклинивается между дополнением и определением.

Впереди других членов предложения встречается обстоятельство, на которое падает логическое ударение, например:

тъгда отврѣзе имъ оумъ да разоумЕЮ ть кьнигы. і рече имъ Еко тако естъ писано. и тако подобаше пострадати хоу. и вскрѣснУти отъ мрѣтвхъ. третий день... (Мар. 312, Лк. 24, 45...).

Рече же къ нему исъ. Еко дньсь спсние домоу твоему бысть. зане ись снь авраамъ естъ (Мар. 284, Остр. 114, Лк. 19, 9).

Свободный, характерный именно для живой, разговорной речи порядок слов наблюдаем и в таком предложении:

отъ народа же мьноСи вЕровашА во нь. і глахУ. Еко хъ егда придетъ. еда больша знамениЕ сътворить. Еже сь естъ сътворилъ (Мар. 344; Остр. 27, Ио. 7, 31).

В данном примере временной союз *егда* не начинает предложение, а стоит после подлежащего. Такой свободный порядок слов передает разговорный стиль речи.

Инверсионный порядок слов во всех приведенных предложениях, как нам кажется, зависит от логического акцента на том слове, которое особенно хочет выделить, подчеркнуть говорящий.

* *
*

Отдельные замечания

Наблюдения показывают, что нередко в различных главах евангелия в одной и той же повторяющейся конструкции прямая речь может как начинаться словом *Еко*, так и употребляться без него. Так, например, в евангелии от Марка в следующем предложении в начале прямой речи стоит слово *Еко*:

Глаше же имъ исъ Еко пророкъ бечьсти. тькъмо въ своемъ отъчствии и въ рождени и въ домоу соемъ (Мар. 135, Остр. 6—4).

В евангелии же от Матвея подобная конструкция не имеет *Еко* в начале прямой речи. Сравни:

іс же рече имъ. нЕсть пркъ бещьсти. тькмо въ своемъ отъчъствни. і въ домоу своемъ (Мф. 13, 57).

То же самое можно наблюдать и в следующих примерах: Сравни Мр. 9, 1 (прямая речь с *Еко*):

аминь глЮ вамъ. Еко сУть единн отъ съде стояштинихъ. іже не имУть въкоусити сьмръти. дондеже видАть црствие бжие... (Мар. 148).

Мф. 16, 28 (прямая речь без *Еко*):

аминь глЮ вамъ. сУть етери отъ съде стояштинихъ. іже не имУть сьмръти въкоусити. дондеже видАть снъ члвчскы грАдУштъ въ црствии своемъ (Мар. 57).

Мр. 12, 6 (прямая речь с *Еко*):

еште же имЕаше единого сна. възлюбленааго своего посла и того къ нимъ послЕдъ гла. Еко посрамлЕЮть сА сна моего (Мар. 163).

Ср.:

Мф. 21, 37 (прямая речь без *Еко*):

послЕдъ же посла къ нимъ снъ свои гла. оусрамлЕЮть сА сна моего (Мар. 77).

Приведенные примеры, безусловно, являются еще одним подтверждением того, что *Еко* в подобных конструкциях не является подчинительным союзом, а начинает лишь прямую речь.

Таким образом, анализируемый материал показывает, что слово *Еко*, начинающее предложение после глаголов речи, не всегда является подчинительным союзом, а, наоборот, в подавляющем большинстве примеров оно выступает в качестве специфического слова, начинающего прямую речь.

О ГЕНЕРАТИВНОМ ПРИНЦИПЕ ОПИСАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Б. М. Гаспаров

Изучение языковых единиц может вестись, по-видимому, в двух различных аспектах. С одной стороны, возможно описание языка на различных его уровнях с точки зрения формального строения, организации его элементов. Такой подход предполагает понимание языка (разумеется, не всегда эксплицированное) как абстрактной организации, внешней по отношению к говорящему, не зависящей от отдельных актов говорения и существующей над этими актами. Мы видим реализацию этого отношения к языку в рационалистических построениях универсальной логической грамматики, в которых язык является как абстрактная форма, поднимающаяся не только над конкретными ситуационными особенностями, присущими каждому акту говорения, но и над особенностями реализации этой формы в различных говорящих коллективах. Данная система взглядов на язык, отвергнутая в XIX столетии, возрождается вновь на рубеже XIX и XX веков в различных формальных теориях¹, отчасти вновь с универсализирующей направленностью. Наиболее последовательным отражением данной тенденции явилась концепция Ф. де Соссюра. Понимание языка как имманентной, замкнутой «в себе и для себя» структуры естественно приводит к полному отъединению языка от его носителей. По отношению к последним язык выступает как внешняя сила, как «социальный факт»², никоим образом от их воли не зависящий. «У общественной мысли мнения не спрашивают, и выбранное языком означающее не может быть заменено другим ... Не только индивид не мог бы, если бы хотел, ни в чем изменить сделанный уже выбор, но и сама масса не в состоянии обнаружить свою

¹ Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение. В кн.: Ф. Ф. Фортунатов, Избранные труды, т. I. М., Учпедгиз, 1956; О. Есперсен, Философия грамматики. М., Изд. иностр. лит., 1958.

² О связи идей де Соссюра с социологической концепцией Дюркгейма см. в работе Э. Косериу, Синхрония, диахрония и история. Сб. Новое в лингвистике, т. 3. М., Изд. иностр. лит., 1963.

власть ни над одним словом; она связана с языком таким, как он есть»³.

При таком подходе проблема коммуникации как бы снимается, поскольку общение в языковом коллективе представляется лишь реализацией говорящими индивидуумами готовой, уже имеющейся системы. Поэтому единственной задачей языкознания оказывается описание устройства языкового механизма.

Данной концепции последовательно противостоит другая, рассматривающая языковые факты с точки зрения их функционирования в процессе общения. Коммуникативная направленность языка выдвигается при этом на первый план, языковые факты рассматриваются с точки зрения того, как они включаются в акт сообщения, какую роль выполняют при этом. Всячески подчеркивается, что язык в совокупности всех своих единиц существует только в процессе общения и что, следовательно, последний не является простой реализацией некоего абстрактного механизма, а, напротив, представляет собой единственную форму существования этого механизма. Итак, язык существует постольку, поскольку он осуществляется в актах коммуникации. Естественно, роль говорящего при таком подходе уже не понимается как пассивная. Напротив, подчеркивается активный, творческий характер речевой деятельности, она предстает уже не как воспронизведение, но как построение, создание сообщений. Хотя все элементы, из которых строится высказывание, казалось бы, заранее известны, однако говорящий каждый раз включает их в неповторимый контекст, в котором осуществляется именно это конкретное сообщение (и который обусловлен как установкой на определенного слушателя, так и ситуацией, сопровождающей сообщение)⁴, следовательно, в каждом речевом акте используемые средства подвергаются определенному осмыслению. Вне такого творческого осмысления, воссоздания элементы языка просто не существуют.

Основополагающими для данного направления явились мысли В. Гумбольдта о том, что язык является творческой деятельностью (*ἐνέργεια*), а не готовым продуктом, застывшим результатом этой деятельности (*ἔργον*). В данном аспекте имманентное строение языковой системы представляется по меньшей мере второстепенным вопросом, поскольку сама эта система существует лишь как «отложение» бесчисленных актов коммуникации. В центре внимания оказывается говорящий ин-

---

³ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 78.

⁴ О значении указанных факторов при построении сообщения см. следующие работы: Дж. Р. Фёрс, Техника семантики. Сб. Новое в лингвистике, т. 2. М., Изд. иностр. лит., 1962; К. Bühler, Sprachtheorie. Jena, 1934; K. L. Pike, Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behaviour. Glendale, 1954.

дивидуум (в противоположность тяготеющим к универсалиям построениям лингвистического рационализма), основной задачей оказывается проникновение в механизм построения им высказывания. Соответственно языковые элементы описываются не с точки зрения их места в системе, не с точки зрения их строения, а по их функциональному назначению в высказывании.

Такой подход к языку был реализован в трудах психологического направления, а в более позднее время — школой Фосслера и различными направлениями современного неогумбольдтианства⁵.

Нетрудно увидеть, что изложенные здесь противоположные лингвистические концепции преломляются в конкретных принципах изучения различных сторон языка. Они определили, в частности, две основные линии в изучении предложения как особой языковой единицы, его конституирующих признаков и отношения к другим языковым единицам. Поэтому при всем разнообразии точек зрения, высказывавшихся и высказываемых по данным вопросам⁶, представляется возможным выделить два четко противопоставленных принципа их рассмотрения.

С одной стороны, предложение оценивается и описывается как некое построение, с точки зрения присущих ему структурных признаков. При этом, разумеется, разные эпохи существенно отличаются друг от друга тем, что именно понималось под структурой предложения. Логической грамматике структурный остов предложения представляется в виде логического суждения. Соответственно описание предложения строилось как построение лежащей в его основе логической модели. Современными представителями данного общего направления вопрос о строении предложения переведен уже в собственно языковой план. Структура предложения рассматривается теперь как определенная взаимосвязь между его элементами (под последними понимаются либо слова, либо — в дескриптивной лингвистике — морфемы). Вопрос о конституирующих признаках предложения если и ставится, то делается попытка его разрешить опять-таки исходя из показаний самой структуры предложения. Чаще всего в качестве конституирующего признака предложения поэтому рассматривается какой-либо элемент его строения, трактуемый как обязательный: глагол в личной форме⁷, некоторые разряды слов, обладающие «ска-

---

⁵ Очень своеобразное, проводимое на широкой основе сопоставление «лингвистического классицизма» и «лингвистического романтизма» можно найти в книге В. Н. Володинова «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке». Л., «Прибой», 1929.

⁶ См., например, J. Ries, Was ist ein Satz? Prag, 1931.

⁷ Понимание *verbum finitum* как определяющего элемента в структуре предложения находит свое выражение в получающих в последнее время все большее распространение синтаксических моделях, в которых глагол-скажуе-

зуюмостью» (и прежде всего все тот же *verbum finitum*)⁸, наконец, просто сказуемое в том или ином выражении. Этот принцип лежит, между прочим, в основе остроумной попытки разграничить словосочетание и предложение, предпринятой Е. Куриловичем: «Можно сформулировать различие между словосочетанием и предложением следующим образом: конституирующим членом словосочетания является определяемый член, а конституирующим членом предложения — определяющий член, т. е. сказуемое»⁹.

Симптоматичным представляется в этой связи также возрождение интереса к проблеме логического «остова» предложения и попыток дать определение последнего, опирающееся на логическую основу (разумеется, уже на ином уровне, чем это делала логическая грамматика, с ясным осознанием специфики грамматического построения). Таково определение, даваемое Г. В. Колшанским: «Предложение есть ... относительно самостоятельное грамматическое построение, состоящее из слова или группы слов, воплощающее в своей конкретной форме отношение логических членов субъекта и предиката и передающее благодаря этому относительно законченную мысль — суждение»¹⁰.

Мы видим, таким образом, что предложение в изложенных выше определениях предстает как некая «форма построения». Можно сказать, что в вопросе об определении специфики предложения данному направлению присущ известный «морфологизм» как в узком, специальном смысле этого слова (определение единиц синтаксического уровня с помощью морфологических критериев, в частности, наличия определенного элемента морфологического уровня), так и в более широком (как определение языковой единицы путем соотнесения ее, в конечном счете, с определенной структурой).

мое трактуется как главный, ядерный элемент, а подлежащее и дополнение — как зависимый. См., например, Б. П. Ардентов, Основы русской грамматики, Кишинев, 1962; И. А. Мельчук, Об алгоритме синтаксического анализа языковых текстов (Общие принципы и некоторые итоги). Сб. Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 7. М., 1962; И. И. Ревзин, Об одной синтаксической модели. ВЯ, 1963, № 2; С. К. Шаумян, Порождающая модель на базе принципа двухступенчатости. ВЯ, 1963, № 2; L. Tesnière, *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959, стр. 3, 13 и сл.

⁸ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956.

⁹ Е. Курилович, Основные структуры языка: словосочетание и предложение. В кн.: Е. Курилович, Очерки по лингвистике. М., Изд. иностр. лит., 1962, стр. 55.

¹⁰ Г. В. Колшанский, Логика и структура языка. М., 1965, стр. 94—95. По данному вопросу см. также В. Н. Мигирин, Принципы изучения членов предложения. НДВШ, Филологические науки, 1961, № 3; В. З. Панфилов, Грамматика и логика. М.—Л., 1963; П. В. Чесноков, Логическая фраза и предложение. Ростов н/Д, 1961.

Следствием такого морфологизма является уязвимость позиции данного направления в определении специфического качества предложения, отличающего последнее от всех остальных языковых единиц. Установка на форму затрудняет отграничение предложения от других единиц, внешне, по своей структуре, похожих на предложение. Апелляция к логическим структурам, например, вызывает затруднение при определении сложного предложения (содержащего ряд суждений); в конечном счете части сложного предложения признаются относительно самостоятельными, в результате чего сложное предложение предстает как сумма составляющих его частей¹¹. При этом не учитывается, что с точки зрения речевого акта части сложного целого — это псевдопредложения, которые так же соотносительны между собой, как и элементы внутри простого предложения.

Еще более остро при таком подходе стоит вопрос о разграничении предложения и словосочетания (поскольку с точки зрения построения и то и другое представляют собой грамматически оформленное соединение слов), в особенности так называемого «предикативного словосочетания» (то есть содержащего в себе элемент, признаваемый одновременно конституирующим для предложения). Отказ от рассмотрения предикативного словосочетания, провозглашение этого понятия фикцией¹² представляет собой, разумеется, чисто внешнее, «терминологическое» решение вопроса. О трудности разрешения этой проблемы свидетельствует тот факт, что многие работы описываемого направления обнаруживают тенденцию попросту ее «снимать», включая предложение в состав синтагматических единиц как их разновидность. Такая тенденция, впервые отчетливо проявившаяся в работах Ф. Ф. Фортунатова и его школы, нередко обнаруживается и в современных исследованиях¹³.

Итак, специфический характер предложения оказывается при данном подходе к его изучению ослаблен или даже вовсе не выявлен. И это не удивительно. Ведь наиболее яркой определяющей чертой предложения является его способность выступать в качестве единицы общения. Именно в форме предложения осуществляется речевой акт. Именно в предложении проявляется творческая деятельность говорящих, поскольку предложение строится, создается в процессе речи, а не просто воспроизводится (свободные словосочетания, правда, тоже строятся говорящими, но они не существуют в речи самостоятельно,

¹¹ См., например, Г. В. Колшанский, *ук. соч.*, стр. 194.

¹² Грамматика русского языка, т. II, ч. I. АН СССР, М., 1954, стр. 37.

¹³ R. F. Mikuš, *Principi sintagmatike*. Zagreb, 1958. О расширительной трактовке понятия синтагмы см. также В. В. Виноградов, *Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка*. Сб. Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.

а включаются в предложение, следовательно, построение в речи словосочетания — это всегда одновременно и построение предложения). Предложение оказывается в связи с этим той формой, в составе которой все остальные единицы языка включаются в определенный коммуникативный контекст и получают определенную направленность.

Понятно поэтому, что особый характер предложения, его специфика гораздо ярче подчеркивались представителями второго из рассмотренных нами направлений. Правда, и здесь мы изредка встречаемся с морфологизмом в определениях (например, определение необходимого минимума предложения у А. А. Потебни как наличия *verbum finitum*). Однако в целом подход здесь совершенно иной: не предложение изучается как некоторая организация составляющих его элементов, а, напротив, эти последние рассматриваются лишь постольку, поскольку они включаются в предложение. Так, грамматические классы слов — части речи — у А. А. Потебни изучаются прежде всего в связи с их синтаксическими функциями; само слово вне контекста признается «искусственным препаратом»¹⁴.

Понимание функциональной природы предложения, стремление изучать предложение как высказывание, как единицу активного процесса сообщения составляет, безусловно, привлекательную сторону данного направления. Однако в то же время функциональное определение предложения как процессуальной единицы переносилось при этом во внелингвистический план, опираясь на критерии, внешние по отношению к языку. Построение предложения мыслилось не как собственно лингвистический акт, а как акт психологический. А именно, сущность построения предложения рассматривается как соединение говорящим двух представлений и приведение их в детерминативную связь.

«Простейшая коммуникация, — пишет, например, А. А. Шахматов, — состоит из сочетания двух представлений, приведенных движением воли в предикативную (т. е. вообще определяющую, в частности, зависимую, причинную, генетическую) связь»¹⁵.

В той же плоскости лежит и характеристика предложения как расщепления единого представления, впервые данная В. Вундтом: «Предикативная связь не соединяет мысли, а расщепляет целостную мысль на противоположные части, противопоставляя их друг другу»¹⁶.

---

¹⁴ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., Учпедгиз, 1958, стр. 47 и сл.

¹⁵ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 19.

¹⁶ Цитирует П. В. Чесноков, О предикативных и модальных связях. Сб. «Совещание языковедов Юга России по вопросу о связи слов в словосочетании и предложении». Ростов н/Д, 1961.

Дальнейшее изучение типов предложения строится на основе характера выявления в них данного процесса, то есть, как уже было сказано, на основе экстралингвистического критерия.

Таким образом, оба принципа рассмотрения предложения представляются ограниченными. Один — потому, что приводит к осмыслению языковых явлений с точки зрения внеязыковых понятий. Это — типичная «внешняя лингвистика». Коммуникативная функция, приписываемая предложению, никак в данном случае не связывается с чисто языковыми структурными особенностями предложения. Эти особенности, как мы видим, рассматриваются — более или менее удачно — представителями другого направления. Но коренным недостатком этого направления — независимо от точности выдвигаемых критериев — является «морфологизм», при котором остается не раскрытой специфика предложения как коммуникативной единицы. В результате стирается грань между предложением и «предикативным словосочетанием», «предикативной синтагмой», упускается из виду функциональное отличие предложения от других языковых единиц.

Надо сказать, что в современных синтаксических исследованиях наблюдается стремление преодолеть разрыв между функциональным (в показанном выше смысле) и структурным описанием предложения. Существует тенденция, оставаясь на почве собственно языковых понятий, показать в то же время сущность предложения как единицы коммуникативного акта. В связи с этой тенденцией находится трактовка предикативности, понимаемой как необходимый конституирующий признак предложения, в двух планах — функциональном и структурном. С функциональной точки зрения предикативность понимается как отнесение содержания высказывания к реальной действительности, то есть включение его в контекст сообщения. Благодаря этому процессу потенциальные единицы языка оказываются фактом сообщения, актуализируются. В то же время этому процессу придается чисто лингвистический смысл, поскольку одновременно ведется поиск языковых средств, заложенных в самой структуре предложения, которые являются актуализаторами. Этими средствами обычно признаются грамматические категории времени, наклонения и лица.

Такой подход был впервые разработан С. И. Карцевским¹⁷ и в дальнейшем развивался в трудах В. В. Виноградова¹⁸ (правда, у последнего явление актуализации и само противопоставление языка и речи имплицуруется). Однако связь между функциональным и структурным аспектом рассмотрения предика-

¹⁷ S. Karcevskij, Sur la phonologie de la phrase. Travaux du cercle linguistique de Prague, 4, 1931.

¹⁸ В. В. Виноградов, Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. ВЯ, 1954, № 1.

тивности не является здесь органической. Неясно, почему именно совокупность указанных категорий образует предикативность и оказывается необходимым признаком предложения. Какими специфическими свойствами этих категорий объясняется их конституирующий характер в высказывании, в силу которого их присутствие (хотя бы и имплицитное), по мнению Виноградова, является обязательным условием существования предложения? Ответа на этот вопрос фактически не дается, поскольку «соотнесенность с действительностью» — слишком общее свойство, которое может быть приписано и другим категориям (например, Ш. Балли считает обязательным условием отнесения к действительности не только пространственное и временное, но и количественное определение, в результате чего конституирующими в данном плане, по его мнению, оказываются также категории числа и вида)¹⁹. Таким образом, функциональное и структурное понимание предикативности оказывается разоб-
щенным — первое слишком широко и неопределенно, второе же фактически никак не вытекает из первого.

Другим направлением теоретического синтеза являются исследования, рассматривающие предложение как бы в двух плоскостях — в плане построения и в плане коммуникации — и во взаимодействии этих плоскостей. Таково учение А. Гардинера о «форме построения» и «форме сообщения» предложения и случаях их взаимного соответствия и несоответствия²⁰. Но наибольшее распространение получило, по-видимому, учение об актуальном членении предложения²¹, накладываемое на его формальное членение в условиях конкретной коммуникации.

Учение об актуальном членении представляется весьма плодотворным подходом к проблеме синтеза функциональных и структурных признаков предложения. Однако вместе с тем один лишь этот путь, по-видимому, недостаточен. Ведь актуальное членение, будучи, безусловно, уже специфически языковым средством (и одновременно показателем) включения предложения в коммуникацию, все же лишь наслаивается на структуру предложения. При этом «форма построения» предложения опять оказывается не связана с коммуникативной функцией последнего. Именно поэтому формальное членение представляется и здесь как нечто внешнее по отношению к акту коммуникации, осуществляемое до него и независимо от него. Грамматическое членение (как таковое) не имеет непосредственного отношения к выражению того, какому коммуникативному заданию отвечает

¹⁹ Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М., 1952, стр. 89.

²⁰ См. в кн.: О. С. Ахманова, Г. Б. Микаэлян, *Современные синтаксические теории*. Изд. МГУ, 1963.

²¹ См. В. Матезиус, *О так называемом актуальном членении предложения; его же, О потенциальности языковых явлений*. В кн.: *Пражский лингвистический кружок*. М., 1967.

предложение (эту функцию берет на себя актуальное членение)²². Таким образом, форма предложения вновь оказывается инертной по отношению к его функции и может мыслиться поэтому как простое сочетание слов: «Предложение есть не что иное, как определенным образом преобразованное словосочетание. Преобразование словосочетания (или отдельного слова) в предложение и составляет сущность предикцирования»²³.

Сама по себе данная мысль не вызывает возражений. Но поскольку средством такого преобразования автор считает актуальное членение, сама форма предложения оказывается как раз в роли преобразуемого, то есть рассматривается как словосочетание.

Здесь мы встречаемся с моментом, который, при всем различии описанных концепций предложения, оказывается общим для них. Этот момент заключается в том, что при любом подходе сохраняется (разумеется, имплицитно) понимание строения предложения (его «формулы») как чего-то готового, изначально существующего и лишь воспроизводимого в речи. Вопрос об активной роли говорящего если и ставится, то все же «над» структурой (на уровне «формы изъяснения»), не связываясь с ней органически. Нельзя в этой связи не согласиться со следующим замечанием Г. В. Колшанского: «Нельзя признать существование чистой языковой формы, не участвующей в выражении структуры мысли. Необходимо признать . . . единую синтаксическую структуру предложения. Само существование этой проблемы требует последовательности и монистичности объяснения»²⁴.

Задача, таким образом, состоит в том, чтобы преодолеть дуализм в трактовке предложения как структурной и как функциональной единицы. Необходимо, следовательно, прийти к такому пониманию предложения, при котором сама его форма, присущие ему структурные особенности трактовались бы как результат деятельности говорящего и как средство проявления этой деятельности, направленной на создание коммуникации. Необходимо, далее, прийти к такому методу описания предложения, который позволил бы, оставаясь на почве языковых фактов, преодолеть морфологизм, таксономический, чисто классифицирующий характер структурного описания и раскрыть роль определенных структурных моментов в становлении предложения как коммуникативной единицы.

До сих пор речь шла об общем подходе к предложению как языковой единице. Однако нетрудно убедиться, что отмеченные

---

²² П. С. Распопов, Проблема предикативности в лингвистической литературе. Ученые записки Башкирского ун-та, вып. 8, № 2, Уфа, 1961, стр. 23.

²³ П. С. Распопов, ук. соч., стр. 24.

²⁴ Г. В. Колшанский, ук. соч., стр. 159.

общие недостатки в понимании синтаксической структуры отражаются и в собственно формальном описании, классификации различных типов структур. Особенно отчетливо это проявляется в учении о так называемом неполном предложении, которое в последнее время стало одним из наиболее спорных вопросов русского синтаксиса. Это неудивительно, поскольку решение вопроса о сущности неполного предложения и критериях неполноты непосредственно зависит от общего взгляда на предложение.

В самом деле, что значит отнести то или иное предложение к разряду неполных? Это значит признать, что в нем чего-то недостает до соответствующего полного, то есть что данное предложение представляет собой не самостоятельную структуру, а вариант какой-то другой структуры, отличающийся неполным развертыванием последней. Но ведь невозможно решить вопрос о самостоятельности или, наоборот, вариантном характере той или иной синтаксической структуры, не определив предварительно принципы описания данных структур, не установив, что именно мы считаем признаком их самостоятельности.

Поскольку, как мы видели выше, имеется тенденция описывать структуру предложения вне связи с функциональными свойствами этой лингвистической единицы, вопрос о неполноте того или иного предложения также решается обычно лишь как свойство его структуры, вне связи с функциональными особенностями (или лишь в связи со стилистическими особенностями). Поэтому оказываются бесплодными споры о том, что представляет из себя неполное предложение «само по себе». Именно поэтому также такими шаткими являются выдвигаемые в литературе различные критерии «неполноты» (как смысловой, так и формальной). Смысловая неполнота, как это впервые убедительно было показано И. А. Поповой²⁵, вообще не может являться основанием для выделения неполных предложений, так как многим высказываниям, признаваемым всеми «полными», также присуща такая неполнота, то есть, будучи взяты изолированно, вне более широкого контекста, они утрачивают смысл.

Признак же структурной неполноты также является весьма неопределенным. Показателем этой неполноты обычно считают наличие каких-либо форм, указывающих на пропуск. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что этот критерий недостаточен. Так, предложения *Светает* и *Пишет* одинаковы по форме, между тем первое из них признается безличным, второе — неполным двусоставным. Особенно трудно бывает отграничить неполные двусоставные предложения от номинативных. Поэтому исследователи вынуждены в этих случаях апеллиро-

---

²⁵ И. А. Попова, *Неполные предложения в современном русском языке*. Труды Ин-та языкознания, т. 2. М., 1953.

вать к таким критериям, как показания контекста, ситуации²⁶ или даже к тому, что в полных предложениях выражается целостная мысль, а в неполном — лишь «часть мысли»²⁷. Надежность таких критериев очевидна. Любопытно в этой связи признание И. А. Поповой, которая пишет: «Мы вынуждены констатировать невозможность дать удовлетворительное, построенное на грамматической основе определение неполных предложений и выдвинуть единый четкий критерий деления предложений на полные и неполные»²⁸.

Проблема неполного предложения убеждает в том, что морфологизм в описании структуры предложения приводит к невозможности определить соотношение различных его типов. В частности, данная проблема, по-видимому, может быть решена лишь на основе анализа функциональных соотношений «полных» и «неполных» предложений. Если в результате такого анализа выяснится, что «неполные» предложения функционируют в речи как варианты соответствующих «полных», значит мы не можем признать их самостоятельными структурными типами и должны будем рассматривать их именно как варианты (не полностью развернутые) структуры предложения — то есть в конечном счете признать их неполноту. Если же будет установлено, что отношения неполных и полных предложений в речи — это отношения инвариантов, то понятие *неполное предложение* следует признать бессмысленным: о какой «неполноте» можно говорить, если речь идет о самостоятельном структурном типе предложения?

Мы полагаем, что преодоление указанных недостатков синтаксического описания может быть связано с перенесением генеративного аспекта, связанного с установкой на процессуальную, творческую сторону акта коммуникации, в область изучения структурных типов предложения. Формальная структура, формальный остов предложения не должны рассматриваться как нечто данное и тем самым являющееся лишь пассивным объектом классификации.

Разумеется, в настоящее время представляется вполне очевидным, что предложение, в том числе и его формальная основа, есть результат построения. Однако существующие методы описания синтаксических структур далеко не всегда реализуют такое понимание предложения, носят чисто классифицирующий, таксономический характер. Необходимо, следовательно, построение таких исследовательских моделей, в которых структура

---

²⁶ П. П. Коструба, До питання про питання і класифікацію неповних речень. «Питання українського мовознавства», кн. 4, Львів, 1960, стр. 55.

²⁷ А. С. Попов, К вопросу о неполных предложениях в современном русском языке, НДВШ. Филологические науки, 1959, № 3, стр. 34.

²⁸ И. А. Попова, ук. соч., стр. 131.

предложения оказалась бы представлена как результат целенаправленной деятельности говорящего.

Необходимо учитывать, что всякое реальное предложение представляет собой не только определенную структуру (*ἔργον*), но и процесс. Предложение всегда строится, создается говорящим (даже если это создание ограничивается простым воспроизведением ранее слышанного образца), причем строится с учетом потребностей коммуникации, так, чтобы наилучшим (с точки зрения говорящего) способом осуществить акт коммуникации. Итак, становление любого предложения представляет собой творческий целенаправленный процесс, следовательно, всякое предложение может быть представлено как результат такого процесса. Это окажется возможным, если удастся выяснить, с помощью каких средств последний осуществляется говорящими. Установление таких средств («актуализаторов») позволит, следовательно, обнаружить те структурные признаки, которые необходимы для построения всякого предложения как коммуникации.

Но как установить, какие именно элементы в структуре предложения играют активную, актуализирующую роль? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разобраться, как осуществляется реализация потенциальных языковых возможностей при построении предложения, в чем проявляется активная, творческая роль говорящего.

Думается, что трансформационный метод лишь отчасти решает эту задачу. Представляя все структуры, существующие в языке, в качестве единого «поля»²⁹, описывая отношения производности между ними, трансформационный анализ тем самым моделирует соотношения между различными структурами. Однако внутреннее строение каждой единицы, по-видимому, остается не до конца раскрытым. Действительно, характер трансформов предложения показывает черты его сходства и отличия по отношению к другим предложениям языка, то есть место в системе. Но сам процесс построения этого предложения здесь не затрагивается. Тем самым о трансформационной модели можно говорить как о модели выбора синтаксической структуры говорящим, но не модели построения этой структуры.

Надо сказать, однако, что некоторые черты трансформационного метода могут быть использованы применительно к другим сторонам структурного описания синтаксиса. В частности, заслуживает внимания сама проблема выбора как одной из сторон порождения предложения.

В связи с этим, по-видимому, одним из аспектов генеративного подхода к изучению синтаксических структур может стать моделирование процесса порождения предложения как такого,

²⁹ С. К. Шаумян, Структурная лингвистика. М., «Наука», 1965, стр. 315 и далее.

при котором говорящим последовательно осуществляется выбор используемых средств³⁰.

Действительно, активная сторона деятельности говорящего проявляется, очевидно, не в создании «строительного материала» — элементов структуры предложения: эти элементы уже готовыми предоставляются в распоряжение говорящего языком. Но не выходя из круга готовых предустановленных средств выражения, говорящий свободно выбирает каждый раз из всей совокупности этих средств необходимые ему. Следовательно, построение предложения предполагает осуществляемый говорящим выбор из круга имеющихся возможностей выражения какой-либо одной — подобно тому как соотнесение понятия с определенными фактами действительности означает сужение его объема.

Этот выбор осуществляется на разных «уровнях». Прежде всего происходит выбор самой структуры, используемой в коммуникации, на основе имеющихся у говорящего интуитивных сведений о существующих структурах и отношениях между ними. Данная сторона процесса, как мы видим, моделируется трансформационным анализом, который как раз эксплицирует соотношения различных синтаксических структур. Важным этапом порождения предложения с этой точки зрения является также декодирование избранной структуры путем лексического ее заполнения. При этом также момент выбора того или иного слова из ряда возможных составляет в значительной степени содержание данного процесса. Аналогичным образом может быть трактовано (как мы это и видим в литературе) актуальное членение предложения. Поэтому постановка вопроса об актуальном членении как о необходимом признаке предложения, безусловно, является правомерной. Однако, как уже отмечалось выше, апелляция лишь к актуальному членению как к активному моменту, связанному с коммуникативной установкой предложения, не может нас удовлетворить, поскольку актуальное членение предложения лишь накладывается на его формальную структуру, совпадая или, в ряде случаев, не совпадая с ней.

Итак, мы рассмотрели три уровня порождения предложения — выбор некоторой структуры, ее лексическое декодиро-

---

³⁰ В общем виде проблема выбора (в связи с вопросами актуализации языковых единиц) рассматривалась в синтаксических трудах Пражской школы. Наиболее отчетливую постановку этой проблемы находим в настоящее время у Ф. Данеша. См., в частности, F. Daneš, *A three-level approach to syntax*. Travaux linguistiques de Prague. L'école de Prague d'aujourd'hui, I. Prague, 1966; Его же, Опыт интерпретации синтаксической омонимии. ВЯ, 1964, № 5.

Однако в названных работах данная проблема не ставится в плане порождающей модели и не связывается непосредственно с задачей описания структуры лингвистических единиц.

ние и наложение определенного интонационного контура. На всех отмеченных этапах порождение может быть трактовано как последовательное разрешение говорящим некоторых выдвигаемых языком альтернатив в соответствии с конкретными потребностями коммуникации, причем выбор, осуществленный на одном уровне, тотчас же выдвигает возможность альтернативных решений на следующем уровне, и т. д.

Если, однако, мы ограничимся названными уровнями, «формула предложения» предстанет опять-таки лишь как нечто выбираемое, но не создаваемое говорящим. Такое ограничение приведет к пониманию построения предложения лишь как его лексического наполнения и актуализации, сам же структурный остов предложения будет рассматриваться как исходный материал, преобразуемый в сообщение, материал, уже данный в готовом виде говорящему³¹.

В этой связи нам представляется необходимым учесть, что становление структурного остова предложения также носит процессуальный характер. Реализация избранной синтаксической структуры (причем реализация именно как структуры, до лексического и интонационного декодирования) не представляет из себя простого ее воспроизведения, а также связана с решением некоторых альтернатив. Последние возникают в связи с возможностью выбора в пределах грамматических категорий, оформляющих предложение.

Действительно, грамматическое оформление предложения обычно допускает, как известно, определенное варьирование. Говорящий выбирает не только слова, но и формы, в которых эти слова вводятся. Этот процесс, однако, не тождествен выбору слов и не может поэтому рассматриваться в одной плоскости, на одном уровне с последним. Иными словами, дело не может быть представлено так, что при выборе слова одновременно выбирается и форма этого слова, или что лексическое декодирование производится сразу в определенных словоформах. Следует подчеркнуть, что ни по своему объему, ни по характеру эти два явления не совпадают.

Прежде всего, не всякий выбор слова является одновременно выбором словоформы. Существуют случаи, когда постановка

---

³¹ Здесь, конечно, имеется в виду только структурное ядро предложения. Процессуальный характер распространения этого ядра рассматривается, например, моделью непосредственно составляющих в ее генеративной трактовке. Однако ядерная структура всякий раз выступает в качестве отправного пункта, с которого начинается преобразование (если не считать, разумеется, шага типа $S \rightarrow NP + VP$, показывающего именно выбор ядерной структуры), в связи с чем набор ядерных структур языка должен быть задан списком (см. об этом, в частности, Н. Хомский, Синтаксические структуры. Сб. Новое в лингвистике, т. 2. М., Изд. иностр. лит., 1962). В дальнейшем также, говоря о структурной формуле предложения, мы будем понимать под этим его несвертываемое ядро.

слова в определенной форме оказывается обязательной и определяется связями этого слова в предложении. Следовательно, если то или иное слово всегда выбирается говорящим в пределах заданного избранной структурой грамматического класса, то выбор грамматического оформления слова осуществляется лишь в некоторых случаях. Например, в предложении *Птица летит* категория падежа оказывается несвободной, связанной — по постановке слова *птица* в именительном падеже регламентирована нормами построения грамматически правильного предложения, а не зависит от воли говорящего. То же самое можно сказать здесь о категориях рода и лица: не меняя структурную формулу предложения, заданный ею состав грамматических классов слов, невозможно варьировать эти категории. Но категории числа, времени, склонения здесь свободны. Только от говорящего зависит, ставить ли слова данного предложения в форме единственного или множественного числа (сказать, например, *Птица летит* или *Птицы летят*), настоящего или какого-либо другого времени (*Птица летит* — *Птица летела* — *Птица будет лететь*) и т. д.

Итак, лексическое и грамматическое декодирование далеко не во всех случаях происходит параллельно. Еще более важным, однако, является то, что разной оказывается сама сущность этих процессов, их связь со структурной основой предложения. Выбор лексики фактически не связан с последней, независим от нее, вернее, зависит лишь в той мере, поскольку задаются классы слов, в пределах которых этот выбор осуществляется. Но какова бы ни была формула предложения, альтернативной оказывается постройка каждого из составляющих лексических элементов. Грамматическое же оформление оказывается тесно связанным со структурной формулой предложения и ею определяется. Нетрудно показать, что разные синтаксические структуры предполагают разное соотношение свободных и связанных категорий и тем самым определяют характер выбора на данном уровне. Так, для рассмотренного выше примера свободными были категории склонения, времени, числа. Рассмотрев другую структуру, например, типа *Светаёт*, убеждаемся, что соотношение свободных и связанных категорий здесь изменилось — к последним отошла категория числа. Для структуры типа *Она летит* (отличающейся от первой характером составляющих ее грамматических классов), напротив, увеличивается число свободных категорий — к ним присоединяется теперь категория рода.

Таким образом, выбор грамматических оформителей не может рассматриваться в одной плоскости с лексическим декодированием, не может быть сведен к простому выбору словоформ. Перед нами особый уровень порождения предложения. При этом, как мы видим, оказывается, что данный уровень

тесно связан со структурой предложения: выбор структуры определяет характер альтернатив, встающих перед говорящим в связи с грамматическим оформлением.

С другой стороны, этот уровень (как и другие уровни выбора) тесно связан также с установкой говорящего на определенную коммуникацию. В самом деле, когда мы говорим о выборе, следует иметь в виду, что возможность такого в принципе существует только с чисто языковой точки зрения. Включение в определенную ситуацию, связанную с конкретным сообщением, делает «выбор» фиктивным, поскольку его результат предопределен данной ситуацией. С этой точки зрения говорящий не более свободен сказать *Птица летит* или *Птицы летят*, чем, например, *Птица летит* и *Камень летит*. И в том, и в другом случае выбор отнюдь не произволен, а обусловлен тем, о чем именно (и в какой ситуации) сообщается. Именно то обстоятельство, что отбор средств определяется потребностями коммуникации, и позволяет нам характеризовать эту сторону деятельности говорящего как целенаправленную и считать ее неотъемлемым свойством предложения как единицы, в которой осуществляется коммуникация.

Следовательно, уровень грамматического оформления, будучи тесно связан со структурой предложения, позволяет в то же время показать последнюю с точки зрения функциональной специфики предложения, то есть как построение, как становление, направленное на коммуникацию. Действительно, при построении каждого предложения оказывается совокупность свободных и связанных категорий. Очевидно, активную роль в процессе развертывания предложения играют только первые. Связанные категории не являются релевантными с точки зрения построения высказывания. Их однозначная автоматическая регламентированность исключает их из сферы целенаправленной деятельности говорящего, строящего предложение. Но выбор свободных категорий всецело определяется намерениями говорящего, и, следовательно, эти категории являются релевантными в процессе коммуникации.

Итак, построение предложения каждый раз сопровождается выбором свободных категорий, оформляющих это предложение. Следовательно, совокупность свободных категорий играет конституирующую роль: это и есть именно те языковые средства, которые являются необходимыми для предложения — необходимыми именно с точки зрения коммуникативной сущности предложения (поскольку выбор свободных категорий обусловлен исключительно потребностями коммуникации).

Но в то же время совокупность свободных категорий есть неотъемлемая принадлежность структуры предложения: каждый структурный тип предложения характеризуется своим особым соотношением свободных и связанных категорий.

Отсюда ясно, что описание процесса порождения синтаксических структур с точки зрения рассмотренного здесь уровня позволяет преодолеть дуализм при описании структурной и функциональной стороны предложения, показать структуру предложения в ее коммуникативной функции. Коммуникативный аспект предложения перестает быть чем-то внешним по отношению к его строению, чем-то проявляющимся либо «до» этого последнего (как «психологическая коммуникация», «соединение представлений» и т. п.), либо «после» него (как актуальное членение). Коммуникативный аспект предложения оказывается проявляющимся в самой его структуре. Это открывает возможность структурной классификации предложений с точки зрения характера их включения в коммуникацию, поскольку последний, проявляясь в совокупности свободных категорий, служит конституирующим признаком синтаксической структуры. При такой классификации самостоятельным структурным типом будет считаться синтаксическая единица, характеризуемая определенной совокупностью свободных категорий. Таким образом, изложенное выше понимание предложения как процесса, направленного на создание коммуникации, и выяснение связанных с этим конституирующих признаков автоматически приводит к основанию для структурной классификации предложений. В этом еще раз находит выражение достигаемая таким путем органическая связь функциональной и структурной сущности предложения — поскольку нахождение необходимых с функциональной точки зрения признаков одновременно открывает возможность структурного описания.

Рассмотрим некоторые реализации этой возможности. Для этого проанализируем предварительно более подробно понятие свободной и связанной категории. Прежде всего отметим, что очень часто в предложении категории, выбираемые при оформлении одного элемента его структуры, оказываются обязательными по отношению к другим элементам. В нашем примере *Птица летит*, в частности, категория числа, свободная по отношению к существительному, оказывается связанной у глагола. В дальнейшем мы будем считать свободными все те категории, относительно которых в предложении открывается возможность выбора хотя бы при одном из элементов структуры предложения. Действительно, для нас важно установить, участвует ли некоторая категория в построении высказывания или вводится автоматически. Очевидно, чтобы положительно ответить на данный вопрос, достаточно констатировать сам факт выбора, независимо от того, сколько раз этот выбор категории совершенства в предложении. Из этого вытекает, между прочим, что предложения с однородными членами обладают тем же контуром свободных категорий, что и соответствующие неосложненные пред-

ложения, и должны в данной модели, следовательно, рассматриваться как варианты последних³².

Далее, выше было показано, что характеристика тех или иных категорий как связанных или свободных зависит от структурной формулы предложения. Однако существуют и иные причины, определяющие эту характеристику. Например, для предложения типа Сущ. И. п. + Гл. личн., как мы уже видели, категория числа является, вообще говоря, свободной. Но в некоторых случаях реализации данной формулы категория числа может оказаться связанной. Так случится, в частности, если первый элемент нашей формулы будет реализован в слове *pluralia tantum*. Отсутствие у такого слова изменения по числам³³ не дает возможности данной категории выступить в качестве активного фактора в становлении предложения. В данном случае исключение числа из списка свободных категорий обусловлено отнюдь не свойствами синтаксической структуры, а исключительно особенностями слова, выбранного при реализации этой структуры. Аналогичные случаи могут возникнуть и при других категориях. При этом, если в приведенном примере можно говорить о словах *pluralia tantum* как о грамматическом подклассе и, следовательно, оказывается в принципе возможным (хотя и крайне неудобным ввиду получающейся громоздкости описания) проецировать его особенности на формулу предложения (то есть рассматривать как особый тип Сущ. И. *plur. tant.* + Гл. личн.), то в некоторых случаях и такое решение оказывается невозможным ввиду чисто лексических условий реализации той или иной категории. Так, например, появление в той же позиции слов, имеющих дублиеты (типа зал/зала, рельс/рельса), делает свободной категорию рода, которая вообще связана в данном типе предложения.

Поскольку выше уже было показано, что грамматическое оформление не является простым выбором словоформ, а составляет особый уровень порождения, причем уровень более высокий, чем лексическое декодирование, то есть предшествующий последнему (ибо лексическое наполнение предполагает наличие уже готовой структуры, в данном же случае речь идет о поро-

---

³² Такая трактовка данного явления представляется как будто вполне очевидной. Существует, однако, и иное его понимание. Ср., например, описание предложений с однородными членами как «слитных» в логическом синтаксисе (Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка. М., Учпедгиз, 1959) и в некоторых современных работах (Т. П. Ломтев, Основы синтаксиса современного русского языка. М., Учпедгиз, 1958, стр. 133). Предлагаемая модель синтаксического описания не подтверждает данную точку зрения.

³³ К словам *singularia tantum* это обычно не относится, поскольку неизменяемость по числам слов данного разряда в большинстве случаев оказывается мнимой. См. об этом А. А. Зализняк, Русское именное словоизменение. М., «Наука», 1967, стр. 57—58.

дении этой структуры), представляется необходимым рассмотрение состава категорий вне зависимости от возможных вариантов, связанных с реализацией предложения на лексическом уровне. Поэтому все подобные варианты должны рассматриваться как результат нейтрализации существующих между грамматическими инвариантами предложения отношений. При этом в разных случаях можно говорить как о нейтрализации свободных категорий (состоящей в превращении их в связанные), так и о нейтрализации связанных категорий (состоящей, напротив, в превращении их в свободные, как это было в приведенном примере с родовыми дублетами существительного). Действительно, в обоих случаях мы имеем дело с явлениями одинакового порядка. В обоих случаях перед нами ликвидация противопоставления свободных и связанных категорий, которое присуще данному структурному типу, в результате ограничений, накладываемых в связи с требованиями другого уровня. Алгоритмизация всех случаев нейтрализации должна, безусловно, составить одну из сторон данной синтаксической модели. В настоящей работе мы, однако, ограничимся лишь рассмотрением общего вопроса о том, какие изменения функциональной характеристики категорий целесообразно рассматривать как результат нейтрализации, а какие должны быть включены в модель в качестве показателей инвариантности соответствующих структур.

Решение этого вопроса носит до известной степени конвенциональный характер, поскольку в принципе представляется возможным проецирование всех случаев варьирования категориального «контура» предложения (то есть соотношения его свободных и несвободных категорий) на структурную формулу последнего. Можно, например, рассматривать структуру с существительным, имеющим дублетные формы, как инвариант по отношению к структуре с существительным, не имеющим таких форм. Вопрос, следовательно, должен быть решен в соответствии с требованиями удобства описания, то есть в зависимости от того, какая интерпретация оказывается в том или ином случае более целесообразной.

В связи с этим отметим, что подлинно функциональными инвариантами с синтаксической точки зрения оказываются, по видимому, части речи. Это обстоятельство отражено и в современной классификации частей речи, одним из критериев которой оказывается их синтаксическая функция. С другой стороны, различные подклассы слов в пределах одной части речи с этой точки зрения, по занимаемой в высказывании позиции, оказываются тождественными, различаясь лишь строением своих парадигм (одновидовые и двувидовые глаголы, склоняемые и несклоняемые существительные, слова, имеющие две или одну форму числа и т. п.). Поэтому целесообразно, по видимому, считать принадлежностью формулы предложения характеристику

его составляющих в терминах частей речи (например, рассматривать как инварианты типы *Человек идет* и *Он идет*; разумеется, речь идет о классах слов, действительно различающихся функционально, а не о мнимо-различных частях речи вроде собственно прилагательных, местоимений-прилагательных и порядковых числительных). Все же различия, связанные с реализацией того или иного подкласса слов в пределах одной части речи, будем считать следствием нейтрализации. В соответствии с таким подходом мы будем для всех существительных считать категорию числа свободной, а категорию рода — связанной, независимо от конкретной реализации данных категорий у отдельных слов. Аналогично для глаголов будем считать свободной категорию вида во всех случаях (хотя далеко не у всех конкретных глаголов в русском языке, как известно, имеются коррелятивные пары). Для личных местоимений мы будем считать свободной категорию лица — конечно, парадигмы по лицу эти слова, строго говоря, не имеют, и данная категория носит здесь лексико-грамматический характер. Но в предложении значение личных местоимений оказывается параллельно личным формам глагола. Поскольку для последнего категория лица оказывается, разумеется свободной, представляется целесообразным трактовать в аналогичном плане лицо у местоимений.

Трудным является также вопрос о характере категории рода у личных местоимений, поскольку у одних слов этого разряда данная категория свободна, у других — связана. Здесь возможны в принципе два решения. Во-первых, можно считать эту категорию свободной, и в случае со словами *ты, я* признать нейтрализацию, но можно и, наоборот, признать эту категорию связанной, и случай со словом *он* трактовать как нейтрализацию этой связанности. Мы останавливаемся на втором решении, поскольку данный разряд слов функционально близок существительному, у которых категория рода связана.

Следует подчеркнуть, что сказанное здесь о свободном и связанном характере категорий у тех или иных классов слов представляет собой лишь, так сказать, потенциальную свободу и связанность, реализация которой далеко не всегда бывает одинакова в речи. Дело в том, что варианты синтаксической структуры, образующиеся в результате реализации альтернативных возможностей ее грамматического оформления, не являются простым отражением морфологических парадигм, присущих членам этой структуры. Если бы это было так, то выдвигаемый критерий описания страдал бы таким же морфологизмом, как и типология структур на основе составляющих их форм. Именно так представляется дело Д. Уорту, который пишет по этому поводу: «Простейшая синтаксическая парадигма немногим отличается от обычной морфологической парадигмы в определенном синтаксическом положении... Несмотря на тот факт,

что такие парадигмы определяются в терминах синтаксического единства, в котором варьирование происходит, они представляют почти исключительно морфологический интерес»³⁴. Мы полагаем, однако, что грамматическое варьирование предложения, рассматриваемое в предложенном аспекте, получает совершенно иной смысл, чем простое морфологическое изменение его компонентов. Дело в том, что такое варьирование определяется отнюдь не собственными свойствами парадигм классов слов, образующих данное предложение, а структурными свойствами последнего. Например, глаголу как морфологическому классу присуща числовая парадигма. Однако глагол может функционировать в составе предложений как со свободной, так и со связанной категорией числа. Например, в неполном двусоставном предложении *Мне принесли книгу* категория числа свободна. В омонимичном первому неопределенно-личном предложении категория числа оказывается связанной. Как видим, тождественный морфологический (и даже лексический) состав этих двух предложений не мешает им иметь разные функциональные варианты. Происходит это именно потому, что последние определяются характером структуры предложения, то есть имеют чисто синтаксический смысл.

Вернемся, однако, к понятию нейтрализации. Мы рассмотрели выше нейтрализацию функциональных противопоставлений грамматических категорий, связанную с особенностями лексико-грамматических подклассов слов, в которых реализуется формула предложения на следующем этапе его порождения. Эту нейтрализацию можно соответственно назвать лексико-грамматической. Однако существует еще один очень важный вид нейтрализации, существенно влияющий на распределение свободных и связанных категорий уже в пределах самой грамматической формулы предложения. Данное явление связано с неравноправностью самих грамматических категорий с точки зрения их роли в становлении синтаксической структуры. Поэтому среди этих категорий должна быть установлена определенная иерархия.

Существуют категории, свободный или связанный характер которых всецело зависит от структуры предложения, и только от этого. Таковы категории вида, наклонения и числа. Например, категория вида связана (она попросту выключается) во всех безглагольных предложениях и свободна в глагольных — именно тип предложения определяет ее релевантность. Такие категории можно назвать индетерминированными.

---

³⁴ D. S. Worth, The role of transformations in the definitions of syntagmas in Russian and other slavic languages. American contributions to the Fifth International Congress of Slavists, vol. 1. The Hague, 1963, p. 364.

С другой стороны, существуют категории, свободный или связанный характер которых определяется характером развертывания некоторых других категорий. Такова категория падежа. Эта категория бывает свободной в некоторых моделях, например, *Он был солдат — Он был солдатом*. Однако свободной здесь категория падежа оказывается лишь при условии определенного развертывания категории времени — в данном случае при условии, если будет избрана форма прошедшего времени, в противном случае категория падежа окажется связанной (ср. *Он — солдат*)³⁵. Таким же свойством обладает и сама категория времени — ее релевантность зависит от характера развертывания категории наклонения: в случае выбора неизъявительного наклонения (и в инфинитивных предложениях) категория времени автоматически «выключается», оказывается связанной.

Аналогично и категории рода и лица оказываются нередко зависимыми от категории времени. Так, выбор прошедшего времени делает свободной категорию рода (*шел по лесу — шла по лесу*), но связывает категорию лица. Выбор настоящего времени, напротив, делает свободной категорию лица, но связанной — категорию рода (*идет по лесу — иду по лесу*). Такие категории, которые оказываются свободными или связанными только при определенном развертывании некоторых других категорий, можно назвать детерминированными. Естественно, что индетерминированные категории, непосредственно связанные со структурными особенностями предложения, играют первостепенную роль при структурном описании: связанный или свободный характер такой категории отражает глубокие отличия в структуре предложения. Этого нельзя сказать о детерминированных категориях, т. к. их характер не определяется непосредственно структурой предложения. Показательно, что степень связанности со структурой оказывается прямо пропорциональной функциональной нагрузке категорий в процессе коммуникации: индетерминированные категории чаще оказываются свободными, тогда как свобода детерминированных категорий носит вторичный, производный характер. Отметим при этом, что в данной иерархии существуют категории, которые в некоторых случаях оказываются индетерминированными, в других же — детерминированными. Такова категория лица: в предложениях типа *Он!* эта категория индетерминирована, в предложении типа *Иду* — детерминирована, поскольку зависит от категории времени.

---

³⁵ Соотношение форм именительного и творительного предикативного и, в частности, все случаи возможности и невозможности выбора между ними в русском языке подробнейшим образом проанализированы в работе R. Røed, *Zwei Studien über den prädikativen Instrumental im Russischen*. *Avhandlingar utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, Hist.-Filos. Klasse*, Nr. 12, 1966.

Итак, мы установили следующую иерархию грамматических категорий.

индетерминированные	вид, наклонение, число
детерминированные	<div style="text-align: center;"> ↓ время ↙ ↓ ↘ лицо, род, падеж </div>

Категории, определяющие характер соответствующих детерминированных, можно назвать детерминирующими по отношению к последним. Так, категория наклонения, как видно из данной схемы, является детерминирующей по отношению к категории времени; эта последняя, в свою очередь, является детерминирующей по отношению к категориям лица, числа и падежа.

Подчеркнем чисто синтаксический характер данной иерархии. В самом деле, совершенно очевидно, что установленные здесь отношения отнюдь не присущи грамматическим категориям как таковым, а отражают соотношения между ними в предложении.

Итак, можно сказать, что если характер поведения той или иной индетерминированной категории в определенной синтаксической структуре всегда отражает особенности этой структуры, то характер поведения детерминированных категорий не всегда может служить таким показателем. Функциональная значимость детерминированных категорий для определенной структуры может затемняться, стираться благодаря ограничениям, накладываемым в результате влияния индетерминированных категорий. Следовательно, данное явление также может рассматриваться как нейтрализация — на этот раз уже собственно грамматическая³⁶.

Очевидно, классификация синтаксических структур не может осуществляться на основе нейтрализуемых категорий. То обстоятельство, что, например, в предложениях *Он пришел* и *Он пришел бы* имеется различный контур свободных и связанных категорий (в первом случае категория времени свободна, во втором она связана, поскольку второе предложение нельзя варьировать по временным формам, не изменив предварительно наклонения), еще ничего не говорит о структурных особенностях этих предложений и не дает оснований квалифицировать их как функциональные инварианты, поскольку это различие обусловлено нейтрализацией во втором случае категории времени.

³⁶ О грамматической нейтрализации см., например, А. М. Мухин, Функциональные лингвистические единицы и методы структурного анализа языка. ВЯ, 1961, № 1.

Для того чтобы исключить фактор грамматической нейтрализации из описания, будем считать, что если какая-либо детерминированная категория в данной синтаксической структуре оказывается свободной хотя бы при одном из вариантов развертывания соответствующей детерминирующей категории, ее можно рассматривать как свободную для всех вариантов этой структуры — например, в приведенном уже предложении *Он пришел бы* категория времени считается свободной, поскольку при одном из вариантов развертывания в этом предложении детерминирующей по отношению к ней категории наклонения она действительно может оказаться свободной (ср. *Он пришел*).

Иными словами, мы выделяем для детерминированной категории сильную и слабую позиции (то есть позиции, в которых она не подвергается или подвергается нейтрализации), и о характере ее функционирования в данной синтаксической структуре судим по поведению этой категории в сильной позиции.

Итак, с учетом указанных ограничений, связанных с нейтрализацией, мы можем теперь рассмотреть структурные типы предложений современного русского языка с точки зрения образующих их контуров свободных и связанных категорий. Мы будем исходить из того, что структурный синтаксический инвариант конституируется определенным соотношением свободных и связанных категорий.

Надо сказать, что при этом варьирование свободных категорий, присущих определенной структуре, образует совокупность ее вариантов, или парадигму этой структуры, причем каждый инвариант будет, разумеется, отличаться от других строением своей парадигмы. Сама по себе идея построения синтаксических парадигм и классификации синтаксических структур на этой основе уже получила определенную реализацию в языкознании последних лет³⁷. Однако для работ данного направления в целом характерен именно чисто классифицирующий, таксономический подход. Парадигма предложения рассматривается лишь как объект классификации, подобно тому как и при более традиционном подходе в качестве такого объекта выступала каждая структура в отдельности. Между тем необходимо еще раз

---

³⁷ В качестве основных работ, в которых поднимается данный вопрос, могут быть названы следующие: А. М. Мухин, Функциональный анализ синтаксических элементов. На материале древнеанглийского языка. М.—Л., 1964; Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966; Е. А. Седелников, Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений. ИДВШ, Филологические науки, 1961, № 3; Н. Ю. Шведова, Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии). — Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967; D. S. Worth, The role of transformations in the definitions of syntagmas in Russian and other slavic languages. American contributions to the Fifth International Congress of Slavists, vol. 1. The Hague, 1963.

подчеркнуть, что изучение парадигматики предложений должно проводиться в генеративном аспекте. Парадигма должна быть интерпретирована как набор альтернативных решений, возникающих перед говорящим в процессе построения. Только в этом случае, по нашему мнению, рассматриваемый здесь прием типологии может способствовать описанию предложений с точки зрения их функциональных свойств. В противном случае этот прием грозит породить еще одну «морфологизирующую» классификацию, ничем в принципе не отличающуюся от традиционного описания типов предложения по составу образующих его форм (с той лишь разницей, что в этом случае в качестве критерия берется формальный состав парадигмы).

В самом деле, если рассматривать парадигму предложения (подобно структуре отдельного предложения), как нечто сложившееся, «готовое», как данность, различные парадигмы окажутся разобщенными, никак не связанными друг с другом. Их взаимные отношения будут показаны лишь постольку, поскольку будут видны большие или меньшие отличия в структуре (формальном составе) их парадигм, подобно тому как в традиционном синтаксическом описании взаимные отношения разных типов предложений определяются лишь на основе сходства их формального состава (таковы противопоставления односоставных и двусоставных, глагольных и безглагольных, полных и неполных предложений). Кроме того, неясным в этом случае оказывается, какие именно формы образуют парадигму.

Совершенно иной смысл приобретает парадигматика предложений, если мы признаем в качестве конституирующего признака синтаксической парадигмы совокупность категорий, являющихся активными при построении предложения. Во-первых, тем самым разрешается проблема границ парадигмы, поскольку все категории, способные выступать в этой роли, оказываются существенными для построения парадигмы. Во-вторых же — и это главное — синтаксический инвариант, выявляемый на основе его парадигмы, понимается как определенный тип порождения синтаксической структуры, определенный тип языкового поведения говорящего в процессе создания коммуникации. Каждая конституирующая категория оказывается дифференциальным признаком, на основе которого определяется как определенный инвариант, так и характер его соотношения с другими инвариантами. Действительно, совокупность дифференциальных признаков, присущая определенному типу предложения, показывает, какие именно черты его структуры являются существенными, релевантными для говорящего (поскольку требуют от него активного к себе отношения, требуют выбора). Противопоставление инвариантов по тем или иным дифференциальным признакам оказывается функциональным, поскольку показывает

сходства и различия в процессе становления различных синтаксических структур в речи.

Какие же категории оказываются конституирующими для предложения русского языка и должны поэтому лечь в основу нашей классификации? Выше уже было показано, что у нас нет никаких оснований ограничиваться категориями наклонения, времени и лица, поскольку и категории рода, числа, вида и падежа также в ряде случаев оказываются свободными. С другой стороны, категория залога всегда оказывается связанной: ее выбор никогда не бывает свободным и однозначно определяется определенной структурой (можно, конечно, сказать *он умывает и он умывается*, но перед нами окажутся совершенно различные структуры с разными связями, лишь внешне похожие, поэтому нельзя говорить о варьировании залога как о свободном выборе формы в пределах избранной предварительно конструкции). Аналогичные соображения заставляют нас исключить из рассмотрения категорию так называемой субъективной модальности. В противоположность категории залога, она оказывается всегда свободной (варьирование оценки высказывания говорящим возможно, разумеется, во всех случаях). Но именно в силу универсального характера своего функционирования в предложении данная категория также не может служить показателем инвариантных отношений различных синтаксических структур³⁸.

Следовательно, названные нами семь категорий и являются дифференциальными признаками синтаксических структур. Нам предстоит, таким образом, провести описание путем проецирования наблюдаемых типов предложений на общую модель, содержащую семь пар признаков. Теоретически такая модель позволяет провести описание, допускающее 256 различных комбинаций этих признаков. Иными словами, теоретически наша модель предполагает возможность 256 самостоятельных синтаксических типов. Разумеется, реально в языке будет реализована лишь небольшая часть этой общей возможности. Рассмотрим возможность интерпретации данной модели на конкретном материале.

Нами были зафиксированы следующие типы синтаксических структур.

1) Наклонение (Н) — Время (Вр) — Вид (В) — Число (Ч) — Лицо (Л) — Род (Р) — Падеж (П) —³⁹

К этому типу относятся слова-предложения:

Да-с ...

Ни-ни-ни, ни за что!

³⁸ Неясно к тому же, является ли модальность действительно грамматической категорией. Ср. Г. В. Колшанский, К вопросу о содержании языковой категории модальности. ВЯ, 1961, № 1.

³⁹ Знак — обозначает связанную категорию, знак + свободную.

Так-с ...

Ну-с, хорошо-с ...

То-то ...

*Нет-нет!*⁴⁰

Нерасчлененность этих предложений, их особый характер в ряду синтаксических структур широко известны. В данном случае особое положение этого типа предложений нашло выражение в том, что в их образовании не участвует ни одна свободная категория. Никакие дифференциальные признаки, таким образом, не характеризуют данный тип. Это неудивительно — поскольку слова-предложения фактически не имеют своей синтаксической структуры, представляется вполне естественным, что последняя оказалась полностью нерелевантной для говорящих.

2) Н + В_р — В — Ч — Л — Р — П —

К этому типу относятся немногие фразеологизированные структуры, например *Дай-то бог!*

3) Н — В_р — В + Ч — Л — Р — П —

Это — инфинитивные предложения:

Поклониться или нет?

Ну, идти или нет?

4) Н — В_р — В — Ч + Л — Р — П —. К данному типу относятся так называемые вокативные предложения и «именительный представления».

Яков Петрович!

Милостивый государь мой!

*Лес ...

5) Н + В_р + В — Ч — Л — Р — П —

Оно вот что!

Ну вот и все хорошо.

Это бы еще все ничего.

Здесь холодно, Яков Петрович.

Но было решительно невозможно.

Сумнительно-с ...

*(Некто) в пути.

На первый взгляд, здесь объединена довольно пестрая группа предложений — мы видим здесь и двусоставные предложения (с неизменяемыми местоимениями в роли подлежащего), и безличные односоставные предложения. Однако и здесь оказывается, что такое объединение не случайно, а отражает опре-

⁴⁰ Примеры взяты в основном из романа Ф. М. Достоевского «Двойник». Иные источники оговариваются особо в тексте. Сконструированные в некоторых случаях нами примеры отмечены звездочкой.

деленные функциональные связи между этими типами предложений. В самом деле, исследователями уже отмечалось, что «безличность», «неопределенно-личный» характер и т. д. — это понятия функциональные, и поэтому они могут быть присущи не только односоставным, но и двусоставным предложениям. Это обстоятельство отражает данная классификация — здесь объединены все предложения с невыраженным деятелем. Глубокое родство таких предложений ясно проступает в следующем примере: *«Все молчало, все выжидало; немного поближе завздыхало; немного подальше захохотало»*. Согласно традиционной классификации, здесь перед нами разные типы предложений — односоставные и двусоставные; однако их функциональное сходство бросается в глаза. Это обстоятельство и отражается в предлагаемой здесь классификации.

6) Н — Vr — В + Ч + Л — Р — П —. Это обобщенно-личные предложения.

Встанешь бывало поутру и словно с горы на салазках покатишься ... (Тургенев)

7) Н + Vr + В + Ч — Л — Р — П —

Разубедить его в чем-нибудь трудно, спорить с ним невозможно. (Чехов)

Как видим, данная модель дает четкий формальный критерий отграничения собственно инфинитивных предложений от двусоставных с инфинитивом в роли подлежащего, представленных в настоящем типе — эти структуры различаются набором свободных категорий.

К этому же типу относится еще большая группа различных предложений с невыраженным деятелем.

Оно случилось действительно так.

Так уж случилось.

Кажется, не замечает никто.

Видят ли его?

И сапоги принесли.

Данные предложения непосредственно соотнесены с безглагольными предложениями с невыраженным деятелем (тип 5), и о них может быть сказано все то же, что было сказано о типе 5.

8) Н + Vr + В — Ч — Л — Р — П +

У нас пословица есть, — сказал он переводчику, — собака кормит ишака мясом, а ишак собаку сеном, — оба голодные остались. (Л. Толстой)

*(Некто) был солдат.

9) Н + Вр + В — Ч + Л — Р — П —. Здесь — номинативные предложения.

*Хороший чиновник!
Ну, а карета?
А письмо-то, письмо...
Нет, не обман! Не иллюзия!
Эх, право, комиссия.*

Таким образом, формализуется также отличие номинативных предложений от вокативных и именительного представления (тип 4).

10) Н + Вр + В + Ч + Л — Р — П —

*Тут господин Голядкин загнулся.
Петрушка молчал.
Нагрубил лишь конторщик.
Извозчик ушел, ворча себе под нос.
И карета приехала.*

Это обычные двусоставные предложения с существительным в роли подлежащего и с простым глагольным сказуемым.

11) Н + Вр + В — Ч + Л + Р — П —

*Он!
Нет, мой друг, я сейчас.
Яков Петрович, вы здесь?
А я в своем праве...
Я ничего-с...*

Здесь объединены двусоставные предложения с личным местоимением в роли подлежащего и с безглагольным сказуемым.

Интересно, что в эту же группу попали номинативные предложения, где в роли главного члена — личное местоимение. Повидимому, причиной этого является бытийный характер всех предложений данного типа: ведь и в предложениях с безглагольным сказуемым утверждается лишь наличие или отсутствие определенного признака. Таким образом, и в этом случае предлагаемая классификация позволяет обнаружить глубинные функциональные связи между типами предложений, обычно далеко разобщенными.

12) Н + Вр + В — Ч + Л — Р — П +

*Минута была торжественная.
Действительно, положение было ужасное!
Ни жив ни мертв был господин Голядкин.*

Этот тип непосредственно соотносится с типом 8.

13) Н + Вр + В + Ч + Л — Р + П —

* Первый показался из-за угла.

Интересно, что данный тип по характеру дифференциальных признаков резко отличается от внешне тождественной структуры, в которой, однако, прилагательное (причастие, порядковое числительное) в роли подлежащего имеет обобщенное значение:

Печальное нам смешно, смешное грустно. (Лермонтов)
Нищие, голодные, больные ее занимали. (Тургенев)

Формула этой структуры с точки зрения настоящей модели совершенно иная: $N + Vr + V \pm Ч - Л - Р - П -$. Иными словами, эта структура соотносится с безличными и неопределенно-личными предложениями (типы 5, 7). Нетрудно увидеть глубокое сходство в значении этой структуры с типами 5, 7 и в то же время отличие от типа 13. Эти интуитивно ощущаемые нами соотношения, идущие в разрез с поверхностным тождеством формального состава, получают формальное выражение в предлагаемом описании.

14) $N + Vr + V + Ч + Л + Р - П -$.

Проснулся он уже поздно.
Сам он весь дрожал.
Вы, кажется, ошибаетесь.
Вы говорите ...

Как видим, эта группа предложений чрезвычайно близка к типу 10 — здесь также двусоставные предложения с глагольным сказуемым, но с личным местоимением в роли подлежащего. Однако имеется и различие между двумя названными типами. Это различие проявляется в характере отношений между главными членами: в данном случае имеет место согласование в лице (оба члена изменяются по лицам, но форма зависимого определяется формой господствующего); в другом же случае имеет место иной тип отношений (господствующий член не изменяется по лицам, но требует постановки зависимого в определенной форме), более сходный с управлением, как это уже отмечалось в литературе.⁴¹ Это важное функциональное различие находит отражение в классификации.

15) $N + Vr + V - Ч + Л + Р - П +$

Я, признаться сказать, не охотник до чаю. (Гоголь)

16) $N + Vr + V + Ч + Л + Р + П -$

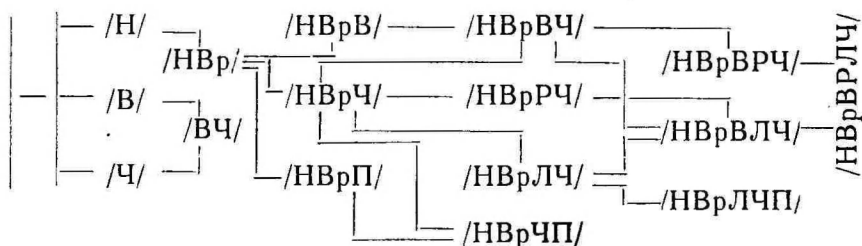
Понимаешь?
Чего смеешься, болван?
Слушаю.
Сидит, а!

⁴¹ С. И. Сятковский, К вопросу о грамматических категориях. НДВШ, Филологические науки, 1966, № 1, стр. 7.

В эту группу попали так называемые определенно-личные предложения и бесподлежащие с простым глагольным сказуемым. Функциональная однородность, полный параллелизм построения этих типов несомненны, что и отражается в факте их объединения в одном инварианте в нашей модели. Вместе с тем предложения данного типа оказываются глубоко отличны как от безличных, совпадающих с ними по морфологическому составу, так и от соответствующих «полных» двусоставных.

Мы видим, следовательно, что предложенная модель дает возможность решить вопрос об инвариантности тех или иных структур исходя из их функциональных отношений. Далее, важной стороной данного описания следует признать то, что с его помощью оказались вскрыты некоторые глубокие различия между внешне подобными структурами и, напротив, было установлено сходство, параллелизм ряда предложений, обычно далеко разобщаемых.

Важным свойством данной модели описания является также представление всех синтаксических инвариантов не изолированно, а в виде единого поля, в связях и противопоставлениях их дифференциальных признаков. Мы получаем возможность рассматривать различные структуры не просто как разные единицы, а как стороны единого в своей основе процесса порождения. При этом оказывается возможным выделить непосредственные функциональные корреляты (противопоставленные лишь по одному дифференциальному признаку), и вообще установить меру функциональной близости всех структурных инвариантов. В частности, система отношений рассмотренных нами инвариантов может быть представлена в виде следующей схемы:

Здесь формула каждого инварианта записана в виде совокупности его свободных категорий. Инварианты, непосредственно соединенные линией, являются коррелятами в синтаксической системе. Степень функциональной близости (с точки зрения процесса порождения) структур будет, по-видимому, обратно пропорциональна числу соединяющих их линий — чем дальше стоят друг от друга две какие-нибудь структуры, тем большее

число линий лежит между ними (каждая линия соответствует противопоставлению по одному дифференциальному признаку).

Отметим, наконец, что соотношения инвариантов в данной модели обусловлены не их способностью к взаимной замене, взаимному переходу друг в друга, а внутренними чертами процесса порождения каждой структурной единицы. В этом отличие данного описания от трансформационной модели. Если трансформационный анализ иногда сравнивают со словообразованием, то в данном случае перед нами на синтаксическом уровне выступает аналог словоизменения: основанием для типологии предложений (так же как и слов при словоизменении) оказывается способ их включения в живую речь.

Разумеется, предлагаемое описание носит предварительный и потому достаточно приблизительный характер. Прежде всего, далеко не все структуры, встречающиеся в языке, были здесь рассмотрены — в особенности это относится к структурам разговорной речи. Далее, неясно, в какой степени на соотношении свободных и связанных категорий влияет развертывание, деривация предложения (поскольку здесь речь шла только о ядре предложения). Очевидно, существуют виды деривации, расширяющие свободу выбора (например, слабое управление, делающее свободной категорию падежа), и такие, которые не обладают этим свойством (например, введение атрибутивных распространений). Возможно, между прочим, что такой подход может стать критерием членения предложения, выделения второстепенных членов.

Но, по-видимому, в целом оказывается возможным такой принцип синтаксического описания, при котором функциональная природа предложения раскрывается через определенные черты его структуры, а структурный анализ, в свою очередь, основывается на характере функционирования. Такой подход позволяет показать предложение в единстве его функциональных и структурных аспектов, вывести типологию предложений непосредственно из характера их конституирующих признаков, установить классификационную модель, учитывающую как форму, так и коммуникативную направленность предложения, в результате чего оказывается возможным учесть целый ряд функциональных связей, не выраженных явно при традиционной классификации.

Это становится возможным на основе представления предложения как процесса, который состоит в целенаправленном выборе (в соответствии с потребностями коммуникации) некоторых из возможностей, предоставляемых говорящему языком.

О ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКАХ СЛАБОУПРАВЛЯЕМЫХ ФОРМ

М. Д. Лесник

Вопрос о синтаксических связях слов в словосочетаниях глагольного типа до сих пор вызывает оживленные дискуссии. Многие авторы в разновидностях отношений между глаголом и падежной формой, кроме управления сильного и слабого типа, различают и падежное примыкание¹. Неоднократно отмечались основные признаки сильного типа управления. Сильный тип управления характеризуется обязательной сочетаемостью глагола с определенной падежной формой. При сильном управлении можно наблюдать императивную зависимость формы (косвенного падежа или предложно-падежного сочетания) от лексического содержания глагола или от его морфологической структуры: наличия приставки или суффикса -ся (при взаимно-возвратном значении этого суффикса). Несмотря на то, что глаголы сильного управления могут быть представлены словарно, словосочетания с сильным управлением имеют яркие грамматические приметы, им соответствуют четкие языковые модели, конструкции, в которых падежные формы неизбежно предопределяются употреблением данного глагола (*хвататься за кого-что; окунать во что; интересоваться чем; наступить на что* и т. п.).

Таким образом, структура словосочетания при сильном типе управления прочно закреплена в языке и имеет четкие формальные признаки (образование словосочетания по заданной схеме).

Слабый тип управления не обладает такой ярко выраженной характеристикой, при слабом управлении вместо обязательной находим потенциальную сочетаемость глагола с падежной формой. При слабом управлении употребление зависимого слова также вызывается лексическим значением глагола. Лексическому содержанию тех или иных глаголов оказываются свойственны определенные уточнители действия. Так, например, глаголам движения некротной группы (*идти, лететь, бежать, плыть*

¹ См. в «Основах построения описательной грамматики современного русского литературного языка» (М., 1966) термин *именное примыкание*. *Именное примыкание* можно понимать как примыкание к имени по аналогии: *именное управление* — зависимость от имени, поэтому пользуемся термином *падежное примыкание*.

и т. д.) присуща пространственная характеристика, уточняющая направление (начальный, конечный, промежуточный пункты движения): *лететь с юга на север, ехать из Ленинграда в Ташкент через Москву*. Следовательно, для глаголов данной группы указанные формы будут управляемыми. Если обратиться к глаголам другого семантического разряда, например, к глаголам, обозначающим речевую деятельность человека (*говорить, кричать, шептать* и т. п.), то мы увидим, что сочетания, указывающие на пространственную направленность, хотя и возможны, но не характерны для них, не вытекают из их семантики (ср. *говорить в микрофон, кричать из комнаты*).

Компоненты структур первого типа (*идти в город*), как мы уже сказали, находятся в синтаксической связи управления. Здесь действуют отношения лексического господства глагола над подчиненной формой существительного. Однако осознание зависимости падежной формы от лексического содержания глагола может быть чрезвычайно субъективным, т. к. оно основано только на логической интуиции исследования. И если указание на направленность движения при некротных глаголах вряд ли может пониматься иначе, чем раскрытие их основного смыслового содержания, то для словосочетаний типа *ехать по дороге, плавать в реке* вопрос о взаимоотношении глагола и падежной формы становится более спорным. Лексическая зависимость данных форм должна быть подтверждена грамматическими факторами, и только в этом случае можно с полной определенностью утверждать наличие синтаксической связи управления в приведенных выше конструкциях. Необходимо выявить модели, существующие в языке для конструкций с потенциальной сочетаемостью и, следовательно, тем самым выяснить формальные признаки слабого управления для различных семантических групп глаголов.

Если можно будет доказать, опираясь на факты языка, а не на собственную интуицию, что определенные формы имени характерны для раскрытия семантического содержания именно этого глагола (при потенциальной, необязательной сочетаемости), то вопрос о существовании грамматических признаков слабого управления будет принципиально разрешен.

В последнее время появился целый ряд работ, в которых рассматривается проблема определения семантических классов слов с помощью выявления их синтаксической сочетаемости².

² Ю. Д. Апресян, Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967; Л. Я. Холмова, Опыт разграничения значения глагола на основе формальных критериев. Казахская межвузовская конференция по вопросам методики преподавания и теории иностранных языков. Тезисы докладов. Алма-Ата, 1966; Н. Н. Джуматова, Опыт определения класса глаголов движения. Краткое содержание докладов на X научно-методической конференции северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Ленинград, 1967, и др.

Постановка такой проблемы предполагает, что общие по семантике классы слов обладают своей характерной валентностью. Лексические и синтаксические признаки слов соответствуют друг другу. При выделении общих семантических групп слов по признаку валентности используются методы дистрибутивного и трансформационного анализа.

Исследования такого рода представляют большой интерес и для рассматриваемой нами темы. Если семантическая общность слов получает свое грамматическое отражение в общности характерных для нее синтаксических признаков, то отсюда следует, что формы имени, присущие данной семантической группе глаголов, находятся в непосредственной зависимости от лексического содержания глагола и, следовательно, являются управляемыми формами. Если (что для нас и составляет особую важность) эти формы связаны с глаголами потенциальной, необязательной сочетаемостью, они образуют синтаксическую связь слабого управления.

Итак, установление потенциальных моделей сочетания данного глагола с падежными формами будем считать одним из возможных способов определения формальных, грамматических признаков для слабого типа управления.

Рассмотрим синтаксические способности бесприставочных глаголов движения. Дистрибутивно-трансформационный анализ глаголов движения, представленный в указанной работе Н. Н. Джуматовой, показывает, что «характерным синтаксическим признаком глаголов движения (движение понимается в данном случае как передвижение предметов по поверхности) является сочетаемость глаголов с конструкцией *по + дат. падеж в пространственном значении*».

Овчарки *мчались по зеленой траве*, как нацеленные торпеды *мчатся по волнам* к черному борту корабля; Я немало *ездил по земле*; Пусть моя арба *катится по моей дороге*; Северный ветер *гнал* отрывистые тучи *по голубым сводам неба*; По аллеям сада *бегала* маленькая собачонка.

Ср.: По тракту бесконечный поток обозов *не прекращался* день и ночь.

Здесь *по тракту* не может войти в словосочетание с *не прекращался* (не глагол движения), а относится к существительному *поток*, также обозначающему непрерывное движение.

Сочетаемость глаголов движения с формой *по + дат. падеж (в пространственном значении)* отличает эти глаголы от всех других глаголов и является характерным признаком и для кратных, и для некратных глаголов движения. Следовательно, эта форма входит в модель словосочетания с глаголом движения.

Некратные глаголы движения обладают дополнительными синтаксическими признаками — сочетаемостью с формами, поясняющими, откуда, куда, через какой промежуточный пункт происходит движение. Эти глаголы являются основными в словосочетаниях, выражающих пространственные отношения. Для

словосочетаний с некротными глаголами движения можно считать типичными следующие падежные формы: *из, из-за, из-под, с, от + род. п.* (для исходной точки движения); *через, сквозь, за + вин. п., мимо, вдоль + род. п.* (для промежуточной); *в, на, под + вин. п., до + род. п., к + дат. п.* (для конечной).

Из-за вокзала медленно, точно на параде, *плывут* самолеты; И в час урочный молчаливо *из-под камней ползет* змея; Четыре человека медленно-медленно *тащили* лодку *с берега в море*; И вдруг охватила его тоска: почему он должен *бежать от родимых мест*, куда рвался всей душой; Повозки *неслись* вскачь *через мост* по три в ряд; Чуть по росе приметной след *ведет за дальние курганы*; Мы *шли* по длинной прямой улице *мимо базара*; Уж солнце *к западу идет*, и больше в воздухе прохлады.

Поскольку указанные формы присущи словосочетаниям с некротными глаголами движения, их следует также признать модельобразующими в сочетании с этими глаголами.

Однако данные словосочетания (как и указанные выше конструкции *по + дат. п.* с любыми глаголами движения) не дают единой, строго установленной модели сочетания, что наблюдается при сильном типе управления.

Указание на направление движения может быть выражено различными предложно-падежными конструкциями, которые варьируются в зависимости от значения существительного (*ехать в лес, ехать на мост; лететь из города, лететь с севера*), от указания на начальный, конечный или промежуточный пункт движения (*ехать из лесу, ехать в город, ехать через речку*) или от указания на направление движения (*ехать в гору, ехать с горы*). Модель такой конструкции является принадлежностью языка, в речевой практике говорящих она только реализуется. Такая модель подвижна в определенных границах, чем существенно отличается от модели сочетаний с сильноуправляемыми формами.

При анализируемых глаголах необязательно заполнение полной модели возможных сочетаний, т. е. отсутствует необходимость в воспроизведении всех возможных форм, характерных при глаголах движения, что также свидетельствует о наличии слабого типа управления. Возможность абсолютного употребления глаголов движения также подтверждает синтаксическую связь слабого управления в рассматриваемых структурах.

Летели истребители, *штурмовики, бомбардировщики*, с красными звездами на крыльях; Кольцо *катится* и звенит, жених дрожит, бледнеет; Однажды с марса *закричал* матрос: «Большая рыба *идет!*»

Таким образом, можно считать установленным, что глаголы движения имеют не обязательную, а потенциальную сочетаемость с рассматриваемыми формами, образуют словосочетания по возможному, но не закрепленному моделям языка. В таких моделях наличествуют синтаксические связи слабого типа управления.

Кроме потенциальной сочетаемости падежных форм с глаголами, существует их факультативная³, т. е. в данном случае не предусмотренная семантикой или морфологической структурой глагола, сочетаемость. Падежная форма употребляется только по желанию говорящего, в зависимости от его коммуникативных потребностей. В словосочетаниях *говорить в микрофон*, *кричать из комнаты* находим факультативную сочетаемость глагола с формой имени. Структуры такого типа возникают не по существующим в языке моделям, они обусловлены речевой ситуацией. Синтаксическую связь, возникающую между словами в подобных сочетаниях, относим к падежному примыканию⁴.

С глаголами движения могут сочетаться и другие падежные формы, как, напр.: *в, на + предл. п.*; *за, под, над, перед + творит. п.*; *у + род. п.* в пространственном значении.

Высоко *летят над садом* облака из края в край; *Над дворами на небе* плыла уже луна; *Корабль плыл перед горами*, покрытыми тополями, виноградником, лаврами и кипарисами; *Летят* перелетные птицы *в осенней дали голубой*; *Плавали в Волге* огромные рыбыны; (Смазчик) *лазил под вагонами* и стучал молотком по колесам.

Подобные падежные формы (в чем убеждает дистрибутивный анализ, проделанный в названной выше статье Н. Н. Джуматовой) не определяют глаголов движения и, следовательно, не входят в грамматические признаки глаголов данной семантической группы⁵. Эти формы указывают на место, где происходит действие, и в этом своем значении могут присоединяться к любому полнознаменательному глаголу.

Не только любое действие, но и предмет могут быть пространственно ориентированы, действие может совершаться или предмет помещаться в определенном месте.

Однако следует отметить некоторую неоднородность при обозначении пространственных отношений, выражаемых предложным падежом, с одной стороны, и формами творит. и род. п. (с предлогами), — с другой.

Сочетания *в, на + предл. п.* в основном (в подавляющем большинстве случаев) выражают пространственные отношения. Безусловно, вторичными для этих форм являются объектные (*уважать в войне храбрость*, *основываться на фактах*), определительно-обстоятельственные (*ответить в смущении*, *говорить на французском языке*) и другие непространственные значения,

³ О терминах *обязательная, потенциальная, факультативная сочетаемость* см.: В. Г. Адмони, Завершенность конструкции как явление синтаксической формы. Вопросы языкознания, 1958, № 1.

⁴ О формальных признаках падежного примыкания см. в статье М. Д. Лесник, К вопросу о примыкании и падежном примыкании. Вестник ЛГУ. № 8. История, язык, литература. 1967, вып. 2.

⁵ По всей вероятности, эти формы будут характерны для семантики глаголов, обозначающих положение в пространстве (*сидеть, стоять, лежать, висеть* и т. п.)

которые обуславливаются, главным образом, лексическим значением имени существительного (ср.: *уважать кого-либо в своем доме, говорить на площади*).

Сочетания *в, на + предл. п.* существительного, имеющего конкретное, предметное значение, воспринимаются как название места, пространства, где находится какой-либо предмет или совершается действие, независимо от семантики главного слова (*озеро в лесу, работает в городе; сон в лесу, писать в лесу*).

Мы не можем согласиться с утверждениями З. Д. Поповой⁶, которая полагает, что форма *в + предл. п.* получает свое значение первоначально в сочетании с глаголами пребывания. З. Д. Попова пишет: падежная форма получает «прямое синтаксическое значение в составе словосочетания с глаголом, если глагол и существительное имеют общие семантические черты». И далее: «Часто обретают самостоятельные функции падежные формы, которые получили прямое значение в словосочетаниях с глаголами пребывания». «В сочетаниях *быть в лесу, жить в городе, находиться в помещении в + предл. п.* означает место пребывания внутри названного объекта. Это прямое значение настолько четко, что падежная форма как бы вбирает в себя и значение глагола бытия: *закусывали в лесу*, т. е. закусывали, находясь, будучи в лесу; *встретились в городе*, т. е. встретились, находясь, будучи в городе».

Нам представляется, что местное (локативное) значение сочетаний *в + предл. п.* и *на + предл. п.* возникает вне связи с глаголами пребывания, присуще этим формам искони⁷ и, действительно, выступает очень четко и в современном русском языке. Поэтому нам кажется неверным, что в сочетаниях типа *закусывали в лесу, купались в озере* падежная форма употребляется «в качестве свернутого полупредикативного оборота»⁸. Примысливать здесь якобы подразумеваемый глагол бытия неправомерно. И для современной стадии языка локальность сочетания *в + предл. п.* остается нормой не потому, что это сочетание прошло стадию зависимого употребления при глаголах бытия и вобрало в себя их значение, а потому, что издревле существовала форма имени, указывавшая на место действия или место пребывания лица и предмета независимо от слов, в сочетание с которыми она вступала.

Для рассматриваемых нами бесприставочных глаголов движения эти формы не мотивированы семантикой действия, и потому их нельзя отнести к управляемым формам; поскольку гла-

---

⁶ З. Д. Попова, Синтаксические значения падежной формы. Сборник материалов 2-й научной сессии вузов центрально-черноземной зоны. Лингвистические науки. Воронеж, 1967, стр. 28—29.

⁷ Ср. функцию местн. п. (беспредложного и предложного) в др.-русском языке.

⁸ З. Д. Попова, указ. раб., стр. 29.

голы соединяются с ними в порядке факультативной сочетаемости, их синтаксические связи относятся к падежному примыканию.

Названные выше формы родит. и творит. п. с пространственным значением, как уже отмечалось, также не входят в характеристику, свойственную глаголам движения.

У + род. п. легко входит в сочетания с глаголами самой различной семантики, выражая при этом пространственные отношения.

Наша машина *застряла у моста*; *У театра собралась* толпа народу.

Творит. п. с указанными предлогами тоже не составляет специфики сочетаний с глаголами движения.

Таким образом, выявление семантических групп слов по их валентности может служить одним из способов определения грамматических признаков слабого типа управления.

О ВАРИАТИВНОСТИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

А.-А. К. Рейцак

В последние годы в лингвистической литературе не раз ставился вопрос о вариативности лексических средств языка, в том числе и о вариативности во фразеологии.

1.0. Применительно к лексическим единицам проблема вариативности распадается на два круга вопросов. Первый из них охватывает вопросы, связанные с вариантностью формы, вернее, звуковой оболочки слова, а второй — вопросы, относящиеся к варьированию смыслового содержания слов. В этом кругу выявляются в свою очередь две линии исследования: проблема синонимии и проблема полисемии.

Вопрос о вариантах слова, как нам представляется, решается с наибольшей четкостью в работе Ф. П. Филина «О слове и вариантах слова»¹, выделившего фонематические, акцентологические и формально-грамматические варианты слов и отделившего их от словообразовательных единиц, имеющих один и тот же корень. Точка зрения Ф. П. Филина поддерживается или же проводится рядом авторов². Уместным дополнением к трактовке вопроса о вариантах слов, предложенной Ф. П. Филиным, служит точка зрения В. А. Гречко, согласно которой к вариантам слов следует отнести и так называемые словообразовательные варианты, т. е. однокоренные слова, допускающие на известном этапе развития адекватное, вариантное употребление вследствие соотносительности их суффиксов³ (*пурпуровое — пурпурное, кумачный — кумачовый, смородинный — смородиновый* и т. д.). Таким образом, этими работами внесены принципиальные коррективы в теорию А. И. Смирницкого⁴ и О. С. Ахмановой⁵, согласно которой к морфологическим вариантам относятся и действительно морфологические явления (*арабеск — арабеска, вуаль, -и — ж. р., вуаль, -я — м. р.*), и явления, связанные со словообразованием (*волчиха — волчица, приплата — доплата, получение — получка* и т. д.).

1.1. Проблема лексической синонимии посвящена обширная литература⁶, обогатившаяся особенно за последние годы, однако, как отмечается в хронологически последнем сборнике,

разрабатывающем вопросы синонимии⁷, многочисленные разыскания в области наиболее общих вопросов, таких, как определение синонима и др., не привели ни в советском, ни в зарубежном языкознании к созданию сколько-нибудь цельной теории синонимов.

Все же, как подчеркивает А. П. Евгеньева⁸, в традиционном понимании синонимов как слов, близких или тождественных по значению, наиболее принятой является точка зрения, рассматривающая синонимы как слова, обозначающие одно понятие, но различающиеся оттенками значения или экспрессивными и стилистическими особенностями.

В хорошо аргументированной статье Л. П. Неманежиной⁹ доказывается, что, поскольку синонимии принято считать языковым явлением, то и в качестве ее основы закономерно рассматривать те взаимоотношения между значениями слов, которые обусловлены особенностями слова как явления языка (разница в смысловом содержании слов, обозначающих одно и то же понятие), а не те взаимоотношения, которые обусловлены внеязыковыми причинами (близость и разница самих понятий). Такой подход, как отмечает автор статьи, теоретически решает вопрос о границах синонимического ряда. Для того чтобы найти в значении слова ту его часть, которая соотносится с понятием, нужно выявить основные, существенные свойства, признаки предмета или явления (что в логическом плане и составляет понятие), отраженные в значении соответствующих слов. К сожалению, Л. П. Неманежина не останавливается на вопросе об оттенках значений и различиях в стилистической окраске слов-синонимов. Этот вопрос разработан (и, на наш взгляд, весьма удачно и доказательно) в статье «К семасиологической интерпретации явления синонимии»¹⁰. Автор статьи С. Г. Бережан считает необходимым отказаться от категории *оттенки значения* на том основании, что т. наз. идеографические (или семантические) синонимы в совпадающих лексико-семантических вариантах идентичны с семасиологической точки зрения и отличаются всего лишь эмоционально-экспрессивными оттенками. Следовательно, утверждает автор, они являются по сути дела тоже стилистическими синонимами.

1.2. Дискуссия по вопросам омонимии¹¹, а также лексико-логические работы общего и частного характера свидетельствуют о том, что выделяются два основных подхода к решению вопроса о разграничении полисемии и омонимии (гомогенной).

Первый, т. наз. грамматический подход заключается в отыскании словообразовательных, морфологических и синтаксических дифференциальных признаков, на основе которых производится разграничение полисемичного слова и омонима.

Второй подход отыскивает критерии разграничения полисемии и гомогенной омонимии как семасиологических явлений в

сфере семантики, полагая, что дивергенция словообразовательных рядов, особенности управления и т. п. могут и должны использоваться при разграничении полисемии и омонимии, однако не как основные или решающие признаки, а лишь как дополнительные, как вспомогательные моменты, подтверждающие факты, обнаруженные посредством собственно семантического анализа. Так, Ф. П. Филин отметил, что общим и обязательным признаком полисемантического слова является наличие в нем внутренней формы; утрата же общей внутренней формы ведет к распаду многозначного слова на омонимы.

1.3. Таким образом, по нашему мнению, к настоящему времени в лингвистической литературе уже заложена прочная основа для решения проблем вариативности в области лексики.

2.0. В связи с возросшим за последние два десятилетия интересом к фразеологическим проблемам языковеды не раз ставили и решали вопросы вариативности (в приведенном выше понимании — см. 1.0) в сфере фразеологии.

Общепризнанного определения вариантов фразеологизма пока еще нет. Обычно вариантами фразеологизма признаются все его видоизменения, не нарушающие его смысла и соответствующие языковой норме. Например, у С. Г. Гаврина³¹ на ходим такое определение лексических вариантов фразеологизма: «Устойчивую разновидность фраземы, в которой частично изменен лексический состав без нарушения общего смысла, мы называем вариантом (*встать на какую-нибудь дорожку/путь*)». Однако некоторые исследователи считают вариантами и не устойчивые, а случайные разновидности, т. е. индивидуально-авторские переделки (*держат камень за пазухой/кофтой*). Более правильной представляется точка зрения С. Г. Гаврина, но в то же время нельзя не отметить, что индивидуально-авторские переделки фразеологизмов, укоренившись в употреблении, со временем могут превратиться в устойчивые варианты.

Н. М. Шанский¹⁴ признает вариантами фразеологического оборота его лексико-грамматические разновидности, тождественные по своему значению и степени семантической слитности. По его мнению, варианты одного и того же фразеологического оборота могут отличаться друг от друга отдельными элементами в его лексическом составе и структуре, а также и стилистической окраской (*бросить камень/камнем, гроша ломаного/медного не стоит, что есть/было силы* и т. д.).

Ю. Ю. Авалиани и Л. И. Ройзензон¹⁵ считают, что варианты фразеологической единицы создаются отдельными фонетическими и морфологическими изменениями в ее пределах, а также эллиптированием того или иного компонента.

Наиболее четко вопрос о вариантах фразеологических единиц изложен во введении к «Фразеологическому словарю русского языка»¹⁶. По мнению составителей словаря, во фразеологии

выделяются: 1) формальные варианты, к которым ими относятся все фонетические, морфологические и другие изменения компонентов фразеологизма, в том числе и суффиксальные модификации (*калиф/халиф на час, ничтоже сумняся/сумняшеся*); 2) лексические варианты (*сживать/сгонять со света, падать к ногам/стопам*); 3) смешанные, т. е. формально-лексические варианты (*что есть силы/во всю силу*); 4) квантитативные варианты (*разводить турысы <на колесах>, пройти <сквозь> огонь и воду <и медные трубы>*). Далее составители словаря подчеркивают, что явление вариантности компонентов фразеологизма является особенностью его формы.

Сопоставление воспроизведенной здесь типологии вариантов фразеологических единиц с группировкой типов вариантов слов отчетливо показывает различие в вариативности фраземы и лексемы как единиц разного характера.

2.1. Как отмечается в литературе вопроса¹⁷, исследование синонимии фразеологических единиц проходит, как правило, в плане установления сходства и различий между фразеологической синонимикой и лексической синонимикой. Вполне естественно, что исследователи или попутно, или специально останавливаются и на самом понятии *фразеологический синоним*.

Если по вопросу о фразеологических вариантах мнения ученых расходятся не очень значительно, то иначе обстоит дело в вопросе о фразеологической синонимии.

Так, например, Н. А. Кирсанова¹⁸ считает синонимами фразеологизмы, которые, обозначая одно и то же понятие и являясь стилистически однородными или неоднородными, уточняя, раскрывают, подчеркивают новые признаки, новые стороны и оттенки обозначаемого понятия, причем эти фразеологизмы возникли на основе разных образов. Следовательно, Н. А. Кирсанова выделяет в кругу фразеологических синонимов стилистические синонимы, идеографические синонимы и стилистико-идеографические синонимы. При таком подходе стилистическими синонимами будут *отдать богу душу* и *протянуть ноги*: первый — стилистически нейтральный, второй — разговорно-просторечный; стилистико-идеографическим синонимом по отношению к фраземе *протянуть ноги* окажется фразема *наложить на себя руки*, ибо она характеризуется стилистической окраской книжности и вместе с тем указывает на смерть путем самоубийства. К идеографическим синонимам причисляются, например, фразеологизмы *пасть духом* и *опустить руки*. Оба указывают на подавленное душевное состояние, означают 'потерять бодрость, уверенность, отчаяться'. Второй из них содержит в себе дополнительный смысловой оттенок 'утратить желание делать что-либо'. Фразеологизм *повесить нос* отличается от первого, книжного фразеологизма своей шутивно-фамильярной ок-

раской, со вторым же вступает в отношения стилистико-идеографической синонимичности.

В. Т. Шкляр¹⁹, Т. А. Бертагаев, В. А. Зимин²⁰ при определении фразеологических синонимов также опираются на единство понятий, выделяя, по существу, синонимы идеографические и стилистические. Как и Н. А. Кирсанова, В. Т. Шкляр подчеркивает, что, как правило, в синонимические отношения вступают преимущественно однотипные с грамматической точки зрения фразеологизмы. Вместе с тем, на примере синонимического ряда *набитый дурак, без царя в голове, винтиков не хватает, не все дома, олух царя небесного, точно из-за угла мешком ударенный, мякинная голова, мозги набекрень* с общим значением 'глупый человек' В. Т. Шкляр вполне аргументированно показывает, что в сфере фразеологии оказывается возможной также синонимия фразеологических оборотов, имеющих неодинаковую структуру и принадлежащих к разным грамматическим классам.

М. И. Сидоренко²¹, полемизируя с Т. А. Бертагаевым, В. А. Зиминим, В. Т. Шкляровым, А. М. Бабкиным и др., настаивает на том, что фразеологизмы синонимизируются только тогда, когда одинакова их предметная соотнесенность, под которой он понимает одинаковую лексическую сочетаемость. По мнению М. И. Сидоренко, *как черепаха* и *через час по чайной ложке*, хотя и выражают одно понятие 'очень медленно', не являются синонимами, потому что сочетаются с совершенно различными словами: *как черепаха* идти, ехать, плестись, ползти, *через час по чайной ложке* говорить, давать, выполнять, носить и т. д. Аналогичную точку зрения отстаивают Ю. Д. Апресян²² и некоторые другие авторы. Представляется, что с М. И. Сидоренко, Ю. Д. Апресяном и их единомышленниками нельзя согласиться. Полная взаимозаменяемость двух фразеологизмов означала бы их полную тождественность в семантике, возрастной характеристике, эмоционально-экспрессивной и стилистической окраске. Такая тождественность — показатель дублетности, а дублеты, как известно, чаще всего недолговечны. Действующий в языке принцип экономии влечет за собой расхождение совпавших на определенном синхронном срезе единиц по семантической, стилистической, дистрибутивной или иной линии.

В некоторых уточнениях нуждаются рассуждения М. И. Сидоренко о синонимизации в языке и в речи, которые сами по себе заслуживают внимания. Он утверждает, что *стреляный воробей — тертый калач*, с одной стороны, и *видать виды* — *пройти сквозь огонь и воду*, с другой, в своей исходной форме не могут синонимизироваться, так как в первой паре фразеологизмы по форме совпадают с именным типом словосочетаний, а во второй — с глагольным. Далее М. И. Сидоренко говорит, что когда глагольные компоненты фразеологизмов второй пары

имеют форму прошедшего времени, факт синонимичности между ними очевиден: *стреляный воробей — третий калач — видал виды — прошел огонь и воду*, т. е. синонимизация наблюдается в речи. Здесь необходимо отметить, что оба глагольные фразеологизма употребляются только в формах прошедшего времени (единственного и множественного числа, а также причастия действительного залога). Следовательно, перед нами синонимы, различающиеся по своей сочетаемости и синтаксическим функциям: именные фразеологизмы выполняют функцию только предикативного определения, причем определяемым, по-видимому, чаще всего бывает лицо мужского пола в единственном числе; глагольные же фразеологизмы, выступая в роли предикатива, а также определения в форме причастного оборота, могут характеризовать не только мужчину, но и женщину, притом в единственном и во множественном числе. Таким образом, характеристика фактов синонимизации должна быть дополнена указаниями на синтаксическую сочетаемость, предопределяемую грамматической формой фразеологизмов*.

Авторы «Фразеологического словаря» полагают, что фразеологизмами-синонимами следует считать такие фразеологизмы, которые, во-первых, тождественны по своему лексическому значению, во-вторых, не имеют в своем составе одинаковых компонентов — знаменательных слов, в-третьих, одинаковы по своей лексико-грамматической характеристике и, в-четвертых, не допускают взаимозаменяемости компонентов: *вгонять в гроб* и *сводить в могилу*; *одним миром мазаны*, *два сапога пара*, *одного поля ягода* и т. д.

Нам представляется, что синонимичность фразеологизмов, как и слов, опирается не на тождественность лексического значения, а на тождественность понятийного ядра, входящего в лексическое значение, иначе говоря, в смысловую структуру двух или нескольких фразеологизмов. На наш взгляд, семантика любого фразеологизма, как и слова, складывается из 1) его номинативной функции (денотативного значения), 2) интеллектуального содержания (сигнификативного значения), охватывающего обязательное понятийное содержание, экспрессию и эмоциональную окраску, причем первое из них — обязательно, остальные — факультативны; 3) реляционных свойств²³. К реляционным свойствам принадлежат такие признаки, как сочетаемость, стилистическая тональность, историко-временная характеристика (архаичность, новизна), дистрибуция в формальной структуре языка, а также частотность.

Фразеологические синонимы могут различаться, как нам кажется, лишь в эмоционально-экспрессивной окраске и в реля-

---

* Сам же вопрос о синонимизации в языке и речи нуждается в специальном рассмотрении и решении на основе анализа обширного материала.

ционных свойствах, что, естественно, ведет к некоторому различию в лексическом значении, однако нам представляется неправомерным называть это различие идеографическим.

К вопросу о классификации фразеологических синонимов мы вернемся после рассмотрения вопроса о соотношении фразеологических синонимов и фразеологических вариантов.

2.2. Проблема соотношения фразеологических синонимов и фразеологических вариантов рассматривалась немногими авторами.

Одним из них является Н. М. Шанский²⁴. Он относит к синонимическим фразеологизмам обороты, обозначающие один и тот же предмет объективной действительности, но отличающиеся друг от друга оттенками в семантике, стилистической окраской, сферой употребления или словесными связями (*полон рот, куры не клюют, хоть пруд пруди, с три короба, хоть отбавляй* — 'много'). Далее Н. М. Шанский указывает на наличие в языке фразеологизмов-синонимов, которые содержат в своем лексическом составе общие члены и для которых он предлагает название *дублет* (*задать баню* → *задать перцу, взять под стражу* — *заклечь под стражу, молоть вздор* — *молоть ерунду*). Вместе с тем он подчеркивает, что такие единицы необходимо отграничивать от вариантов фразеологического оборота. Несколько ниже он отмечает, что среди синонимических фразеологизмов особо выделяется группа одноструктурных синонимических фразеологизмов, содержащих в своем лексическом составе одинаковые компоненты (*чесать языком* — *трепать языком, задать лататы* — *задать стрекача*).

Итак, трактовка вопроса Н. М. Шанским не дает четкого представления о соотношении понятий *фразеологический вариант* и *фразеологический синоним*, с одной стороны, и понятий *фразеологический дублет* и *одноструктурный синонимический фразеологизм*, — с другой.

Ю. Ю. Авалиани и Л. И. Ройзензон²⁵ (по-видимому, вслед за Н. М. Шанским) признают синонимами «то, что некоторые называют лексическим вариантом фразеологизма (разрядка авторов. — А. Р.) ... То же самое, вероятно, надо сказать и о многих так называемых стилистических вариантах (разрядка авторов. — А. Р.), включающих в свой состав разные лексемы-синонимы». Это высказывание подкрепляется примерами *зарубить на носу* и *зарубить на лбу; сойти с ума* и *спянуть с ума*. К сожалению, аргументация в пользу выдвинутых положений отсутствует.

Более определенное, хотя, по нашему мнению, не вполне доказательное решение вопроса предлагают составители «Фразеологического словаря». Они полагают, что фразеологические

варианты, главным образом лексические варианты, составляют т. наз. синонимические формы употребления фразеологизма, которые отличаются от фразеологизмов-синонимов, во-первых, тем, что допускают взаимные замены варьирующихся компонентов (не нарушающие тождества лексического значения фразеологизма), которые у фразеологизмов-синонимов исключаются совсем; во-вторых, тем, что для них обязательна структурная однотипность, тогда как совпадение структур фразеологических синонимов может быть случайным. Следовательно, роль *principium divisionis* отводится однотипности-разнотипности структурной организации. Тем самым авторы «Фразеологического словаря», как, впрочем, и некоторые другие исследователи, решают вопрос семантического порядка без привлечения однопорядкового критерия.

2.3. Нам представляется, что авторы изложенных положений не вполне четко разграничивают форму и содержание фразеологизма. Мы относим к форме фразеологизма не только структурную модель (внешнюю форму), но и ее лексическое наполнение (внутреннюю форму). Содержание фразеологизма — это его семантика, его лексическое значение, однако между лексическим значением фразеологизма и лексическим значением слов, наполняющих ту или иную модель, нельзя ставить знака равенства. Лексическое значение фразеологизма — абстракция вторичная, тогда как лексическое значение слов — абстракция первичная. Адекватные вторичные абстракции возможны и от различных первичных абстракций. В то же время сходные первичные абстракции могут дать, на наш взгляд, различные вторичные абстракции.

Далее. Термин *вариант*, как нам кажется, может быть использован лишь применительно к форме фразеологизма, — и к внешней, и к внутренней, — тогда как термин *синоним* — это термин, относящийся к значению²⁶.

Если в свете изложенного рассмотреть фразеологический материал, то окажется, что варианты фразеологических единиц бывают следующих типов:

1) фонетические — *оборотная/обратная сторона медали, переть/прать против рожна* и т. д.;

2) морфологические — *висеть на нитке/ниточке, особь/особая статья* и т. д.;

3) синтаксические — *связать руки кому-л./по рукам кого-л., воды/водой не замутит* и т. д.*;

---

* В отличие от составителей «Фразеологического словаря» мы считаем, что замена одного сравнительного союза, т. е. служебного слова другим не создает лексического «варианта», это — синтаксический вариант: ср. *как/будто/словно/точно банный лист пристал*.

4) лексические — *уплестать/уписывать за обе щеки, гнуть спину/горб* *;

5) смешанные, чаще всего лексико-синтаксические — *усесться на своего конька/ехать на своем коньке, не казать глаз/не показывать носа* **;

Наряду с этими типами вариантов фразеологизмов, существуют еще количественные варианты, т. е. полные и усеченные формы фразеологизмов.

Таким образом, типология вариантов фразеологизмов богаче, чем типология вариантов слова, что предопределяется отдельно-оформленностью структурной модели фразеологизмов. Мы усматриваем некоторую аналогию между лексическими и лексико-синтаксическими вариантами фразеологизмов, с одной стороны, и словообразовательными вариантами слов, о которых пишет В. А. Гречко, — с другой. Между остальными типами вариантов слов и фразеологизмов обнаруживается полный параллелизм. Тем не менее вопрос о соотношении слов-вариантов и слов-синонимов, с одной стороны, и фразем-вариантов и фразем-синонимов, — с другой, решается по-разному.

Принимая предложенную А. П. Евгеньевой²⁷ трактовку понятия *синонимия* как свойства языка, заключающегося не только в возникновении параллельных по функции и значению единиц, но и в сохранении этих единиц на основании разграничений и соотносительности, устанавливающихся между ними по смысловым или стилистическим особенностям или по особенностям употребления, мы предлагаем следующую классификацию фразеологических синонимов (ФС):

1. Денотативные ФС, не различающиеся ни по сигнификативным, ни по реляционным свойствам.

В эту группу входят:

а) тождественные по своему лексическому значению фразеологизмы, у которых совпадение структур факультативно (часть фразеологизмов-синонимов авторов «Фразеологического словаря» типа *вгонять в гроб* и *сводить в могилу; собак гонять* и *грानить мостовую*);

б) тождественные по своему лексическому значению и сходные по структуре фразеологизмы типа *висеть на волоске* и *висеть на ниточке*, т. е. фразеологизмы, по своей форме относящиеся ко всем типам вариантов, если вариативность того или

---

* Мы считаем, что фразеологизмы типа *задать баню/перцу, молоть вздор/ерунду, зарубить на носу/лбу, сойти/спянуть с ума*, которые Н. М. Шанским, Ю. Ю. Аваллани, Л. И. Ройзензоном вариантами не признаются, все же являются таковыми.

** По нашему мнению, фразеологизмы типа *лить/проливать слезы*, признанные в «Фразеологическом словаре» смешанными вариантами, являются фактически морфологическими вариантами.

иною компонента не привела к новым сигнификативным или реляционным оттенкам. Даже варьирующиеся лексические компоненты — тематически близкие слова, синонимы контекстуальные и обычные — не обязательно вносят новый понятийный компонент, как это уже отмечалось выше, а дают адекватную вторичную абстракцию*.

Однако фонетическая вариативность может повлечь за собой иную историко-временную характеристику, а лексическая и лексико-синтаксическая вариативность — стилистические или экспрессивно-эмоциональные различия. Так, в парах *нож острый — нож вострый, одним росчерком пера — одним почерком пера* второй компонент воспринимается как устаревший. В паре *сойти с ума — спятить с ума* первый компонент — стилистически нейтральный, второй же принадлежит к просторечию, а в парах *уложить на месте — убить на месте, вести свою линию — гнуть свою линию* их компоненты различаются экспрессией. Такие варианты входят в следующие группы.

II. Сигнификативные ФС — это разноструктурные и одноструктурные фразеологизмы, которые при общности интеллектуального (понятийного) содержания характеризуются различной экспрессией или эмоциональной окраской, как, например, *бросать на ветер — швырять на ветер; гнуть спину — ломать спину; отойти в вечность — сойти в могилу*.

III. Реляционные ФС — разноструктурные и одноструктурные фразеологизмы с тождественным денотативным и сигнификативным значением, различающиеся по своим реляционным свойствам:

а) по своей стилистической окраске — *сойти с ума* и *спятить с ума, сойти в могилу — сыграть в ящик*;

б) по своей историко-временной характеристике: *переть против рожна — прати против рожна*;

в) по своей лексической сочетаемости — ср. *во весь опор* мчаться, бежать и т. д. — *что есть силы* кричать, налечь на что-л. и т. д.;

г) по синтаксическим функциям, которые частично предопределяются соотносительностью с частями речи, вернее, морфолого-синтаксической организацией фразеологической единицы, — *тертый калач* и *видал виды, у черта на куличках* и *куда Макара телят не гонял*.

В некоторых случаях реляционные ФС могут различаться между собой по нескольким линиям. Так, фраземы *нос не до-*

---

* Термин *дублет* уместен только применительно к этой группе фразеологизмов. Этот подход аналогичен трактовке вопроса в лексикологии, где дублетами считаются не только пара *лиса — лисица*, но и пара *лингвистика — языкознание*.

Дублетами являются также количественные варианты типа *держаться в ежовых <рукавицах>*, *идти на попятную <попятный двор>*.

рос у кого-л. и мелко плавает характеризуются различной стилистической окраской и различной синтаксической сочетаемостью. В то же время у ФС возможно и переплетение сигнификативных (экспрессивных) и реляционных различий: фраземы *без царя в голове* и *мозги набекрень* отличаются друг от друга и экспрессивной окраской (сигнификативное свойство), и стилистической тональностью и синтаксической сочетаемостью (реляционные свойства).

Итак, как это уже подчеркивалось, решение вопроса о соотношении вариантов и синонимов на фразеологическом уровне в корне отличается от решения этого вопроса на лексическом уровне, хотя в самой типологии фразеологических синонимов нет принципиальных отличий от типов лексических синонимов²⁸.

2.4. Наряду с вопросами, относящимися к фразеологической синонимии, на наш взгляд, следовало бы рассмотреть и вопрос о фразеологизмах, связанных гипонимическими отношениями, под которыми нами понимаются отношения частного к общему и наоборот (типа *заснуть вечным сном* 'умереть' — *найти смерть* 'погибнуть'); о фразеологизмах, связанных градационными отношениями, под которыми понимается возрастание интенсивности ведущего признака, входящего в понятийное ядро семантики фразеологизма (типа *защемило сердце* — *сердце разрывается*); о фразеологизмах, связанных фазисными отношениями (типа *прибрать вожжи к рукам* — *держат вожжи в руках* — *выпустить вожжи из рук*) и образующих трехчленные ряды и двухчленные ряды (*схватить за ворот* — *держат за ворот*; *надеть маску* — *сбрасывать маску*), а также о некоторых других.

Однако этот вопрос, несомненно, заслуживает отдельного рассмотрения. Лишь анализ перечисленных здесь типов семантической связи между фразеологизмами, а также установление соотношения этих типов связи с фразеологической синонимией, как мы ее понимаем, может подвести нас к системному описанию фразеологического богатства языка.

3.0. Вопрос о многозначности фразеологизмов — одно из спорных положений фразеологии. В литературе вопроса встречаются полярные точки зрения: одни авторы отрицают многозначность фразеологизмов (А. И. Ефимов, Ю. Р. Гепнер, В. Ф. Рудов), другие придерживаются противоположной точки зрения (Л. Бинович, Г. Я. Дементьева, Б. Г. Айолло, А. М. Финкель и Н. М. Баженов, Х. М. Сайкиев). Так, Н. А. Кирсанова²⁹, отметив, что явление многозначности свойственно не всем видам фразеологических единиц (его нет у фразеологических единиц терминологического характера, а также у пословиц, афоризмов, крылатых слов), указывает, что полисемичность характерна фразеологическим единицам типа сращений и единств (Н. А. Кирсанова пользуется терминологией В. В. Виноградова). Опи-

раясь на материалы «Толкового словаря русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, а также на наблюдения по трилогии Ф. Гладкова, она подчеркивает, что в кругу фразеологизмов существуют многозначные. В качестве примеров она приводит следующие: *показать нос* — 'дразнить кого-нибудь' и 'появиться где-нибудь'; *на ногах* — 'в стоячем положении' и 'не ложась в постель'; *ставить точку над «и»* — 'уточнить что-нибудь без надобности', 'не оставлять ничего недосказанным, подчеркивать самое существенное', 'доводить что-либо до логического конца', *поставить на ноги* — 'вылечить', 'вырастить', 'встревожить, взбудоражить, привести в движение' и др.

В. Н. Телия³⁰ придерживается мнения, согласно которому из-за недостаточной изученности семантической структуры фразеологизмов пока еще невозможно говорить с полной определенностью о наличии или отсутствии многозначности у фразеологических оборотов. Он соглашается с Н. А. Кирсановой в том, что некоторые разряды фразеологизмов моносемичны (типа *холодное оружие*, *вопиющая несправедливость*, *зло берет* и т. д.). Далее он подчеркивает, что отрицание многозначности при наличии в языке производных значений (ср. термин *играть первую скрипку* — фразеологизм *играть первую скрипку*) не снимает проблему, а лишь заменяет ее новой — проблемой омонимичности фразеологизмов. В то же время он говорит, что применительно к приведенному примеру и другим аналогичным случаям неправомерно употреблять термин *омоним*, ибо такие сочетания входят в различные подсистемы языка. Этот термин уместен, по мнению В. Н. Телия, лишь к случаям типа *гнуть спину/шею перед кем-нибудь* — 'раболепствовать, преклоняться' и *гнуть спину/горб* — 'трудиться до изнеможения'.

Прежде чем высказаться по этому вопросу, уместно сослаться на трактовку этого вопроса применительно к лексической полисемии, о которой шла речь в 1.2.

Если обратиться к фразеологизму *ставить точку над «и»* и рассмотреть его толкования, приведенные в словаре Д. Н. Ушакова, то мы увидим, что второе и третье значения соотносятся как частное с общим: 'не оставлять ничего недосказанным' = 'доводить что-либо до логического конца'. Несколько отличается от этого значение, приведенное в словаре Д. Н. Ушакова первым: 'уточнить что-либо без надобности'. (Кстати, Словарь русского языка в четырех томах приводит только два значения — первое и третье Д. Н. Ушакова). При обоих значениях внутренняя форма, как и у всех фразеологизмов, по отношению к которым ставится вопрос о полисемии или омонимии, одинакова, однако оценка, трактовка образа различна: в одном случае *постановка точки над «и»* расценивается как логическое завершение дела, в другом — как нечто ненужное.

Во фразеологизме *поставить на ноги* три значения: 'вылечить', 'воспитывая, довести до самостоятельности', 'взбудоражить, привести в движение'. Внутренняя форма здесь одна, однако ее трактовка различна: подход к образу одинаков в первом и во втором случаях: и человек, нуждающийся в лечении, и человек, доводимый до самостоятельности, рассматриваются как объекты, нуждающиеся в помощи, в поддержке, тогда как в третьем случае объект действия приводится в движение, алармируется. Различна трактовка образа при различных значениях фразеологизма *показать нос*, одинакова — при фразеологизме *на ногах*.

Представляется, что при одноплановой трактовке образа мы имеем дело с полисемией, при разноплановой трактовке — с омонимией фразеологизмов. Что касается производных значений терминологических устойчивых сочетаний, то, на наш взгляд, здесь перед нами факт полисемии, так как мы имеем дело с метафорическим сдвигом, опирающимся на однопорядковое осмысление образа.

* *
*

Изложенные выше точки зрения по вопросу о вариативности в области фразеологии не претендуют на исчерпывающее решение затронутых проблем, но, быть может, окажутся полезными при дальнейшей разработке соответствующей проблематики.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КВАЛИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВАРИАТИВНОСТИ ВО «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ» (Фразеологизмы на букву л)

Цель критического разбора словарной разработки всех 57 фразеологизмов, приводимых под буквой л, — более обширным материалом подкрепить теоретические положения по вопросу о соотношении фразеологических вариантов и фразеологических синонимов, выдвинутые в 2.3 на стр. 101—104.

Прежде чем приступить к разбору, отметим некоторую непоследовательность составителей словаря в квалификации самих варьирующихся фразеологизмов, а также в расположении синонимов и вариантов.

1. В некоторых случаях в словаре не представлены в качестве вариантов фразеологические синонимы, которые явно отно-

сятся к тому или иному типу вариантов: *идти на лад* и *идти на статью*; *по пьяной лавочке* и *с пьяных глаз*; *как на ладони* и *как на ладошке*; *попадать(ся) в лапы* и *попадать(ся) под лапу*; *ни на ленту* и *ни на грош*; *лицо в лицо* и *глаза в глаза*.

2. Подчас явно однотипные варианты квалифицируются по-разному. Так, *не лишнее/лишние* трактуется как формальный вариант, а *легче/полегче на поворотах* — как лексический вариант; *не лезть/лазить за словом в карман* признан формальным вариантом, и *из кожи лезть/вылезать*, *лить/проливать кровь*, *лить/проливать слезы*, *лить/отливать пули* — лексическими вариантами; *хоть заживо/живой в гроб ложись*, *попадать/попасться в лапы* отнесены к лексическим вариантам, тогда как *хоть в петлю лезь/полезай* представлен как формальный вариант.

3. На наш взгляд, необоснованно отнесены к лексическим формальные варианты разных типов*: *лезть в глаза/на глаза* (СВ), *как/будто/словно/точно банный лист пристал* (СВ), *ловить на лету/с лету* (СВ), *лопаться от/с жиру* (СВ), *ломать/ломить шапку* (МВ), *лить/отливать пули* (МВ), *лить/проливать слезы* (МВ), *хоть заживо/живой в гроб ложись* (МВ); *попадать/попасться в лапы* (МВ), *из кожи лезть/вылезать* (МВ), *легче/полегче на поворотах* (МВ).

Анализ соотношения принадлежащих к разным типам вариантов и синонимов показал следующее.

1. Среди денотативных синонимов (ДС) выявляются:

1. Морфологические варианты (МВ), возникшие в результате

а) различий в числе — *в ладу/ладах*, *ловить на слове/словах*, *ломиться в открытую дверь/открытые двери*;

б) различий в залоговой форме — *попадать/попасться в лапы*, *попадать/попасться под лапу*;

в) различий в характеристиках, относящихся к способу действия, — *не лезть/лазить за словом в карман*, *из кожи лезть/вылезать*, *хоть в петлю лезь/полезай*, *лить/отливать пули*, *лить/проливать слезы*, *кровь*, *крокодиловы слезы*, *ломать/ломить шапку*;

г) принадлежности к разным частям речи — *хоть заживо/живой в гроб ложись*;

д) вариативности флексии — *не лишнее/лишние*;

е) наличия-отсутствия префикса — *легче/полегче на поворотах*;

ж) наличия-отсутствия суффикса субъективной оценки или вариативности его формы — *лезть на стену/стенку*, *фиговый листок/листочек*, *как на ладонке/ладошке*.

---

* ФВ — фонетический вариант; МВ — морфологический вариант; СВ — синтаксический вариант; ЛВ — лексический вариант; СМВ — смешанный вариант; КВ — количественный вариант.

2. Синтаксические варианты (СВ), обусловленные
а) употреблением взаимозаменяемых предлогов — *лезть в/на глаза, лопаться от/с жиру, ловить на лету/с лету*;

б) использованием взаимозаменяемых союзов — *как/будто/точно/словно банный лист пристал*.

3. Лексические варианты — *легко/скор на ногу, лед сломан/разбит, лежать на боку/на печи, плохо/близко лежит, лезть в бутылку/пузырь, лизать пятки/ноги, линия подошла/пошла, как осиновый лист дрожит/трясется, от лица/имени, лишаться ума/рассудка, находить/считать не лишним, как лунь седой/белый, не лезет в горло/в рот*.

4. Смешанные варианты (СМВ), представленные лексико-синтаксическими — *ложиться на бумагу/под перо, по пьяной лавочке/с пьяных глаз*.

5. Квантитативные варианты (КВ) — *кровь леденеет <в жилах>, кому <только> не лень, лопни <мои> глаза*.

II. В кругу сигнификативных синонимов (СС) оказываются фраземы, отличающиеся друг от друга своей эмоционально-экспрессивной окраской. Здесь встречаются:

1. ЛВ *из кожи/шкурки лезть, детский/младенческий лепет, темный/дремучий лес, лизать ноги/руки, ломать/играть комедию, хоть лопни/тресни*.

2. КВ *имя <же> им легион, из шкурки/кожи <вон> лезть, как в <темном> лесу, <ни> кровинки в лице нет*.

III. Реляционные синонимы (РС) представлены фраземами, расходящимися:

1. В своей стилистической тональности — *как на ладони/ладошке (МВ), лишаться/решаться ума (ЛВ), лишаться рассудка/терять рассудок (СМВ)*.

2. Своей историко-временной характеристикой — *многая/многие лета (МВ), не под лета/не по годам (СМВ)*.

3. В своей стилистической окраске и возрастной характеристике — *ни на лепту/ни на грош (ЛВ), лечь костями/костями (МВ)*.

IV. К сигнификативно-реляционным (СРС) синонимам можно отнести ЛВ *не лезет в глотку/горло, ЛВ идти/лезть на рожон, ЛВ лезть/переть на рожон*.

* *
*

Произведенный анализ показывает, что соотносительности между определенными типами вариантов и типами синонимов не наблюдается.

Далее можно, по-видимому, предположить, что не все типы вариантов одинаково продуктивны.

К сожалению, сам характер анализируемого материала не позволяет делать никаких заключений относительно различий между РС по линии лексической сочетаемости и частотности. Этот вопрос требует привлечения и анализа более обширного материала по понятийно-тематическим группам фразеологизмов.

Использованная литература

1. Ф. П. Филин, О слове и вариантах слова. — Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963, стр. 128—133.
2. Р. П. Рогожникова, Соотношение вариантов слов, однокоренных слов и синонимов. — Лексическая синонимия. М., 1967, стр. 151—163. Она же, Варианты слов в русском языке. М., 1966.
С. Г. Бережан, О синонимичности однокоренных слов с разной аффиксальной частью. — Лексическая синонимия. М., 1967, стр. 142—151.
В. А. Гречко, Однокоренные синонимы и варианты слова. — Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.—Л., 1966, стр. 118—134.
Г. А. Разумникова, Синонимические отношения непереходных глаголов с производными от них глаголами на -ся. — Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.—Л., 1966, стр. 135—159.
Т. В. Зайцева, Лексикографическая разработка структурно и семантически близких слов. — Проблема толкования слов в филологических словарях. Рига, 1963, стр. 25—29.
3. В. А. Гречко, указ. соч., стр. 134.
4. А. И. Смирницкий, К вопросу о слове. (Проблема «тождества» слова). Труды Института языкознания АН СССР, 1954, т. 4.
5. О. С. Ахманова, Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 192—233.
6. С. Ф. Геккер, Библиография по синонимике русского языка. — Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.—Л., 1966, стр. 197—226.
7. Лексическая синонимия. Сборник статей. М., 1967.
8. А. П. Евгеньева, Проект Словаря синонимов. М., 1964, стр. 8—9.
9. Л. П. Неманежина, Тождество понятия как основа синонимических отношений. — Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.—Л., 1966, стр. 185—196.
10. С. Г. Бережан, К семасиологической интерпретации явления синонимии. — Лексическая синонимия. М., 1967, стр. 43—56.
11. См. Материалы дискуссии по вопросам омонимии. — Лексикографический сборник, вып. IV. М., 1960.
12. См. напр., О. С. Ахманова, Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 104—165, и др.
13. С. Г. Гаврин, О фразеологических связях слов в связи с проблемой развития фразеологического состава русского языка. — Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Тезисы докладов. Вологда, 1965.
14. Н. М. Шанский, Фразеология современного русского языка. М., 1963, стр. 33—35.
15. Ю. Ю. Авалиани, Л. И. Ройзензон, Синонимические отношения слов и фразеологических сочетаний. — Лексическая синонимия. М., 1967, стр. 163—173.
16. Фразеологический словарь русского языка. Составили Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. Под редакцией А. И. Молоткова. М., 1967, стр. 11.

17. См., напр., Е. А. Иванникова, *Синонимические отношения между фразеологическими единицами и словами*. — *Очерки по синонимике современного русского литературного языка*. М.—Л., 1966, стр. 69—70.
18. Н. А. Кирсанова, *О некоторых семантических признаках фразеологических единиц*. (К вопросу о многозначности и синонимике в сфере фразеологии). — *Проблемы фразеологии*. М.—Л., 1964.
19. В. Т. Шкляр, *О фразеологических синонимах в русском языке*. — *Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока*, вып. II. Иркутск, 1962.
20. В. И. Зимин, Т. А. Бертагаев, *О синонимии фразеологических словосочетаний в современном русском языке*. РЯШ, 1960, № 3.
21. М. И. Сидоренко, *К определению фразеологических синонимов*. — *Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе*. Тезисы докладов. Вологда, 1965.
22. Ю. Д. Апресян, *Фразеологические синонимы в современном английском языке (тип глагол + существительное)*. УЗ I МПИИЯ, т. 15, 1957.
23. Л. М. Васильев, *Проблема лексического значения и вопросы синонимии*. — *Лексическая синонимия*. М., 1967, стр. 16—26.
24. Н. М. Шанский, *указ. раб.*, стр. 34—36.
25. Ю. Ю. Авалиани, Л. И. Ройзензон, *указ. раб.*, стр. 167—168.
26. Н. Н. Семенюк, *Некоторые вопросы изучения вариантности*. ВЯ, 1965, № 1, стр. 49.
27. А. П. Евгеньева, *Основные вопросы лексической синонимии*. — *Очерки по синонимике современного русского литературного языка*. М.—Л., 1966, стр. 12.
28. Л. М. Васильев, *указ. раб.*
29. Н. А. Кирсанова, *О некоторых семантических признаках фразеологических единиц*. (К вопросу о многозначности и синонимике в сфере фразеологии). — *Проблемы фразеологии*. М.—Л., «Наука», 1964.
30. В. П. Телия, *Что такое фразеология*. М., «Наука», 1966.

О ПОНЯТИИ ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА

Э. А. Вайгла

Как известно, проблема эмоциональной лексики продолжает оставаться одной из спорных лексикологических (и семасиологических) проблем, несмотря на то, что за последние годы появилось немало работ, в которых в том или ином аспекте рассматривается круг вопросов, имеющих отношение к этой разновидности словарного состава. Неоднократно указывалось на пестроту терминологии¹. Различны принципы и критерии определения эмоциональной лексики, хотя в качестве основы выделения ее во всех случаях выступает как будто одно и то же явление, а именно эмоциональная окрашенность слов². При более же близком рассмотрении выясняется, что понятие *эмоциональная окрашенность* оказывается настолько широким и неопределенным, что позволяет подводить под него весьма неоднородные явления, причем часто без какой бы то ни было теоретической аргументации.

Известно, что эмоциональные моменты в лексике проявляются отнюдь не однообразно, а имеют весьма различные количественные и качественные характеристики. Существуют слова, являющиеся средством выражения эмоций, эмоциональных состояний человека, средством передачи эмоционального отношения к явлениям окружающего мира, их эмоциональной оценки. Есть слова, называющие, обозначающие эмоции, а также их внешние проявления. Слова способны по тем или иным языковым или внеязыковым причинам оказывать эмоциональное воздействие на воспринимающего речь, вызывать в нем самые разнообразные чувства, эмоциональные представления, реакции, ассоциации.

---

¹ Чаще всего для обозначения интересующего нас слоя лексики употребляются термины *эмоциональная*, *эмоционально-экспрессивная*, *экспрессивно-эмоциональная*, а также, иногда с соответствующими изменениями в объеме понятий, *эмоционально-оценочная* или *эмоционально-окрашенная лексика*.

² См., напр., определение эмоциональной лексики в новейшем справочном издании, в Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой, М., 1966, стр. 214.

Решение конкретного вопроса о критериях выделения эмоциональной лексики находится в непосредственной зависимости от того, какое (или какие) из этих разнообразных соотношений эмоционального элемента со словом считается определяющим и выдвигается в качестве основного критерия при очерчивании границ эмоциональной лексики.

Второй важнейший момент, на наш взгляд, заключается в том, что при определении лексики, имеющей отношение к эмоциональности, следует четко различать явления языковые, лексикологические, с одной стороны, и стилистические, — с другой. Но именно это разграничение, как нам кажется, соблюдается далеко не всегда.

В данной работе мы постараемся изложить нашу точку зрения на принципы выделения эмоциональной лексики как своеобразного лексического пласта, т. е. как явления языкового.

Целесообразным представляется проследить, к каким практическим результатам приводит определение границ эмоциональной лексики на основе различных функций языка, связанных с эмоциональными моментами (к вопросу о термине вернемся позже). Иными словами, это вопрос о том, какие из этих функций могут быть основой для выделения эмоциональной лексики как своеобразного лексического пласта, имеющего свою специфику. Связана ли эта специфика с функцией обозначения эмоций, с функцией их выражения или же с функцией эмоционального воздействия?³ Это принципиальный вопрос, и как показывает обзор литературы, решается он далеко не однозначно. Именно различиями в подходе к этой проблеме и порождены разногласия, приводящие в ряде случаев к противоположному решению конкретного вопроса об эмоциональной лексике, а также к смешению лексикологических и стилистических явлений.

1. Иногда к эмоциональной лексике (правда, с определенными оговорками) относят слова, называющие, обозначающие человеческие эмоции, настроения. Это слова типа *печаль, грусть, гнев, отвращение* и т. п.⁴ Многими учеными эта точка зрения подвергнута справедливой критике; в настоящее время она является, можно сказать, изжитой. Действительно, ведь подобные слова являются лишь названиями чувств как логических понятий. Единственное отношение данного типа слов к эмоциям — функция номинативная. Это понятия об эмоциях и представляют собой, следовательно, разновидность абстракт-

³ К тому же эти функции часто перекрещиваются, что создает дополнительные трудности для исследователя.

⁴ См., напр.: Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский, Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. М., Учпедгиз, 1958, стр. 85; В. И. Петровский, О стилистической дифференциации лексики современного русского языка. Изд. Львовского ун-та, 1959, стр. 16; А. М. Финкель и Н. М. Баженов, Курс современного русского литературного языка, изд. 2. Киев, 1965, стр. 84.

ной лексики⁵, из состава которой они могут быть вычленены в особую группу лишь на основе предметно-тематической классификации, как обозначения именно чувств⁶.

2. Более сложным является вопрос о том, может ли эмоциональное воздействие лексических средств на воспринимающего речь служить основой для выделения эмоциональной лексики. В стилистическом плане не вызывает возражений выдвижение этой функции в качестве признака эмоционально окрашенных слов⁷.

Но правомерен вопрос, можно ли эмоциональное воздействие слова считать критерием для выделения эмоциональной лексики как языковой категории, объективно существующей в системе языка, сохраняющей свои отличительные признаки и вне контекста⁸.

Эмоциональное воздействие слова, его способность возбуждать в нас самые разнообразные чувства, эмоциональные ассоциации и т. п. — бесспорный факт. Но эмоциональное воздействие оказывают на читателя и такие стилистические явления, как, например, образность, метафоричность и т. д.⁹ Следовательно, при таком подходе теряет вообще смысл установление границ эмоциональной лексики как объективной языковой категории. Необходимо различать речевые явления и, тем более, факты художественной речи, являющиеся объектом анализа в стилистических исследованиях, и факты лексикологические. Именно в художественной литературе имеет место выражение

---

⁵ Ср. в учебнике А. М. Финкеля и Н. М. Баженова, где слова тита *любовь*, *ненависть* рассматриваются отдельно от абстрактной лексики, в разделе об эмоциональной лексике, хотя и с оговоркой на известную «затушевку» чувств в них. См.: А. М. Финкель и Н. М. Баженов, Курс современного русского литературного языка, изд. 2. Киев, 1965, стр. 81—84.

⁶ См. об этом также: Д. Н. Шмелев, Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, стр. 105—106.

⁷ См., напр., следующее определение эмоциональной лексики как стилистического явления, данное В. П. Мурат, а вслед за ней и А. И. Чижик-Полейко: «Эмоционально-экспрессивная окраска слова связана со способностью слова воздействовать на наши чувства, вызывать у нас те или иные эмоции. Когда мы определяем эмоционально-экспрессивную окраску слова, подразумеваем те чувства, которые данное слово нам передает или в нас возбуждает». (В. П. Мурат, Об основных проблемах стилистики. Изд. МГУ, 1957, стр. 30; А. И. Чижик-Полейко, Стилистика русского языка. Часть 1. Воронеж, 1962, стр. 28).

⁸ См., напр.: А. М. Финкель и Н. М. Баженов, Курс современного русского литературного языка, изд. 2. Киев, 1965, стр. 83, где эмоциональная лексика определена как «слова, которые указывают на какие-либо чувства или должны определенные чувства вызвать».

⁹ См., напр., след. характеристику эпитетов: «Эпитеты являются мощным средством в руках писателя для создания необходимого эмоционального фона повествования; они рассчитаны на определенную реакцию читателя» (И. Р. Гальперин, Очерки по стилистике английского языка. М., 1958, стр. 139).

эмоционального отношения к чему-либо с установкой на возбуждение аналогичной эмоциональной реакции у читателя.

Более или менее ясные, конкретные, поддающиеся определению эмоции возникают обычно в итоге воздействия на слушателя-читателя контекста как определенным образом организованного целого и часто в зависимости от речевой ситуации. «Стилистические созначения и оттенки не всегда поддаются измерению грамматическими единицами слова, словосочетания, предложения. Чаще это категории контекста. В соответствии с названными категориями выделяются контексты, эмоционально или экспрессивно окрашенные, со стилизацией или образным заданием»¹⁰.

Слово же вне контекста, на наш взгляд, способно возбуждать лишь эмоциональные ассоциации, различающиеся от индивида к индивиду, связанные с личными воспоминаниями, вкусами и т. п. и, главное, чаще относящиеся не к слову, а к обозначаемым реалиям. Поэтому, даже если оставить в стороне случаи явно индивидуального употребления слов в эмоциональном значении, все же критерий эмоционального эффекта остается достаточно расплывчатым и неопределенным, позволяющим включить в эмоциональную лексику весьма разные группы слов.

Правда, в языке имеется определенный пласт слов, вызывающих у носителей языка (во всяком случае, у большинства из них) одинаковые эмоции. Вопрос о правомерности включения этих слов в эмоциональную лексику дискутируется в лингвистической литературе. Речь идет о словах, обозначающих явления, обладающие эмоциональной характеристикой, т. е. явления, к которым в обществе по тем или иным (социальным, этическим и др.) причинам установилось положительное или отрицательное отношение. Это такие слова, как *коммунист, марксист; друг, товарищ; смерть, гроб; фашист, белогвардеец* и т. п. (иногда сюда включаются и слова типа *любовь, гнев*)¹¹. Включение подобных слов в эмоциональную лексику мотивируется тем, что этим словам присуща устойчивая, единая, «общенациональная» эмоциональная окраска.

Возникает вопрос, может ли неязыковая реакция как явление психологическое служить критерием для разграничения языковых явлений. Видимо, нет. Ведь в данном случае речь может идти опять же лишь об эмоциональных ассоциациях, от

---

¹⁰ А. И. Чижик-Полейко, Содержание и форма стилистических категорий. — Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1963, стр. 291.

¹¹ И. Р. Гальперин в этой связи предупреждает о возможности смешения эмоционального значения с эмоциональной окрашенностью (И. Р. Гальперин, Очерки по стилистике английского языка. М., 1958, стр. 118—119).

носящихся по сути дела не к слову, а к самому факту действительности.

Во-вторых, этот метод определения эмоциональной лексики, доведенный до логического конца, сводит вопрос к выискиванию слов, обозначающих, грубо говоря, «приятные» и «неприятные» предметы и явления. По всей видимости, с лингвистической точки зрения этот путь нельзя признать правомерным. Более того, границы «общеобязательной» и индивидуальной эмоциональности и при таком подходе неизбежно оказываются по меньшей мере зыбкими¹².

3. С нашей точки зрения представляется возможным при очерчивании границ эмоциональной лексики исходить из основной, коммуникативной функции языка; представляется возможным рассматривать в качестве особого лексического пласта лишь слова, служащие средством выражения эмоционального отношения к окружающему. Это, как нам кажется, единственный верный критерий для выделения эмоциональной лексики. (Не требует доказательств, что подразумеваются только слова с устойчивой эмоциональностью, непременно реализующейся в речи; поэтому эмоциональная лексика не может употребляться в текстах, не имеющих эмоционального задания.) Это, конечно, принцип не новый; большинством авторов эмоциональная лексика определяется именно как слова, посредством которых выражается эмоциональное отношение к явлениям окружающей действительности. Но следует подчеркнуть, что, во-первых, этот принцип должен быть единственным исходным принципом для определения эмоциональной лексики как своеобразного лексического пласта, если мы намерены отграничивать факты лексикологические от стилистических, а также объективные от субъективных, устойчивые эмоциональные моменты от контекстуальных и ассоциативных и т. д. Во-вторых, этот принцип часто не выдерживается при практическом анализе лексики.

С семантической точки зрения эмоциональные слова — это слова, имеющие эмоциональное значение, т. е. слова (или значения слов), несущие информацию об эмоциональном отношении говорящего к тем или иным явлениям (*милый, дорогой; гнусный, скверный; плакса, бедняга; мямлить* и т. п.). Выражаемая посредством эмоционального слова эмоциональная инфор-

---

¹² С этой точки зрения эмоциональным окажется, например, слово *космонавт*, так как у большинства носителей языка оно, бесспорно, вызывает сходные эмоции гордости, восхищения и т. п. А как быть со словом *спутник*? Или такие слова, как *мать, отец, сын, дочь*? Ясно, что список таких слов может быть продолжен. Например, И. Р. Гальперин отмечает эмоциональную окрашенность у слова *хоте* (*дом, родина, семья, очаг* и т. д.), «возникающую в связи с ассоциациями, вызываемыми самим понятием» (И. Р. Гальперин, *Очерки по стилистике английского языка*. М., 1958, стр. 119).

мация воспринимается и адекватно осознается слушателем. «К эмоциональной лексике может быть причислено лишь такое слово, эмоциональное содержание которого объективизировано в языке, то есть существует для других людей и лишь тем самым существует и для говорящего»¹³.

С лексикологической точки зрения в принципе не имеет значения, возбуждаются ли какие-либо чувства в слушателе-читателе; важно то, что воспринимается информация о выражаемом эмоциональном отношении говорящего к тому или иному предмету, явлению. Поэтому трудно согласиться с теми авторами, которые безоговорочно объединяют эти два принципа¹⁴. Ведь эмоциональная оценка явления, выражаемая кем-либо, и чувство, которое соответствующее слово в слушателе возбуждает, — явления, далеко не всегда совпадающие¹⁵. Например, нет сомнения, что слова *молодец*, *доченька*, с одной стороны, и *негодяй*, *книжонка*, — с другой, выражают соответственно положительное или отрицательное эмоциональное отношение к названному. Но вряд ли они всегда вызывают «соответствующее чувство» у слушателя или читателя.

Поэтому, если функция эмоционального воздействия лексических средств на слушателя может иметь решающее значение при определении эмоциональности слов в стилистическом плане, то в плане лексикологическом эта функция является вторичной, сопровождающей и, главное, факультативной.

Конкретное же определение тех или иных слов как эмоциональных в некоторых случаях сопряжено со значительными трудностями. Не во всех словах эмоциональный момент представлен с одинаковой яркостью; в некоторых случаях эмоциональность слова — явление подвижное, нестабильное даже в синхроническом плане. Поэтому иногда требуются специальные экспериментальные исследования с тем, чтобы установить факт

---

¹³ В. А. Мальцев, Эмоция и значение слова. XV научная сессия, посвященная итогам научно-исследовательской работы за 1962 г. Тезисы докладов. Минский ГПИИЯ. Минск, 1963, стр. 43.

¹⁴ Л. Шабалина, например, формулирует определение эмоциональной лексики следующим образом: «К эмоциональной лексике относятся слова, которые, выражая эмоциональную оценку того или иного факта, явления, предмета действительности, вызывают соответственное чувство у слушателя или читателя» (Л. Шабалина, Эмоциональная лексика в сатире Н. А. Некрасова. Труды Тбилисского гос. ун-та, т. 105, Серия филол. наук, VI, 1965, стр. 286).

¹⁵ Ср. точку зрения Л. Л. Кима, согласно которой «эмоциональные слова представляют собой как бы «специализированные» слова, особые выразительные, экспрессивные языковые средства, основная функция которых именно в том и заключается, чтобы *выражать*, *передавать* и, следовательно, *вызывать* те или иные чувства» (Л. Л. Ким, Эмоционально-оценочная лексика русского языка. (К вопросу об эмоциональной лексике). Уч. зап. Андрижанского пед. инст-та, вып. 3, 1956, стр. 55).

наличия или отсутствия эмоционального заряда в слове, о чем наглядно свидетельствуют работы Е. Ф. Петрищевой¹⁶.

В результате в эмоциональную лексику включается разнородный материал. Поэтому представляет интерес проследить, какие группы слов рассматриваются в качестве эмоциональных, т. е. выражающих эмоциональное отношение к высказываемому.

Выше было показано, что нет оснований включать в эмоциональную лексику слова, называющие чувства. Функцию выражения чувств слова типа *любовь, гнев, радость* не выполняют. «Когда мы говорим, что язык (и, в частности, слово) способен выражать не только мысли, но и чувства, то мы имеем в виду непосредственное выражение и коммуникацию самих чувств, а не их обозначение в языке, опосредствованное мышлением, в понятиях»¹⁷.

Мы останавливались также на вопросе об эмоциональном воздействии слов, обозначающих своим лексическим значением те или иные положительные или отрицательные явления. Интересно, что в семантике подобных слов иногда усматривается эмоционально-оценочный момент, и эти слова относят к эмоциональным уже на этой основе.

Э. Ф. Скороходько пишет: «Для семантики многих общественно-политических терминов характерен ярко выраженный оценочный момент (ср. *марксист, коммунист*, с одной стороны, и *фашист, коллаборационист* — с другой). Поэтому при их исследовании нельзя исключать экспрессивные компоненты. То же следует сказать и о публицистической лексике»¹⁸.

Аналогичные взгляды встречаются в работах других авторов. Например, Г. С. Пузин относит к лексике «с постоянным экс-

---

¹⁶ См.: Е. Ф. Петрищева, Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке. (Опыт лингвистического эксперимента). Сб. Развитие лексики современного русского языка. М., 1965, стр. 39—50.

¹⁷ В. А. Мальцев, Эмоция и значение слова. XV научная сессия, посвященная итогам научно-исследовательской работы за 1962 г. Тезисы докладов. Минский ГПИИЯ. Минск, 1963, стр. 44.

Ср., напр., точку зрения В. И. Петровского, согласно которой слова типа *горе, гнев, радость* включаются в разряд слов, «выражающих чувство своим лексическим значением». (В. И. Петровский, О стилистической дифференциации лексики современного русского языка. Изд. Львовского ун-та, 1959, стр. 16).

Н. А. Каламова пишет: «... эмоциональность может быть передана самими основами слов — *счастье, несчастье, горе, печаль, радость, героизм, грусть* и т. д.». (Н. А. Каламова. К вопросу об экспрессивной функции языка и некоторых эмоционально-экспрессивных средствах языка. В кн.: «Вопросы русского языкознания». Львовский гос. ун-в. им. Ивана Франко. Кафедра русского языка и общего языкознания. Книга четвертая, 1960, стр. 211).

¹⁸ Э. Ф. Скороходько, О семантической природе некоторых видов образного словоупотребления. Вопросы стилистики, вып. 1. Изд. Саратовского ун-та, 1962, стр. 160.

прессивно-эмоциональным содержанием» такие слова, как *друг, товарищ, изменник, любовь, враг* и др.¹⁹. Г. Л. Щеулина пишет о том, что в словах *преступление, ложь, клевета* и т. п. эмоциональность выражена лексическим значением²⁰. Л. Л. Ким относит к эмоционально-оценочным слова *взятничество, воровство, пьянство*²¹. В книге А. И. Чижик-Полейко отнесены к выражающим эмоции положительного отношения следующие слова: *братство, гвардия, равенство, свобода, справедливость*²².

Вопреки мнению указанных авторов думается, что слова этого типа не содержат в своем значении оценочных элементов. Кроме предметно-логического содержания, в семантической структуре этих слов нет никаких дополнительных компонентов, ни экспрессивных (предметно-образных), ни эмоциональных. Приведем в этой связи справедливое замечание В. А. Звегинцева о том, что «и в этом случае, когда обозначаемые словом предметы и явления как бы бросают на значение слова тень той качественной оценки или этического и эмоционального отношения, которые они получают в обществе, экспрессивно-эмоциональные элементы также нельзя считать включенными в значение слова»²³. По нашему мнению, и в этом случае (аналогично словам *гроб, смерть* и др.) можно говорить лишь об известных ассоциациях, возникающих в сознании в связи с оценочным отношением носителей языка к явлениям, обозначенным этими словами²⁴. И всеобщность, единый характер этих ассоциаций для всех носителей языка не может служить аргументом в пользу эмоциональной оценочности слов этого типа.

Е. Ф. Петрищева справедливо отмечает возникновение «оценочного ореола» у слов, называющих явления, с общественной точки зрения отрицательные или положительные²⁵.

---

¹⁹ Г. С. Пузин, Глаголы лексической (объективной) экспрессии и их стилистические функции в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина». Уч. зап. Ком. гос. пед. инст-та. Кафедра русск. языка, вып. 10, 1962, стр. 16.

²⁰ См.: Г. Л. Щеулина, Средства выражения эмоциональности в языке В. И. Ленина. — Вопросы стилистики и литературоведения. Шахтинский гос. пед. инст., 1964, стр. 33—34.

²¹ См.: Л. Л. Ким, Эмоционально-оценочная лексика русского языка. (К вопросу об эмоциональной лексике). Уч. зап. Андиянского пед. инст-та, вып. 3, 1956, стр. 58.

²² А. И. Чижик-Полейко, Стилистика русского языка. Часть II. Лексика и морфология. Воронеж, 1964, стр. 42.

²³ В. А. Звегинцев, Семасология. Изд. МГУ, 1957, стр. 178.

См. также: А. П. Величук, Слово и его значение. — Русский язык в нерусской школе, вып. 10. Баку, 1955, стр. 58—60.

²⁴ Именно потому, что в обществе сложилось определенное эмоциональное отношение к этим явлениям, и возможно употребление соответствующих слов в оценочном значении, например, слова *фашист* в качестве бранного выражения.

²⁵ См.: Е. Ф. Петрищева, Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке. (Опыт лингвистического эксперимента). Сб. Развитие лексики современного русского языка. М., 1965, стр. 40.

Язык, как известно, система, в которой все осознанные явления получают название, и прежде всего объективное, предметно-логическое, без установки на выражение каких бы то ни было субъективных моментов. «Обязательный для всей эмоционально-окрашенной лексики признак (обязательный потому, что он обусловлен самим назначением этой лексики) состоит в том, что слова, заключающие в себе информацию об эмоциональной оценке явлений, не могут быть употреблены, если говорящий лишь называет явления, не выражая своего отношения к ним. В отличие от слов эмоционально-окрашенных слова нейтральные в эмоционально-оценочном отношении могут быть употреблены и при наличии, и при отсутствии у говорящего намерения дать явлениям какую-либо эмоциональную оценку»²⁶. Именно таковы слова *коммунист*, *марксист* и т. п. Ведь, употребив в речи, к примеру, слово *марксист*, говорящий не выражает субъективного отношения, оценки названного. Для выражения всевозможных оценок, субъективного отношения, как известно, существуют в языке иные средства — интонационные, синтаксические, лексические и др., в том числе слова, характеризующие то или иное явление с положительной или отрицательной стороны, дающие ему интеллектуальную или эмоциональную оценку.

Поэтому, как нам представляется, допускают ошибку те исследователи, которые ставят в один ряд эмоциональных (эмоционально окрашенных) слов такие, например, слова, как *деникинец*, с одной стороны, и оценочные типа *мракобес*, — с другой²⁷.

В статье Э. Ф. Скороходько читаем: «Слова *война* и *бойня* («война») обозначают одно и то же, но если первое слово отражает нейтральную или, по крайней мере, объективную оценку этого явления (кажется, в данном случае вернее было бы говорить об объективном назывании. — Э. В.), то второе указывает на отрицательную оценку, даваемую ему информатором. Слова *война* и *бойня* (точнее, соответствующие лексико-семантические варианты этих слов) имеют одинаковые обозначающие, но различные экспрессивные компоненты»²⁸.

Это, бесспорно, так. Но не доказывает ли существование в языке эмоциональных синонимов именно ошибочность мнения, согласно которому к оценочным словам отнесены слова типа *марксист*, *фашист*? Если бы слова этого типа в своей семантике

²⁶ Е. Ф. Петрищева, указ. соч., стр. 41.

²⁷ См.: В. И. Петровский, О стилистической дифференциации лексики современного русского языка. Изд. Львовского ун-та, 1959, стр. 16.

²⁸ Э. Ф. Скороходько, О семантической природе некоторых видов образного словоупотребления. Вопросы стилистики, вып. 1, изд. Саратовского ун-та, 1962, стр. 161.

См. также: Л. Л. Ким, Эмоционально-оценочная лексика русского языка. (К вопросу об эмоциональной лексике). Уч. зап. Андиганского пед. инст-та, вып. 3, 1956, стр. 55—56.

содержали оценочный момент, не было бы необходимости в эмоциональных синонимах для выражения эмоционального отношения к явлениям «положительным» или «отрицательным». Ведь известно, что ничто лишнее в языке не удерживается.

В принципе не имеет значения, что *мир*, *коммунист* и многие другие слова этого типа эмоциональных синонимов не имеют (ср. *война* — *бойня*). Эмоциональное отношение к любым явлениям объективной реальности всегда может быть выражено теми или иными языковыми средствами.

Но в языке обязательно должны существовать слова, называющие явление объективно, без каких бы то ни было оценочных моментов. Д. Н. Шмелев в этой связи справедливо обращает внимание на невозможность существования в языке оценочных слов без наличия в нем «опорных единиц лексико-семантической парадигмы, т. е. нейтральных синонимов»²⁹.

Аналогичную ошибку, как нам кажется, допускают авторы, рассматривающие эмоциональность как явление, обусловленное предметно-логическим, понятийным содержанием слова. Эта точка зрения, между тем, имеет широкое хождение в лингвистической литературе. Так, Л. Л. Ким пишет: «Как известно, экспрессивно-оценочный момент слова определяется его предметно-логическим содержанием»³⁰. Аналогичная мысль высказана Н. С. Стариковой: «Смысловое содержание и эмоциональность, как составные части слов, взаимодействуют. Семантика слова предопределяет эмоциональность слова. Эмоциональность — производное в слове, определяемое семантикой»³¹.

Интересно, что авторы, придерживающиеся этой точки зрения, упускают из виду, что анализируемые ими же языковые факты опровергают их теоретическое положение. Н. С. Старикова пишет: «Так, просторечное *врать* синонимизируется не только со своим более нейтральным сочленом *лгать*, но и с более экспрессивным просторечным *брехать*... Синонимы *врать* — *брехать*, совпадая по смысловому содержанию, различаются степенью эмоциональности. Более сильная степень эмоциональ-

---

²⁹ Д. Н. Шмелев, О типах лексических значений слова. — Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М., 1965, стр. 289.

³⁰ Л. Л. Ким, Некоторые наблюдения над ироническими словами русского языка. Уч. зап. Андижанского гос. пед. инст-та, т. IV, филол. серия, 1957, стр. 255.

См. также: Ю. А. Жлуктенко, Предметно-логический и эмоционально-экспрессивный элементы в значении слова. Научные записки Киевского финансово-экономического инст-та, № 7, Киев, 1959, стр. 283, где аналогичная точка зрения высказывается с меньшей категоричностью.

³¹ Н. С. Старикова, Эмоциональная экспрессия как компонент синонимических отношений. Уч. зап. Казанского гос. женск. пед. инст-та, вып. IV. Алма-Ата, 1964, стр. 325.

ной экспрессии в слове *брехать* служит единственным условием, поддерживающим активную синонимизацию данных слов»³².

Это, несомненно, верно. Но если смысловое содержание слова обуславливает его эмоциональность, то как объяснить факт, что в синонимах при тождественном смысловом содержании часто наличествует эмоциональный момент разной степени интенсивности? Более того, с этой точки зрения было бы логичным вообще отрицать наличие в языке нейтральных синонимов наряду с эмоциональными для обозначения тех или иных явлений³³.

Следовательно, нельзя эмоциональность в слове ставить в непосредственную зависимость от его смыслового содержания. Иное дело, что эмоциональный момент часто взаимосвязан с тончайшими смысловыми оттенками, нюансами в значении слов. Иначе, эмоциональная окраска в слове часто сосуществует с предметно-образными компонентами его значения. Но автоматизма непосредственной обусловленности одного другим нет в принципе и в этих случаях.

Иногда, как нам представляется, эмоциональность слишком прямолинейно связывают со стилистическими разновидностями языка. Например, Н. С. Старикова считает, что «наряду со стилистическим соотношением, имеющимся в синонимической паре, возникает и эмоциональное соотношение»³⁴. Более того, иногда эмоциональный момент слова — стилистического синонима ставят в прямую зависимость от принадлежности его к определенному стилю. А. П. Величук пишет: «...слово *дрыгнуть* ограничено в своем употреблении стилем разговорного просторечия, в силу чего оно как бы впитывает в себя экспрессию, «аромат» этого стиля. Значение слова усложняется эмоционально-экспрессивными факторами»³⁵.

Как известно, употребление разговорных и просторечных слов свидетельствует об отношении говорящих к ситуации как к дружеской, фамильярной. Но эту непринужденную атмосферу не следует отождествлять с выражением эмоционального отношения к чему-либо. Многими исследователями отмечен факт, что не все разговорные и просторечные слова выражают эмоциональную оценку или эмоциональное отношение.

---

³² Н. С. Старикова, указ. соч., стр. 325.

³³ Ср. след. высказывание Н. С. Стариковой: «Слово, в котором эмоциональность всецело обусловлена самой семантикой, обладает сильной эмоциональной экспрессией. Благодаря этому признаку оно и оказывается более предпочтительным, чем его эмоционально нейтральный эквивалент». Там же, стр. 326.

³⁴ Н. С. Старикова, Эмоциональная экспрессия как компонент синонимических отношений. Уч. зап. Казахского гос. женск. пед. инст-та, вып. IV. Алма-Ата, 1964, стр. 326.

³⁵ А. П. Величук, Слово и его значение. — Русский язык в нерусской школе, вып. 10. Баку, 1955, стр. 60—61.

Как нам кажется, не выражают, например, эмоционального отношения слова *понапрасну, даром, поделом, этак, вовсе*, в которых С. А. Воробьева усматривает эмоциональную насыщенность: «Наречия разговорного характера употребляются в речи персонажей для выражения эмоционально насыщенной оценки образа действия действующих лиц»³⁶.

Что касается взаимосвязи стилистических и эмоциональных элементов в слове, то более правильной представляется точка зрения Н. М. Шанского: «В подавляющем большинстве случаев именно эмоциональная характеристика слова и экспрессивные особенности определяют его стилистическое употребление»³⁷.

Не вполне целесообразно дефинировать эмоциональную лексику как слова, выражающие чувства, поскольку такое определение ведет к включению в эмоциональную лексику таких, например, слов, как *люблю, ненавижу, боюсь, удивляюсь* и т. п. Функция подобных слов, действительно, в выражении чувств, хотя опосредствованным путем, посредством интеллектуально-логической номинации переживаемого чувства или эмоционального состояния. Но ведь эти слова выполняют функцию выражения чувства лишь будучи употреблены в первом лице. Едва ли можно относить к определенной специфической разновидности лексики слова, которым эта специфическая особенность присуща лишь в части парадигмы. В сущности, мы здесь имеем дело с лексико-синтаксическим способом выражения чувств³⁸.

Иногда эмоциональную лексику определяют как слова, «с помощью которых не только называется понятие, но и выражаются определенные эмоции, чувства человека»³⁹. Присоединяемся к критике этой точки зрения, высказанной Л. А. Вороновой, которая справедливо отмечает, что не все слова, служащие средством выражения эмоционального отношения к явлениям, в то же время называют это явление. В качестве примера Л. А. Воронова указывает на бранные слова⁴⁰. Своеобразное

---

³⁶ С. А. Воробьева, Разговорная лексика в романе Л. Н. Толстого «Воскресение». Київський унів. Збірник наукових праць аспірантів кафедр суспільних наук, 1963, № 13, стр. 87.

³⁷ Н. М. Шанский, Лексикология современного русского языка. М., 1964, стр. 129. См. также: О. С. Ахманова, Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 263; В. М. Никитевич, К вопросу о категории оценки в русском языке. НДВШ, Филологические науки, 1960, № 3, стр. 85.

³⁸ Ср. такие описательные способы выражения эмоций, как, напр., *у меня чудесное настроение, я рад, мне грустно*, а также вводные слова — *к сожалению, к счастью* и др.

³⁹ Е. Смольская, Эмоциональная лексика в художественных произведениях А. М. Горького. Питання Радянської Літератури. Одеса, 1959, стр. 74—75.

⁴⁰ См.: Л. А. Воронова, Эмоциональная лексика в ранних рассказах А. М. Горького. Уч. зап. Туркменского гос. ун-та им. А. М. Горького, вып. XVII. Ашхабад, 1960, стр. 109.

соотношение называемого понятия и выражаемой эмоции наблюдается и в эмоционально-оценочных прилагательных: само понятие в них — название переживаемого эмоционального отношения.

Но необходимо отметить, что эмоционально-оценочные прилагательные (*милый, дорогой; противный, ужасный, страшный* и т. п.) не всегда включаются в состав эмоциональных слов⁴¹. Думается, что это отчасти результат недифференцированного подхода к прилагательным оценочного и неоценочного характера.

Функция большинства качественных прилагательных, как известно, — характеристика того или иного явления, а любая характеристика содержит субъективный момент, хотя не каждая характеристика дается с точки зрения субъективного отношения к характеризуемому явлению.

Поэтому необходимо различать прилагательные эмоционально-оценочные (*милый, дорогой, гадкий, гнусный, противный* и др.), интеллектуально-оценочные (*красочный, пространный* [примеры Е. Ф. Петрищевой] и др.)⁴² и прилагательные, дающие предмету объективную характеристику (причем объективность этой характеристики не является абсолютной, так как любая характеристика уже по своей природе имеет субъективный характер, — *длинный, большой* и т. п.). В отличие от первых двух групп в этих словах отсутствует субъективная оценочность — восприятие явления как интеллектуально или эмоционально положительного или отрицательного. Субъективное отношение к явлению выражается словами эмоционально-оценочными и интеллектуально-оценочными.

Неразличение слов, выполняющих разные оценочные функции, — весьма частое явление в лингвистической литературе. Например, В. И. Петровский пишет: «Слова с постоянной эмоциональностью могут давать оценку предметов и явлений с положительной или отрицательной стороны (*милый, душевный, злой, ласковый*)»⁴³. Л. Л. Ким объединяет с этой точки зрения

---

⁴¹ См., напр., рецензию К. А. Тимофеева и А. М. Бабкина на книгу: Современный русский язык. Лексика (Курс лекций), под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. Рецензенты придерживаются точки зрения, согласно которой «слова, выражающие лексически оценку явления ... *добрый, злой, ужасный, страшный, милый* и т. д.» никакого отношения к эмоциональной лексике не имеют. Вопросы языкознания, 1955, № 2, стр. 131.

⁴² О разграничении эмоционально-оценочной и интеллектуально-оценочной лексики см. в след. работах Е. Ф. Петрищевой: Е. Ф. Петрищева, Об эмоциональной окрашенности слов в современном русском языке. (Опыт лингвистического эксперимента). Сб. Развитие лексики современного русского языка. М., 1965, стр. 39—50. Она же, Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени. Там же, стр. 51—74.

⁴³ В. И. Петровский, О стилистической дифференциации лексики современного русского языка. Изд. Львовского ун-та, 1959, стр. 16.

слова *глупый, дурацкий, алчный, гадкий, хамский, пошлый* и т. д., одинаково усматривая в них «указание на качество предмета или признака действия»⁴⁴. Б. А. Оррас включает в разряд эмоционально-оценочных слова *хороший, новый, опасный* и т. п.⁴⁵.

Отличие эмоционально-оценочных прилагательных от интеллектуально-оценочных заключается в том, что в первых из них нет номинации реального качества или признака предмета. Их предметно-логическое значение — эмоциональная оценка какого-либо лица, предмета, явления, его характеристика с точки зрения возбуждаемой им эмоции⁴⁶.

Поэтому, на наш взгляд, эмоционально-оценочные прилагательные не следует исключать из состава эмоциональной лексики, если исходить из ее основной функции, из функции выражения эмоционального отношения к чему-либо. Аналогичную функцию выполняют эмоционально-оценочные существительные и наречия.

Возникает вопрос, ограничиваются ли функции эмоциональной лексики выражением эмоциональной оценки явления. Как нам кажется, правы те авторы, которые не считают возможным сводить всю эмоциональную лексику к эмоционально-оценочным словам, так как круг эмоциональной лексики ими не ограничивается. «Одним из видов эмоциональной лексики являются, например, слова, выражающие субъективное отношение говорящего путем интенсификации смысловой нагрузки отдельных слов или целых высказываний. Такие слова можно назвать эмоционально-усилительными»⁴⁷.

Кроме того, представляется, что нет выражения непосредственной эмоциональной оценки называемого конкретного

---

⁴⁴ Л. Л. Ким, Эмоционально-оценочная лексика русского языка. (К вопросу об эмоциональной лексике). Уч. зап. Андижанского пед. инст-та, вып. 3, 1956, стр. 58.

⁴⁵ См.: Б. А. Оррас, Лексические средства создания речевой характеристики Матвея Кожемякина. Вопросы современного русского литературного языка и методики преподавания его в школе. Мат-ы 3-ей научно-методич. конф. кафедр русского языка педвузов уральской зоны. Свердловск, 1963, стр. 118.

См. также сноску ⁴¹.

⁴⁶ Ср. точку зрения Ю. А. Жлуктенко, который слова *милый, дорогой, отвратительный* рассматривает в одном ряду со словами *смерть, гроб, подлость, мужество, нежность, ласковый* и т. п., квалифицируя их как «слова, обозначающие предметы, явления и понятия, которые сами по себе обладают определенной эмоциональной характеристикой». (Ю. А. Жлуктенко, Предметно-логический и эмоционально-экспрессивный элементы в значении слова. Научные записки Киевского финансово-экономического инст-та, № 7. Киев, 1959, стр. 281—282.

⁴⁷ В. А. Мальцев, Эмоция и значение слова. XV научная сессия, посвященная итогам научно-исследовательской работы за 1962 г. Тезисы докладов. Минский ГПИИЯ. Минск, 1963, стр. 45—46.

явления во многих словах «высокого» стиля и поэтической лексики (*ветрило, вежды, взор* и т. п.). Слова этого типа выражают эмоциональное отношение к описываемому вообще, передают восприятие говорящим действительности, обстановки, ситуации как поэтической или возвышенной, сообщают высказываемому определенную эмоциональную — торжественную или поэтическую, лирическую — тональность.

Следовательно, понятие *эмоциональная лексика* шире понятия *эмоционально-оценочная лексика*.

Поэтому и термин *эмоционально-оценочная лексика* оказывается узким для обозначения всей лексики, посредством которой передается информация об эмоциональном отношении говорящего к чему-либо.

И здесь мы вернулись к вопросу о термине.

Для выделения лексики, выражающей эмоциональное отношение к чему-либо, удобным мог бы оказаться термин *эмоционально-экспрессивная лексика*. Но этот термин имеет в литературе уже по меньшей мере три значения⁴⁸.

Термин же *лексика с эмоциональной окраской*, как нам кажется, уместен в стилистических исследованиях, где эмоциональная окраска слова рассматривается как стилистическое его качество⁴⁹.

С лексической точки зрения представляется наиболее целесообразным (и достаточным) употребление термина *эмоциональная лексика* для обозначения слов, выполняющих своеобразную языковую функцию — функцию коммуникации эмоционального отношения говорящего к явлениям окружающей действительности, т. е. лексики, имеющей эмоциональное значение.

Выводы.

1. Вопрос об эмоциональности слов, по-видимому, получает различное решение в зависимости от задач исследования, которые в лексикологическом и стилистическом планах не являются тождественными. Признаки эмоциональной лексики как языкового явления не могут быть определены с позиций стилистического подхода к материалу. Не следует смешивать эмоциональный эффект и причины, его порождающие. Иначе говоря, речь идет о разграничении семантического и стилистиче-

⁴⁸ Термин *эмоционально-экспрессивная лексика* употребляется а) в качестве синонима термина *эмоциональная лексика*; б) для обозначения слов, имеющих отношение к выражению эмоций и одновременно выполняющих экспрессивную (выразительную) функцию; в) для обозначения слов, содержащих в своей смысловой структуре как эмоциональные, так и предметно-образные (экспрессивные) компоненты.

⁴⁹ См.: А. И. Чижик-Полейко, *Стилистика русского языка. Часть I. Воронеж, 1962, стр. 29.*

ского планов. Необходимо разграничивать выражение эмоционального отношения (в языке) и эмоциональную выразительность (в речи).

2. К эмоциональной лексике как к специфическому лексическому пласту не могут быть отнесены слова, называющие те или иные эмоции. Определяющей не может быть также функция эмоционального воздействия слов на носителей языка.

3. В качестве своеобразного лексического пласта эмоциональных слов могут быть выделены лишь слова или значения слов в системе языка, являющиеся носителями информации об эмоциональном отношении говорящего к действительности, то есть слова с объективно присущим им эмоциональным значением. В этом состоит функциональная и семантическая специфика эмоциональной лексики.

4. Эмоциональность слова, понимаемая как выражение словом эмоционального отношения к чему-либо, — явление относительно самостоятельное, непосредственно не зависящее ни от предметно-логического, понятийного содержания смысловой структуры слова (отрицательность или положительность называемого явления — не основа для отнесения соответствующих слов к эмоциональной лексике), ни от выражаемой словом интеллектуальной оценки предмета или явления (поэтому недостаточно определять эмоциональную лексику лишь как лексику, выражающую субъективную оценку), ни от стилистической огрешенности слова. Разумеется, сказанным не отрицается возможная взаимосвязь этих явлений.

5. Эмоциональные слова не могут быть дефинированы как слова, одновременно называющие понятие и в то же время выражающие эмоции, поскольку это не во всех случаях соответствует языковым фактам. Нецелесообразно определять эмоциональную лексику также в качестве лексики, выражающей эмоции.

О КОРРЕЛЯЦИИ ТВЕРДЫХ И МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ В РУССКОМ ГОВОРЕ ИЙЗАКУ НА ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНСКОЙ ССР

Х. Хейтер

Система твердых и мягких согласных говора Ийзаку включает в себя 12 пар согласных фонем, различающихся по твердости и мягкости. Это следующие пары: б—б', в—в', д—д', з—з', л—л', м—м', н—н', п—п', р—р', с—с', т—т', ф—ф'. Такое же количество парных по мягкости-твердости фонем имеется и в русском литературном языке и в значительной части русских говоров¹. Но в употреблении этих парных фонем наблюдаются значительные расхождения с русским литературным языком. 8 согласных фонем (ж, ш, г, к, х, ц, ч, ј) являются внепарными твердыми, за исключением ј. В говоре отсутствует пара мягких долгих шипящих ш'—ж'; вместо них произносятся долгие твердые ш—ж: *јешо'*, *ач'и'шэна*, *иму'шэства*, *в'ипуша'ју*, *шу'ка*, *папо'же*, *н'ёт дажа'*. Внепарным твердым является и аффриката ч: *в'е'чэр*, *начэва'л'и*, *чэ'рес*, *каро'чэ*, *хачу'*. Несмотря на то, что г, к, х приобретают позиционную мягкость в положении перед е, и, а в некоторых глагольных формах являются мягкими, независимо от позиции в слове (*н'ак'о'ш*, *ст'ер'ег'о'ш*, *т'ек'о'*, *б'ер'аг'о'ш*), в положении же перед гласными а, о, у и на конце слова г', к', х' не различаются и парных по твердости-мягкости фонем не образуют.

Все парные по твердости-мягкости согласные могут быть противопоставлены по наличию или отсутствию мягкости, в зависимости от позиции в слове. В связи с этим, исходя из теоретических положений Р. И. Аванесова и других авторов² о сильной и слабой позиции для твердых-мягких согласных в русском литературном языке, мы рассмотрим следующие для твердых-мягких согласных позиции в говоре Ийзаку: 1) положение на конце слова, 2) перед гласными а, о, у, и, е и 3) перед соглас-

¹ Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 150.

² Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 170.

Р. И. Аванесов, Очерки ... , стр. 150.

ными. Остановимся также на внепарных по твердости-мягкости согласных. В статье по возможности выявляются отклонения от соответствующей системы в русском литературном языке и дается характеристика специфических особенностей, возникших в сложных условиях межъязыковых взаимоотношений.

I. Положение на конце слова:

сп'ат — *ап'а'т*; *м'от* — *м'ет* 'медь', *м'едв'ет* 'медведь'; *сал-да'т* — *ч'ита'т*, *п'иса'т*, *зна'т*; *брат* — *брат* 'брать'; *м'ест* (род. мн. ч.) — *в'ест* 'везти', *с'ест* 'сесть', *ч'ест* 'честь'; *пост* — *кр'е'пост*; *даст* — *упа'ст*, *класт*; *сафхо'с* — *сквос*, *врос* 'врозь'; *гара'с* 'гораздо' — *св'ас*, 'связь'; *в'ол* — *на'кав'ел* 'наковальня', *пчол* (род. п. мн. ч.) — *качэ'л* 'качели', *сел* — *кис'е'л*, *р'ев'ел* — *р'ев'ел* 'г. Ревель', *ти'тул* — *ату'л* 'оттуда', *атку'л* 'откуда', *атсу'л* 'отсюда' — *ату'л*, *атку'л*, *атсу'л*; *праго'н* 'выгон' — *аго'н* 'огонь', *стан* — *пр'у'стан*, *п'ес'ен* (род. мн.) — *о'сен*; *взам'ен* — *јачм'ен*, *рем'ен*; *жа'ден* — *ден*; *за'п'ер* — *тапэ'р* 'теперь', *с'ахар* — *па'хар*, *ж'ир* — *пуз'и'р*, *пар* — *цар* 'царь'; *сафс'ем* — *сем* 'семь', *старав'ер* — *зв'ер*; *зачэ'м* — *во'сем*, *вам* — *фп'рам*; *глуп* — *вглуп* 'вглубь', *руп* 'рубль' — *про'руп* 'прорубь', также *цэп* 'цепь', *сип* 'сыпь', *го'луп* 'голубь'; *накро'ф* — *кроф*, *каро'ф* — *марко'ф*, также *л'убо'ф*, *аста'ф*, *пригато'ф*. Параллельно встречаются примеры (в архаической системе) на произношение в губно-губного в конце слов: *дрош*, *каро'ш*, *л'убо'ш*, *кросш*, *стало'ш*, *напро'т'иш*.

Приведенные примеры свидетельствуют о неразличении твердости-мягкости согласных в конце слова. В этом положении все согласные являются внепарными твердыми, за исключением согласных фонем *л—л'*, которые в этом положении выступают как парные по твердости-мягкости согласные фонемы (*сел* — *кис'е'л*). Нельзя не отметить, что в архаической системе *л* твердое весьма часто чередуется в конце слова с губно-губным *ш* (*сташ*, *хад'и'ш*, *вз'аш*, *п'еш* 'пел'), в новой же системе *л* в конце слова может заменяться *л* средним. *л'* значительным изменениям не подвергается и произносится в соответствии с орфоэпическими нормами литературного языка, хотя и здесь наблюдаются отклонения в данном положении: вместо *л* можно услышать среднее *л* (*атсу'л* 'отсюда', *атку'л* 'откуда').

На основании приведенных фактов можем заключить, что положение на конце слова как для язычных, так и для губных согласных, ввиду неразличения парных твердых и мягких согласных в конце слова и совпадения их в одном общем твердом варианте, в исследуемом говоре является слабым. Исключением являются фонемы *л—л'*, сохраняющие свои различительные признаки в названном положении.

2. Положение перед гласными фонемами

а, о, у

Перед фонемой *а*: *хадба'* — *с'еб'а'*, *анба'р* — *реб'а'та*; *вас* — *в'ас*, *вал* — *зав'а'л*; *пада'т* — *с'ид'а'т*; *граза'* — *граз'а'*, *в'аза'т* 'вязать' — *з'ат* 'зять'; *п'ила'* — *п'ил'а'* 'пилят', *спала'* — *бал'а'*; *мат* 'мать' — *м'ат*, *мал* — *м'ал*, *ма'мка* — *м'ал'ка*; *знат* 'знать' — *сн'ат* 'снять', *да_дна'* — *дн'а* (род. п.) *кана'ва* — *кан'а'*; *упаст* — *ап'а'т*, *пар* — *п'ан* 'пьян'; *ра'ма* — *пр'а'ма*, *рад* — *р'ад*; *сат* — *с'ат* 'сядь', *паса'тка* — *парас'а'тка*; *пл'ита'* — *хат'а'*, *та'ну* 'повойник' — *т'а'ну* 'тянут'.

Перед сильной фонемой *о*: *бок* — *уб'ок* 'убежал', *бо'дрѣј* — *б'о'дра*, *бо'рѣф* — *р'еб'о'нак*; *вол* — *в'ол*, *вос* — *в'ос*; *дош* 'дождь' — *пайд'о'ш*, *дом* — *найд'о'м*; *зо'лѣта* — *з'ор'на*, *зор'ка* — *аз'ор'*; *слон* — *шл'ом*, *нало'к* — *ло'к*, *мо'лѣт* — *м'от*; *нос* — *н'ос*; *сапо'к* — *п'ок*, *пол'ка* — *п'ереп'ол'ка*, *пост* — *п'ос*; *сом* — *н'е-с'о'м*, *сок* — *с'ок*; *толк* — *кат'ол*, *пато'к* — *пат'ок*; *кроф* — *р'оф*, *ро'ги* — *р'о'бра*.

Перед фонемой *у* (как сильной, так и слабой): *буду* — *л'уб'у'*, *на лбу'* — *груб'у'*; *заву'* — *сав'у*; *језду'* (вин. п.) — *је'зд'у* 'ездят'; *мо'ду* — *ло'шад'у*; *в_глазу'* — *ма'з'ју*, *кн'а'з'у*; *галубо'ј* — *л'убо'ф*; *каму'* — *сам'у'*; *тану'* — *та'н'у*; *крупу'* — *куп'у'*; *рука'* — *р'ум'ка*, *куру* (наз. мест.) — *кур'у'*; *суда'к* — *с'уда'*; *п'ату'н* — *к'ип'ат'у'*.

Итак, судя по примерам, приведенным выше, положение перед гласными *а, о, у* следует считать сильной позицией для твердых-мягких согласных. Перед названными гласными фонемами различаются почти все парные твердые и мягкие согласные (в большем или меньшем количестве случаев).

Однако и в положении перед гласными *а, о, у* мы сталкиваемся с примерами, свидетельствующими об ослаблении палатализации согласных или даже об отсутствии ее перед названными гласными. После таких согласных с неполным смягчением вместо гласных *а, о* выступают чуждые русскому языку звуки *ä* и *ö*, причем они встречаются не только в положении между мягкими согласными, но и перед твердыми согласными или в открытом конечном слоге. Например: *п'ят*, *з'ят*, *ап'я'т*, *р'ят*, *агн'я'*, *врз'м'я'*, *хат'я'*, *рагн'я'*, *м'ан'я'*, *тэб'я'*, *скап'я'л'и*, *т'я'нэтса*, *чэрв'я'ви*, *пл'я'л'и*, *спавл'я'л'и*, *свал'я'јеш*, *вз'я'л'и*; *л'өн*, *м'од*, *ав'ос*, *т'оп'ла*, *с'ар'оп*.

Эти факты неразличения согласных по мягкости-твердости в положении перед *а* и *о* показывают, насколько актуальным в говоре Ййзаку является тенденция отверждения согласных. Подобное явление, где при палатализации гласные заднего ряда

заменяются гласными переднего ряда, в основном под влиянием предшествующего *j*, известно в эстонском языке³. Замена гласных заднего ряда более передними в говоре Ййзаку влечет за собой ослабление палатализации предшествующих согласных до полного отвердения.

3. Положение перед фонемой *и* (как сильной, так и слабой)

б'ик 'бык' — *бит* 'быть', *баб'и* 'бобы' — *раб'ина*; *в'и* 'вы' — *зав'и*, *в'идат* 'выдать' — *вида'т* 'видать'; *н'ет_вад'и* 'воды' — *вад'и* 'води'; *д'им* 'дым' — *јед'и'м*; *карз'и* (мн. ч. карда) — *в_гр'аз'и*, *ваз'и* 'возы' — *ваз'и* 'вози'; *п'ил'и* (род. п. от пила) *п'ил'и*; *м'и* 'мы' — *л'удм'и*, *м'и'ла* 'мыло' — *м'и'л'эј*; *с_вајн'и* 'с войны' — *јан'и* 'они'; *п'ил'и* (род. п. от пыль) — *п'ил'и*; *р'и'ба* 'рыба' — *р'и'га*; *з_гар'и* 'с горы' — *гар'и* 'горит', *у_сэстр'и* — *тр'и*; *рас'и* (род. п. от роса) — *кас'и*, *у_с'и'на* 'у сына', *с'и'ла*; *тил* 'тыл' — *пуст'и'л*, *ти* 'ты' — *л'ет'и*.

Как показывает фактический материал, перед фонемой *и* наблюдается слабое противопоставление твердых-мягких согласных: все парные согласные перед *и* совпадают или в одном варианте несмягченного характера, или же (в случае образования некоторых согласных, как *л* (*с* и *з*)) появляются вполне мягкие согласные. Фонема *л* представляется среди других парных согласных как исключение, которая при наличии характерной для говора Ййзаку неполной мягкости согласного перед *и* все же сохраняет противопоставление соответствующему мягкому согласному *л'*: *куп'и'л'и*, *ста'л'и*, *је'сл'и*, *бу'л'и*, *наз'ива'л'и*, *п'и'л'и*, *бра'л'и*, *ф_шко'л'и*, *л'и'па*, *с'и'л'и_н'ет*. Часто в говоре Ййзаку *л* перед *и* приобретает оттенок *l* среднего: *п'и'ли*, *хад'и'ли*, *гавар'и'ли*, *неде'ли*, *пчо'ли*. Смягченными могут оказаться, как было указано выше, и зубные согласные *с*, *з*: *фс'и*, *гла'зи*, *з'има'*, *в_л'е'с'и*.

Дополнительную дистрибуцию по мягкости перед *и* имеют также заднеязычные: *де'нг'и*, *далг'и*, *п'ираг'и*, *стар'ик'и*, *му_ж'ик'и*. Полумягкое звучание зафиксировано при произношении губных: *м'и*, *ра'м'и*, *с'ем'и*, *с_ни'м'и*, *м'и'ла*, *в'и*, *в'и'ш'ли*, *в'и'р'езат*, *б'и'л'и*, *уб'ира'т*, *руб'и'т*, *снап'и*, *п'и'л'и*, *тап'и'л'и*.

Неполное смягчение особенно заметно проявляется в образовании зубных *д*, *т*: *хад'и'л*, *хад'и'т* 'ходить', *пасад'и'т*, *д'и'рка* 'дырка', *прид'и'т'е*, *ад'и'н*, *с'еред'и'на*, *туд'и* 'туда', *глад'и*, *рад'и'ла*, *го'ди*, *ујд'и*, *ло'шад'и*, *хат'и'м*, *ар'ихм'е'тика*, *грама'*

³ P. Ariste, Eesti keele foneetika. Tallinn, 1953, lk. 83.

т'ика, чэ́т'и'ре, плат'и'т, дэ́т'и, дес'а'т'и'на, ку́ст'и', тре́т'и, се́т'и'на, не́ст'и', в'и'т'ит вон, в'и'лет'и, се́рд'и'т'и, з_дес'а'т'и', л'ет, бут'и'лка.

Несмягченными перед *и* оказываются также согласные *н, р, с* и *з*: жэ́н'и'х, по'_з'ени, дама'ш'ни, жэ́н'и' (дат. п. ед. ч.) *ја́н'и', к_о'с'ен'и, па_bale'з'ни, дл'и'н'и, руш'и'к, пала'т'е'нцэ; з_га'р'и' 'с горы', га'р'и', кат'о'р'и, ста'р'и, во'р'и 'воры', р'и'нак, гавар'и'л'и, при_ца'р'и'зму, да'р'и'; фс'и'м, фс'и, не_нас'и'л'и, принас'и'т 'приносить', с'ин~с'ин, в'и'сила'л'и, во'з'и, наз'и_ва'ју, м'эз'икас 'донник', не_п'рас'и'тэ.*

Приведенные примеры подтверждают, что перед гласной фонемой *и* имеет место нейтрализация противопоставления твердых и мягких согласных. Все парные согласные перед *и* (кроме *л*) совпадают в одном варианте несмягченного характера. При этом образуются слоги, по звучанию напоминающие эстонские: *bi, vi, gi, mi, ni, pi, ri, si, ti*. В заключение отметим, что произношение *и* в говоре Ийзаку не зависит от качества предшествующего согласного, как это наблюдается в русском литературном языке, характеризующемся наличием противопоставления звуков *ы* и *и* после твердых и мягких согласных, а, наоборот, звук *и* может подействовать на предстоящий согласный, т. е. имеет место регрессивная аккомодация. Но это воздействие на предстоящие согласные оказывается довольно слабым, и поэтому перед *и* обычно выступают полумягкие согласные.

4. Положение перед фонемой *е*

В литературном русском языке, а также в говорах перед фонемой *е* имеет место нейтрализация противопоставления твердых-мягких согласных фонем⁴. В названном положении все парные согласные выступают в одном мягком варианте. В говоре Ийзаку отмечены отклонения от соответствующего явления в русском литературном языке. Фонема *е* наблюдается как после твердых, так и после мягких согласных и может реализоваться гласными звуками *е, ё, э*. Такая дистрибуция аллофон фонемы *е* определяется качеством окружающего, обычно предшествующего звукового элемента. После мягких согласных, как перед твердыми, так и перед мягкими, произносится звук, обозначаемый через *ё*. Перед таким звуком произносятся мягкие согласные. Но фонеме *е* могут предшествовать также полумягкие или вполне твёрдые согласные. За полумягким согласным следует звук, обозначаемый *е*. После твердых же согласных и в начале слова зафиксирован более широкий вариант

⁴ Л. Э. Калнынь, Развитие корреляции твердых и мягких фонем в славянских языках. М., 1961, стр. 131.

гласного переднего ряда пониженного среднего подъема в виде э.

Мягкие согласные перед фонемой *e* зафиксированы в словах: *л'эс, хл'эп, д'э'лал, в'э'ра, вр'э'м'а, л'э'та, л'эт, н'эт, н'ев'э'ста, пас'э'јана, н'ед'эл'а, сн'эк, м'э'с'ац, м'э'ста, зв'эр, бал'э'ст ~ бол'эзн, д'эт'и, чэлав'э'к, с'э'на, с'э'м'а, кв'эт цв'это'к, кр'э'пка, да_кал'э'н, п'э'сн'а, в'эс, тэл'э'га.*

Полумягкое и параллельно встречающееся твердое произношение согласных отмечены в следующих примерах: а) под ударением: *б'э'днѣј, нэв'э'ста ~ нэвэ'ста, ве'чэр ~ вэ'чэр, д'ен ~ дэн, д'е'н'г'и ~ дэ'н'г'и, зд'ес ~ здэс, д'е'ти ~ дэ'ти, д'е'лал'и, д'е'рэва ~ дэ'рэва, нэд'е'л'а, ахл'е'ф (хлев), бал'э'ст ~ bale'ст, па_бал'э'зн'и, тэле'га, да_кале'н, в_ле'с'и, м'е'с'ац, н'е_см'е'је — смэ'је, см'е'ла ~ смэ'ла, м'е'ста ~ мэ'ста, умэ'ја 'умела', рэмэ'н, нэ'мэц, нэ'катѣри, нэ'куд'и, сн'эк ~ снэк, тэпэ'р, кап'э'јка, пэн, пэ'пэл, пэ'јат 'петь', вр'э'м'а — врэ'м'а, пэрэ'дн'ик, трети, дэр'евн'а, сатрэ'т, фстр'е'тил'и, с'ем — сэм, сус'ет 'сосед', пас'э'јали, с_растэ'н'и, хатэ'л'и, лэтэ'л'и, дэтэ'ј; б) в безударном положении: *с_лэсн'а'м, дэржа'л'и, вэнча'л'ис'а, в_мэста'х, двэна'цэт, тэб'а', сэтн'а'га, сэрэд'и'на, сэт'и'на, нэсла', зэмл'и', дэс'ат'и'на, сэво'дн'а, сэнако'с, дэрэва', стэкло', дэрэви'шка, клеэра', цвэтэ'т, сэме'ј (род. п. семян), вэсно'ј, сэрд'и'ти; с_ма'тэр'у, не_в'идэ 'не выйдет', не_до'јдэ, в'и'бэжи', бу'дэши, аст'и'нэ 'остынет', у'мэрла, п'а'тэра, по'_зэни, дэ'рэва.**

Как видно из примеров, произношение твердых-мягких-полумягких согласных перед гласными *e, ê, э* не имеет абсолютного характера. На месте *ê* может появиться *e* и даже *э* с соответствующими предстоящими согласными, но не наоборот, причем следует отметить, что употребление *ê* с предшествующей мягкостью согласного связано с определённым кругом морфем: звук *ê* встречается в основном в словах с прежним *ѣ*. В остальных случаях перед фонемой *e* (из *e* и *ь*) наблюдается отвердение согласных, наличие полумягких (или вполне твердых) вариантов, а после таких согласных выступают соответственно гласные *e* или *э*. Особенно последовательно отверждение согласных, как видно из примеров выше, проводится в неударном положении (как перед *e < e, ь*, так и перед *e < ѣ*). Итак, наличие несмягченных согласных наряду с мягкими перед фонемой *e* создает возможность различения твердых-мягких согласных в этой позиции. Но при этом нельзя не отметить, что твердое (немягкое) произношение согласных перед *e* все расширяется, распространяясь и на позиции перед *ê*, что может привести к нейтрализации противопоставления твердых-мягких согласных в говоре Ийзаку. Как известно, в нескольких славянских языках и в их говорах, развивших корреляцию твердых и мягких согласных, появилось отверждение мягких согласных в результате опре-

деленных фонологических тенденций⁵. Об употреблении несмягченных, а иногда даже твердых согласных перед *e* и *u* в русских говорах упоминают в своих работах А. А. Шахматов⁶, Д. В. Бубрих⁷, Н. Н. Дурново⁸, А. Н. Гвоздев⁹, С. С. Высотский¹⁰ и др.

Следует отметить, что отверждение согласных перед *e* и в говоре Ийзаку объясняется условиями русско-эстонского двуязычия, создающего предпосылки для влияния эстонского языка на русскую речь населения Ийзаку.

5. Положение перед согласными

а) Положение перед зубными и губными (как твердыми, так и мягкими): *м'асно'ј, пусто'ј, сноп, бал'эзн, шэрст, чэст, класт, нэст, ув'ест, м'ест, уна'ст, в'асно'ј, сва'дба, уса'дба, маладба', хадба', казба', про'зба, барба', писмо', т'урма'; зи'мн'и, пр'а-мо'ј, фс'им, хл'эп, жэ'рд'и, бал'эзн'и, шэ'рст'и, пу'ст'ит, та'пк'и, пр'а'жа, дн'а', чо'рн'и, гру'зн'и, ф_сент'абр'у', чэрн'и'ц, ро'ст'а, ко'рн'и, сасн'а'к, з_дв'ер'е'ј, вазм'о'ш, чэрв'а'в'и, л'убв'и'и, см'е-ни'вају, пасв'атл'е'ј.*

б) Перед заднеязычными: *по'лка, о'лга, алха', гор'рка 'горько', фи'етка*, но также *по'л'ка, д'е'н'г'и, с'е'рг'и.*

в) Положение *л-л'* перед согласными: *по'лка — по'л'ка; па'лки — па'л'ки 'бревна'; волна' — во'л'нэј, шко'л'н'а 'школа'; по'лнэј — ба'лно'ј, ал'н'ано'ј; малч'и' — малч'и'шка; то'лшэ — до'л'шэ, да'л'шэ, бо'л'шэ; по'лзат — по'л'за, н'ел'з'а'.*

Как отклонение от приведенной системы в ряде примеров наблюдается неразличение *л* и *л'*, совпадение их в *l* среднем: *стрелба', ба'лно'ј, са'на', малчуга'н, алха', о'лга, а'лма.*

Таким образом, положение перед зубными и губными для парных по твердости-мягкости согласных в говоре Ийзаку является слабым: в этой позиции все парные согласные представ-

⁵ Л. Э. Калнынь, указ. соч., стр. 83.

⁶ А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии. Петроград, 1915, стр. 128.

А. А. Шахматов, Описание лекинского говора, Егорьевского уезда Рязанской губернии. Изв. отделения русского языка и словесности, т. XVIII. кн. 4. Петроград, 1913.

⁷ Д. В. Бубрих, Фонетические особенности говора с. Пустошей. Изв. ОРЯС, т. XVIII, кн. 4. Петроград, 1913.

⁸ Н. Н. Дурново, Отчет экспедиции для определения границы оканья и аканья. Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 3, стр. 165.

⁹ А. Н. Гвоздев, Заметка о говоре с. Тихонова б. Ягодинской волости Судогодского уезда Владимирской губернии. Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка, вып. 2. М.—Л., 1948, стр. 52.

¹⁰ С. С. Высотский, О говоре д. Лека. Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II. М.—Л., 1949, стр. 45, и сл.

лены в одном твердом варианте звучания. Относительно фонем *л—л'* надо отметить, что в большинстве случаев положение перед согласными (кроме *ј*) для них является сильным.

г) Положение перед внепарными по твердости-мягкости согласными *ж, ш, ц, ч*. Перед названными согласными в говоре произносятся только твердые варианты. Например: *д'ержа'ли, у'м'ерш'и, ста'ршэ, пам'о'рш'и, зам'о'рш'и, вапшэ', мл'а'тш'и, по'ршн'и, жэ'нш'ина, пад'о'нш'ина; канца', ф_канц'и'; в_дварц'у', эсто'нц'и; мал'чуга'н, ко'нчим, конч'илас'а, ко'нчэна, то'пчэш, в'енча'л'ис'а, курча'в'и, перча'тк'и*. Что касается *л* и *н* перед *ш*, то они могут быть как твердыми, так и мягкими: *ра'ншэ ~ ра'ншэ, бал'шо'ј ~ балшо'ј, бо'лшэ ~ бо'лшэ, да'лшэ ~ да'лшэ, то'ншэ, м'еншэ ~ ме'ншэ, но жэ'нш'ина, д'о'нш'ина*.

д) Перед внепарной мягкой согласной фонемой *ј* в говоре выступают мягкие согласные: *б'ју, б'још, саб'ју', здаро'в'је,, па_кана'в'јам, глаз'а' 'петли', ко'л'ја, у'л'ја, кри'л'ја, 'крылья', в_ж'и'л'јах, л'ју, бел'јо', сем'ја', скам'ја', кал'е'н'ја, васкр'е_с'е'н'је, кар'е'н'ја 'корни', о'с'ен'ју, п'ју; п'још, с'јел, с'је'д'еш, с'је'хат, трэ'т'ја, пла'т'ја, л'и'ст'ја, бра'т'ја*.

Таким образом, перед всеми внепарными согласными выступают слабые по твердости-мягкости согласные. Перед *ж, ш* парные согласные произносятся твёрдо, за исключением согласных *л* и *н*, которые в некоторых словах могут быть и мягкими. В отличие от литературного русского языка, согласные перед *ч* являются всегда твердыми. Нейтрализация противопоставления по твердости-мягкости происходит перед *ј*. Таким образом, положение перед согласными, как парными, так и внепарными, является слабым для согласных по твердости-мягкости фонем говора Ийзаку.

Внепарные по твердости-мягкости согласные фонемы

Как указывалось выше, внепарными по твердости-мягкости согласными в говоре Ийзаку являются *ж, ш, ц, ч, г, к, х, ј* (мягкие долгие *ш', ж'*, в говоре отсутствуют). Все перечисленные согласные, за исключением *ј*, являются твердыми. *ж* и *ш* произносятся как твердые перед всеми согласными, кроме *и*, перед которым они становятся полумягкими. Например: *д'ержа'ла, жан'и'лса, ржано'ј, жар'а', пало'жа; душа', лашад'а'м, жо'лта, т'ажо'л'ъј, харашо', ушо'ц'и; б'ежу', сл'и'шу, журави'ц'и; т'а_жэло', жэ'н'итса, шэ'ст, ф_шэр'енгах; жив'о', жи'л'и, жи'та, б'аж'и', суш'и'л'и, маш'и'на, харо'ш'и, наста'рш'и, да'л'ш'и*.

В настоящее время можно встретить также примеры с мягкими *ж'* и *ш'* перед *е* и *и*, но общим стало твердое и полумягкое произношение. Мягкие *ж'* и *ш'*, отмеченные в речи некото-

рых более типичных представителей говора, свидетельствуют лишь о том, что недавно (еще в конце прошлого столетия, как подтверждают материалы Ю. Трусмана¹¹), названные шипящие могли произноситься как мягкие.

Внепарными твердыми в говоре Ийзаку являются также фонемы *ц* и *ч*. Полумягкий оттенок их произношения появляется в положении перед *и*. Например: *час*, *сэча'с*, *пчо'ли*, *чо'рни*, *дэфчо'нка*, *чулк'и'*, *нафстречу*, *чэ'рэс*, *чэса'т*, *пчэлаво'т*, *чи'ста*. *учи'тэл*, *ко'нчи'лас'а*; *пти'ца*, *цар* 'царь', *тро'ица*, *бал'ни'цу*, *канцо'м*, *ф_канцэ'*, *цэна'*; *эсто'нчи*, *та'нчи*, *самци'*, *ку'рици*.

Кроме внепарных *ж* и *ш*, в говоре имеются также долгие твердые шипящие *ж* и *ш* с неполным смягчением перед *и*: *јешо'*, *шү'ка*, *ишү'*, *пуша'ј*, *вијежа'ли*, *је'жу*, *дажа' н'ет*; *иму'шэства*, *памэшэ'није*, *заш'и'та*, *жэ'нишина*, *ја'шик*, *ве'ши*, *до'ж'ик*, *в'о'жи*.

Внепарная фонема *ј* является исконно мягкой (палатальной): *б'ју*, *здаро'в'је*, *кри'л'ја*, *жи'л'ја*, *кал'е'н'ја*, *п'ју*, *п'још*, *с'јел*, *трэ'т'ја*, *бра'т'јѣф*.

Заднеязычные *г*, *к*, *х* в говоре в большей части позиций являются внепарными твердыми. Например:

1) **в конце слова:** *лук*, *л'ок*, *даро'к* (род. мн.), *нок* (род. мн.), *рук* (род. мн.);

2) **перед гласными а, у, о:** *нага'*, *нагу'*, *наго'ј*: *рука'* — *руку'*; *руко'й*, *лук* — *лу'ка* — *лу'ку*, *лук* — *лу'га* — *на_лугу'*, *мука'* — *муку'*, *муко'ј*, *гот*, *кот*.

Однако в положении перед *о* намечается различие *г* и *к* по твердости-мягкости, хотя оно прослеживается в ограниченном кругу глагольных форм настоящего и простого будущего времени. Например: *ком* — *тк'ом*, *сатк'ом*, *пэк'ом*, *распэк'ом*, *аго'н* — *маг'ом*, *жг'ом*, *бер'ег'ом*.

Перед фонемой *и* заднеязычные смягчаются: *дэ'н'г'и*, *ф_тэл'е'г'и*, *зажг'и'нк'и*, *паг'и'п*, *далг'и'*, *пираг'и'*, *на_даро'г'и*, *ро'г'и*; *кр'е'пк'и*, *ма'л'енк'и*, *капэ'йк'и*, *стар'ик'и*, *к'и'шк'и*, *к'и'нут*, *к'ино'*, *к'ип'и'т*, *муж'ики'*, *турк'и*, *к'ислэ'ј*; *мх'и*, *х'и'трэ'ј*.

В меньшей степени смягченными заднеязычные оказываются в положении перед *е*: *в_рук'е'*, *на_наг'е'*, *в_рек'е'*, *на_даро'г'е'*, *пак'е'т*, *к'е'м*.

Таким образом, в положении перед *и* и *е* заднеязычные ведут себя так же, как парные зубные и губные согласные: они **не различаются** по твердости-мягкости, а выступают в своем мягком или полумягком варианте.

Итак, подводя итог вышесказанному, отметим, что система корреляции твердых-мягких согласных в говоре Ийзаку пред-

¹¹ Ю. Трусман, Исацкие полуверцы в Эстляндской губернии. Временник Эстляндской губернии. Ревель, 1895, стр. 17—34.

ставляет собой сложную систему, сильно отличающуюся от соответствующей системы в русском литературном языке. Примеры, приведенные выше, свидетельствуют о слабой дифференцированности твердости-мягкости согласных в системе консонантизма. Наименее дифференцированы согласные в положении на конце слова и перед всеми согласными. Полной нейтрализации подвергаются они перед *и*. Противопоставление по твердости-мягкости всех парных согласных сохраняется перед гласными *а, о, у*, частично перед *е*, а для фонем *л—л'* перед всеми согласными, непередними гласными и на конце слова.

Приведенный выше фактический материал и анализ его подтверждают ослабление или даже отсутствие (в некоторых положениях) палатализации согласных в говоре Ийзаку. Твердыми являются согласные на конце слова и перед согласными (за исключением *ј*). Отверждение произошло перед фонемой *и*, где последовательно произносятся полусмягченные согласные. Полумягкими (или вполне твердыми представлены согласные перед *е < е, в*, мягкими перед *е < ъ*, хотя и на эту позицию уже распространяется несмягченное произношение. Например: *д'э'ла ~ д'е'ла, вр'э'ма ~ вр'е'ма, н'ев'э'ста ~ нэвэ'ста, м'э'с'ац ~ м'е'с'ац, м'э'ста ~ мэ'ста, д'э'т'и ~ дэ'т'и, н'э'јат ~ нэ'јат 'петь'*. В положении перед гласными *а, о, у*, где наблюдается противопоставление твердых-мягких согласных, также отмечено ослабление палатализации. Например: *п'ят, з'ят, м'од, лон*.

Такие глубокие изменения в системе консонантизма русского говора в Ийзаку, отличающие его ныне от соответствующей системы других русских говоров, можно объяснить лишь историческими, географическими и экономическими условиями существования языка этой местности. Как известно, окрестности Ийзаку первоначально (в 12—13 вв.) были заселены водью¹² или смешанным водско-ижорско-русским населением¹³. Позднее, вплоть до 18—19 вв., переселенцы состояли из русских. В конце 19 века, по данным Ю. Трусмана и Х. Тампере, в деревнях прихода Ийзаку жило преимущественно русское или по меньшей мере двуязычное русско-эстонское население. В настоящее время преобладающим стал эстонский язык. Этому существенным образом содействовали сходный характер экономики, оживленный культурный обмен, особенно в области фольклора, обычаев и мифологии, тесные связи с соседними исконными эстонскими районами и в некоторой степени также принадлежность местного населения к лютеранскому вероисповеданию¹⁴.

¹² Х. А. и А. Х. Моора, Из этнической истории води и ижоры. *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo*, Tallinn, 1965, lk. 65.

¹³ Х. Т. Тампере, Особенности народного календаря в северо-восточной Эстонии. *Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloo*, lk. 249.

¹⁴ Х. Т. Тампере, указ. соч., стр. 250.

Видимо, при таком контакте между языками происходит взаимопроникновение элементов систем обоих языков, в результате чего артикуляционные навыки могут нарушаться и даже заменяться навыками чужой артикуляции. По всей вероятности, в замене артикуляционных навыков русской речи эстонскими заключается причина отвердения согласных перед *e*. В эстонском языке палатализация, хотя слабая, наблюдается только перед *i, j*¹⁵. Этим же, на наш взгляд, объясняется смягчение некоторых согласных перед *u*. Но, как было указано выше, характерным для говора Ийзаку является все же не смягченное, а полумягкое произношение согласных в позиции перед *u*. Можно предположить, что и здесь мы имеем дело с иноязычным влиянием со стороны эстонского языка, т. к. в северо-восточных прибрежных эстонских говорах, близких к территории Ийзаку, палатализация перед передними гласными отсутствует¹⁶. Кроме того, отвердение согласных в говоре Ийзаку, как и в некоторых других славянских языках¹⁷, может рассматриваться в качестве реализации тенденции к утрате мягкости как дополнительной артикуляции там, где твердые и мягкие согласные стали подвергаться нейтрализации, где мягкость согласных как дополнительная артикуляция потеряла свое функциональное значение, т. е. она не была необходимой для смысловоразличения.

Такие изменения в фонологической системе русского говора Ийзаку стали возможными только в той особой языковой ситуации, в какой развивался говор в течение длительного времени своего существования.

---

¹⁵ P. Ariste, Eesti keele foneetika, lk. 78.

¹⁶ M. M. Must, Vene-eesti kakskeelsus Kirde-Eestis. Slaavi-läänemere-soome suhete ajaloost, lk. 110, 116.

¹⁷ Л. Э. Калнынь, указ. соч. стр. 84.

Д. Н. КУДРЯВСКИЙ И Д. К. ЗЕЛЕНИН
(Биографические материалы)

С. В. Смирнов

Дмитрий Константинович Зеленин вошел в историю отечественной науки как один из видных ученых. Ему принадлежит большое количество исследований, посвященных этнографии, изучению русских народных говоров, а также социальной дифференциации языка. Становление Зеленина как ученого неразрывно связано с Тартуским (Юрьевским) университетом.

Д. К. Зеленин родился 21. X (3. XI) 1878 года в с. Люк бывшего Сарапульского уезда Вятской губернии. Отец его был псаломщиком местной церкви. Большая семья Зелениных жила в очень трудных материальных условиях. Поэтому Дмитрию Константиновичу даже учиться пришлось целиком на казенный счет. В 1892 г. он поступил в Вятскую духовную семинарию и окончил ее в 1898 г. После этого один год работал в той же семинарии в качестве надзирателя и преподавателя младших классов.

27 августа 1899 г. Зеленин был принят на историко-филологический факультет Юрьевского университета. Он приехал в Тарту почти без гроша в кармане, и рассчитывать на помощь было неоткуда. Поэтому пришлось учиться и одновременно зарабатывать себе на хлеб то частными уроками, то литературным трудом. В 1903 г. Зеленин окончил университет со степенью кандидата и был оставлен по представлению Д. Н. Кудрявского для подготовки к профессорскому званию. Но решение Совета факультета было утверждено Министерством народного просвещения только в августе 1904 г. Зеленин был оставлен при университете на два года начиная с января 1904 г.

По «Инструкции», составленной Кудрявским, Зеленин должен был прежде всего готовиться к магистерским экзаменам (сравнительная грамматика индоевропейских языков, санскрит, готский и литовский языки). В качестве основного пособия по первому предмету рекомендовался труд Бругмана и Дельбрюка «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen». «Однако для выработки серьезных методологических

приемов, — писал Кудрявский, — это капитальное сочинение является недостаточным, так как оно не останавливается с достаточной подробностью на общих вопросах языкознания. Поэтому является необходимым более подробное ознакомление как с основами общей фонетики (физиологии звука), так и с принципами современного языкознания. По вопросам фонетическим можно рекомендовать кандидату Зеленину ознакомление с работами Сиверса, Бремера и с основными взглядами французской школы т. наз. экспериментальной фонетики (Rousselot, Passy). С принципами научного толкования явлений языка удобнее всего ознакомиться по трудам Дельбрюка, Пауля и Вундта»¹.

Однако Зеленин понимал свою задачу еще шире, чем просто подготовка к магистерским экзаменам. В своем отчете за 1904 г. он писал: «Сообразно с лингвистическим характером кафедры, по которой я «оставлен» — кафедры немецкого и сравнительного языкознания, — я поставил себе целью — сделаться лингвистом, языковедом, т. е. понять жизнь языка, изучить те законы, по которым эта жизнь протекает, — поскольку, разумеется, это достижимо при современном состоянии лингвистической науки. Наблюдение и изучение живых говоров было для меня первым и главным средством для достижения этой цели (подчеркнуто автором. — С. С.)»².

И, действительно, в это время Зеленин усиленно занимается исследованием говора русских жителей Усень-Ивановского завода Уфимской губернии и особенно ярацких и соседних с ними говоров Вятской губернии.

Изучение диалектов показало, что многие особенности говоров находят себе объяснение в истории русского и других славянских языков. И для пополнения своих знаний Зеленин настойчиво штудирует «Лекции по истории русского языка» А. Соболевского, «Исследования в области русской фонетики» А. Шахматова, «Следы корней-основ в славянских языках» А. Погодина, изучает двинские и новгородские грамоты, русские летописи, а также Ассеманиево евангелие и Киевские глаголические листки.

Но особенно Зеленина привлекает лексика русского языка. Объясняется это, как он писал, не только личной склонностью, но и убеждением, что «вся жизнь языка протекает в сфере лексики, в виду чего при недостаточной ясности для исследователя лексического состава языка для него неясны будут и все другие стороны жизни языка»³.

В этой области он прежде всего занимался изучением праславянских и балто-славянских заимствований из германского.

¹ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 1, № 10056, л. 19.

² Там же, л. 37.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 1, № 10056, л. 39.

В результате возникли «Этимологические заметки», в которых по-новому объяснялось происхождение таких слов, как *льва*, *комната*, *сыворотка*, *шест* и др. Кроме того, он написал рецензию на «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля под редакцией И. Бодуэна де Куртенэ и собрал значительное количество областных слов, которые отправил в редакцию нового академического словаря, выходявшего в те годы под руководством А. Шахматова.

Далее, Зеленин в это время продолжал серьезно заниматься русской народной словесностью и этнографией. Он писал: «В языке отражается мировоззрение и вся жизнь народа, почему более глубокое понимание языка известного народа невозможно без знания этого мировоззрения и этой жизни. (Прежде всего это рассуждение относится, конечно, к лексике языка; но лексика, как я уже говорил, и служит предпочтительным предметом моих занятий, да и в сфере лексики протекает вся жизнь языка). Изучение древнейших судеб языка почти нельзя отделить от изучения первобытной культуры человечества. (В виду чего наши лингвисты являются вместе, большею частью, и этнографами; назову, для примера, здравствующих ученых-иностранцев: Н. Hirt'a, О. Schrader'a; русских: проф. В. Ф. Миллера, проф. А. Л. Погодина и др.). Наконец, не выходя из сферы лингвистики, легко сделаться слишком узким специалистом, что вредно и для самой специализации»⁴.

В этой области основное место занимало изучение русских народных прозвищ-присловий, в которых «народ делит самого же себя, и при том делит по диалектологическим и этнографическим особенностям»⁵. Поэтому, по мнению Зеленина, с изучения прозвищ должно начинаться всякое диалектологическое и этнографическое изучение, так как это помогает выяснить влияние одного говора на другой.

Кроме того, Зеленин очень много занимался изучением языков (санскрита, готского, литовского, латышского, латинского, греческого, цыганского, эстонского и вепсского). О последних он писал: «Живя среди эстов, я продолжал практически знакомиться с эстским языком. Читал чухарские тексты, доставленные мне, в рукописи, из Тихвинского уезда Новгородской губернии. Чухарский, или вепсский язык, особенно чухарей Тихвинского уезда, почти совершенно не изучен, а между тем очень интересен, между прочим, и с точки зрения русско-финских лексических отношений . . . , в виду чего я намерен продолжать более детальное изучение этого языка»⁶.

---

⁴ ЦГИА СССР, ф. 402, оп. 1, № 10056, л. 42.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

В следующем, 1905 году, программа занятий Зеленина существенно меняется. Если вначале он стремился прежде всего к расширению научного кругозора, то теперь — к углублению своих знаний. На это повлияла не только необходимость сдавать магистерские экзамены, но и осознание того, что наука, даже в пределах избранной специальности, «слишком обширна, и, чтобы охватить ее в более или менее полном объеме, нужны многие годы»⁷. Основное место теперь начинают занимать только диалектология и лексикография.

После выхода в свет «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 года Академия наук решила составить новый словарь, который отразил бы современное состояние лексики. К работе над словарем были привлечены И. Срезневский, А. Востоков, В. Даль, Ф. Буслаев и другие виднейшие ученые. Редактором был назначен Я. Грот. В 1891—1895 гг. был выпущен первый том словаря (А—Д). После смерти Грота в 1893 г. редактором стал А. Шахматов. В связи с этим программа и состав словаря резко меняются. Если Грот хотел создать нормативный словарь, то под редакцией Шахматова он становится своего рода сокровищницей русского языка, стремившейся охватить не только литературную лексику, но и живые народные говоры во всем их разнообразии, а также язык древнерусских памятников и произведений XVIII века. Естественно, что такой подход был очень близок «диалектологической» душе Зеленина.

В марте 1905 года Шахматов привлекает его к работе над словарем и поручает подготовить к печати букву «к». Зеленин обрабатывает и дополняет собранный материал, делает необходимые выписки из произведений Пушкина, Гоголя и Тургенева.

Работа над составлением словаря увлекла Зеленина. Как он писал, она вводит «в лабораторию языка, туда, где кипучая жизнь языка, во всем ее калейдоскопическом разнообразии, видна как на ладони. Собранные Отделением русского языка и словесности Академии наук материалы для словаря, выписанные, для удобства пользования, на отдельные карточки, являются результатом труда многих поколений и представляют собою крайне редкое богатство лексического материала... Изучая эти материалы в системе, исследователь, можно сказать, воочию видит историю развития значений каждого данного слова, историю каждого данного оборота речи. Особенно поучительны союзы, предлоги, частицы и т. п. (К сожалению, материалы для них сравнительно очень не полны). При изучении лексического употребления этих слов составитель словаря невольно наталкивается на новые обобщения синтаксического характера, тем более возможные, что изучение синтаксиса русского языка

---

⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 1, № 10057, л. 55.

в отношении полноты и деталей оставляет желать еще очень многого»⁸.

Работу над словарем Зеленин продолжал и в 1906 году: корректировал отпечатанные листы, проверял все цитаты по первоисточникам, пополнял словник лексикой из рукописных диалектных словариков.

Второй важной областью, которой много занимался Зеленин, была русская диалектология. Более того, именно в это время у него сложились те идеи, которые затем легли в основу его магистерской диссертации и которые в значительной мере обусловили методику дальнейших исследований.

Зеленин писал, что в нашей диалектологии существуют три главных направления. Первое из них, опираясь на древнейшие памятники русского языка, стремится восстановить картину древнерусских говоров. Другое направление ограничивается описанием современных говоров и их классификацией, иногда выдвигая гипотезы о соответствии их той или иной древнерусской этнографической группе. Третье направление (А. А. Шахматов) стремится восстановить чисто лингвистическую историю русских говоров на основе современных данных и исторических памятников, рассматриваемых в сравнении с фактами других языков.

Все упомянутые три подхода Зеленин считал недостаточными, так как они «оставляют в стороне внешнюю историю говоров, особенно историю позднейшую, начиная с XVI века. Между тем, без знакомства с внешнею историею говоров, без знания того, как группировались и в каком отношении друг к другу находились говоры, положим, в XVII или XVIII-м веках, и чисто лингвистическая история говоров многое теряет, получая значение простой схемы, как бы висящей в воздухе, не прикрепленной ни к определенному пространству, ни к определенному времени»⁹. Причину такого положения Зеленин видит в отсутствии источников для подобной истории. Но существенную помощь, говорит он, может оказать лингвистическая история говоров параллельно с историей жителей данной области или, в крайнем случае, детальный анализ современного состава населения. «Подвигаясь, шаг за шагом, от настоящего к прошлому, идя все время двумя дорогами: собственно диалектологической и исторической (т. е. следя за историей передвижений и переселений народных масс), можно будет со временем дойти и до древнерусских говоров, известных нам по анализу памятников. Тогда то громадное пустое пространство, которое зияет теперь между древнерусскими говорами, с одной стороны, и современными, — с другой, будет заполнено»¹⁰.

⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 1, № 10057, л. 55.

⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 1, № 10057, л. 58.

¹⁰ Там же.

Так возникла тема и в какой-то мере сложилась концепция будущей магистерской диссертации. Зеленин решил выбрать определенное диалектное явление сравнительно позднего происхождения и проследить его распространение в отдельных говорах. Параллельно с этим изучать историю населения в тех областях, где данное явление распространено. Он предполагал, что выводы из обоих исследований, дополняя друг друга, должны пролить свет на взаимоотношения изучаемых говоров.

Для конкретного анализа Зеленин избрал такое диалектное явление, как неорганическое смягчение заднеязычного *к*, которое не находится в зависимости от других диалектных особенностей. Такое *к* (типа *Вáнькя*, *чайкю́*) встречается в говорах сильно акающих, умеренно акающих, окающих, цокающих и нецокающих и т. д. Поскольку данное явление характерно не для всех русских говоров, то Зеленин объясняет его «колонизационной волной». Он предложил следующую гипотезу: «В XV-м веке в местностях, расположенных к востоку от Москвы ... существовал говор, характеризующийся неорганическим смягчением звука *к*. Отсюда эта особенность была унесена колонизационной волной на север, в теперешние уезды Тотемский и Кадниковский Вологодской губернии, а отсюда переселенцы унесли ее на Вятку. На юге та же особенность широко распространилась, выйдя из этого же самого центра, при посредстве той социальной группы, которая впоследствии получила название однодворцев: рассматриваемая диалектическая особенность сделалась одною из главных отличительных черт говора названной социальной группы, как таковой»¹¹.

На последнее заключение Зеленина наталкивало также изучение говора оренбургских казаков. Сам по себе говор оказался малоинтересным, но он помог начинающему ученому сделать важный вывод об устойчивости говора различных социальных групп. Дело в том, что оренбургское казачье войско формировалось из потомков отставных солдат, т. е. представляло собой довольно пеструю по происхождению социальную группу, объединенную лишь долголетней службой в войсках. Первоначально они располагались на Закамской линии, а затем стали продвигаться все дальше на восток, не теряя при этом своего говора. «С процессом этим, в миниатюре, — пишет Зеленин, — я встретился в поселке Благословенном. Последний основан не более 80-ти лет тому назад. Основатели его отличались большою пестротой своего происхождения. Старых казаков в числе их было, во всяком случае, менее половины. При всем том, говор этих старых казаков распространился быстро во всем поселке, не восприняв в себя ни одной черты других говоров местного населения. Что этой своей полной победой говор старых казаков

¹¹ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 1, № 10057, л. 63.

в значительной степени обязан тому обстоятельству, что прочие элементы в составе населения поселка сознательно предпочли казачий говор, как образцовый, — об этом мне говорили и сами местные казаки»¹².

И Зеленин полагает, что данный вывод можно отнести и к другим социальным группам русского населения, в частности к однодворцам, и принимать его в расчет при изучении взаимоотношений между говорами.

Огромное трудолюбие Зеленина, смелость и новизна его идей получали полное одобрение и поддержку со стороны научного руководителя Д. Н. Кудрявского. В частности, в своем отзыве об отчете Зеленина за 1905 год он писал: «Представленный кандидатом Д. К. Зелениным отчет о его работах, как оставленного при Университете, ясно свидетельствует о том, что и в отчетном году кандидат Зеленин продолжает свои занятия с тем же трудолюбием, настойчивостью и любовью к делу, которыми он зарекомендовал себя и раньше. Об успехах его занятий говорят прежде всего уже те 8 печатных работ, которые приложены к его отчету. Но самым важным свидетельством его научной зрелости служит намеченная им тема будущей диссертации. Не говоря уже о том, что самый вопрос, интересующий кандидата Зеленина, несомненно, относится к числу наиболее интересных и важных, особенно приятное впечатление производит его новая, совершенно оригинальная постановка. За такую постановку вопроса говорит прежде всего то, что она явилась естественным результатом изучения русской диалектологии, а не навязана извне чисто умозрительным теоретическим путем. Это обстоятельство может служить порукою тому, что дальнейшие исследования кандидата Зеленина не только обогатят науку новыми фактами, но и подвинут вперед методы исследования русских наречий... Не надо забывать и того, что в истекший отчетный год канд. Зеленин успешно выдержал также и магистерский экзамен и, следовательно, выполнил лежащее на нем обязательство»¹³.

В конце 1906 года кончался срок подготовки к профессорскому званию. Зеленин, по совету Кудрявского, подал в факультет прошение о продлении срока еще на год. Эту просьбу он мотивировал тем, что все печатные материалы, необходимые для диссертации, были собраны, но оставались рукописные, хранившиеся в архиве ОРЯС и Русского географического общества. Поэтому он просил прикомандировать его на этот год ко II отделению Академии наук. Кроме того, Зеленин хотел, находясь в Петербурге, усовершенствовать и углубить свои знания в об-

---

¹² ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 1, № 10057, лл. 56—57.

¹³ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 1, № 10057, л. 63.

ласти исторической грамматики русского языка под руководством А. Шахматова, а также в области литовского языка и сравнительного языкознания под руководством Ф. Фортунатова. Его ходатайство было удовлетворено Советом факультета и утверждено Министерством 15 января 1906 года. Зеленин переезжает в Петербург, но числясь в составе Юрьевского университета.

В Петербурге Зеленин продолжает работать над изучением органического и непереходного смягчения звука *к* в русских говорах. Прежде всего он обращается к архивам ОРЯС и рукописному отделу Библиотеки Академии наук, в которых нашел богатейшие материалы по интересующему его вопросу. Прежде всего его увлекли диалектные записи 50—60 гг. XIX в. Среди них он открыл рукописи, которые легли в основу известной статьи В. Даля о наречиях русского языка. Эта находка дала возможность дополнить и уточнить нарисованную Далем картину, так как последний упустил из виду некоторые диалектные черты, имеющие важное значение (например, некоторые оттенки предударного слога).

Кроме того, знакомство с новым материалом позволило Зеленину сделать ряд новых обобщений, в частности касающихся классификации севернорусских окающих говоров. До этого они обычно делились на цокающие и нецокающие. По мнению Зеленина, такое деление имеет главным образом историко-этнографическое значение, так как «цокает то население, в крови которого имеется больший или меньший элемент инородческой крови. Такое происхождение цоканья бесспорно, например, для рязанской и пензенской мещеры, давным-давно утратившей свой родной язык, для яранских обрусевших черемис и т. д. Почему же нельзя предположить этого для древних новгородцев? Что касается чоканья, то это первоначально — простое следствие сознательной борьбы населения с природным или привычным цоканьем»¹⁴.

Вместо такого принципа деления Зеленин предлагает новый *fundamentum divisionis*, а именно: произношение предударных слогов. В соответствии с этим он выделяет в севернорусском наречии следующие группы говоров: а) группа, характеризующаяся широким произношением предударного слова (*вёсна́, взяла́*) и б) группа с узким произношением (*висна́, весна́, взела́, взила́*). (Аналогично этому деление окающих говоров на якающие и икающие). Далее он пишет: «Есть основание полагать, что предложенное деление окающих говоров на две группы по произношению предударного слога совпадает с известным делением северновеликорусского наречия на новгородское и владимирское поднаречия. Если, несмотря на обширную

¹⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 1, № 10057, лл. 72.

литературу о этих двух поднаречиях, до сих пор не сделано было такого обобщения, то это я объясняю существующим предвзятым мнением, по которому новгородское поднаречие всеми признается сохранившимся в чистоте, а владимирское смешанным»¹⁵.

На этом связи Зеленина с Юрьевским университетом порываются. В 1915 году он защитил в Петербурге магистерскую диссертацию «Великорусские говоры с неорганическим и непременным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» и через год был избран профессором Харьковского университета. В 1917 году он защитил в Москве докторскую диссертацию «Очерки русской мифологии». В 1925 г. Зеленин был избран профессором Ленинградского университета и членом-корреспондентом Академии наук СССР. С 1926 г. вплоть до смерти (1954 г.) он работал также научным сотрудником, а затем старшим этнографом Музея антропологии и этнографии АН СССР.

Ниже в качестве приложения мы предлагаем вниманию читателя ряд дополнительных архивных материалов. Они, по нашему мнению, интересны с разных точек зрения: 1) наряду с вышеизложенным, освещают становление Д. К. Зеленина как ученого с широким кругозором. (Кстати, интересно в этом отношении его сравнить с проф. Кудрявским, отличавшимся разнообразием научных интересов.); 2) они знакомят с обстановкой и Юрьевском университете в начале XX столетия и той острой внутренней борьбой, которая происходила между правой и левой профессурой; 3) воскрешают образ Д. Н. Кудрявского, как человека исключительно скромного, внимательного, доброго и принципиального.

* *
*

---

¹⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 1, № 10057, лл. 72—73.

**В ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ИМПЕРАТОРСКОГО ЮРЬЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ**

исправл. долж. экстраорд. проф. Д. Н. Кудрявского

Кандидат славянской филологии Дмитрий Константинович Зеленин (окончивший курс весной 1903 года), еще будучи студентом, выказывал живой интерес к изучению русской диалектологии. Как историко-филологический факультет, так и Императорское Русское Географическое Общество и Императорская Академия Наук оказывали содействие студенту Зеленину в его исследованиях русских говоров. Так, в мае 1901 года он получил от университета, по ходатайству факультета, пособие в размере 50 рублей на поездку в Яранский уезд Вятской губернии для изучения местных говоров. Отчет об этой поездке был напечатан в «Ученых записках Имп. Юрьевск. Ун.», 1902 г., кн. 2. Летом 1902 г. Имп. Русс. Геогр. Общество командировало студента Зеленина в Вятскую губернию с диалектологической целью, выдав ему «открытый лист» и денежное пособие в размере 50 рублей. В то же время и для той же цели Императ. Академия Наук назначила ему пособие в размере 200 рублей. Отчет об этой поездке с приложением статьи «Дополнительные и критические замечания о вятской лексике» в настоящее время печатается в «Известиях Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. Наук». Добытые в этих научных поездках материалы кандидат Д. К. Зеленин обрабатывал в ряде статей, которые частью уже напечатаны, частью еще находятся в рукописи. Так во II вып. «Живой старины» 1901 года напечатана его статья «Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии». Эта статья была удостоена Императорским Геогр. Общ. серебряной медали «за полезные труды» (см. отчет Р.Г.О. за 1900 г., стр. 29). В том же 1901 году Зеленин получил от И.Р.Г. Общества малую золотую медаль за работу «Опыт исследования яранских говоров». В «Отчете

И.Р.Г.О. за 1901 г». на стр. 40 председательствующий в отделении этнографии академик В. И. Ламанский «охарактеризовал труды студ. И.Ю.У. Д. Зеленина . . . , как явления выдающиеся в области исследования наших говоров» и признал его «по научности приемов, стоящим вполне на высоте современных требований лингвистической науки». Этот труд в настоящее время готовится к печати. Кроме того, Зелениным было напечатано несколько статей в повременных изданиях: 1) Новые веяния в народной поэзии, Москва, 1901 (оттиск из журнала «Вестник воспитания»), 2) Песни деревенской молодежи, Вятка, 1903 (из «Памятной книжки Вятской губ. на 1903 год»); наконец 3) «Этимологические заметки» в журнале «Филологич. записки», 1903. 11. Его кандидатская работа под заглавием: «Латинские, романские и германские элементы в русском языке до XV века» представлена в настоящее время в Академию Наук на соискание премии имени Г. Михельсона.

В виду такого живого интереса к лингвистическим вопросам и такой крупной работоспособности кандидата Д. К. Зеленина, я решаюсь рекомендовать его Историко-филологическому факультету для оставления при Университете по кафедре сравнительного языкознания в целях приготовления его к профессорскому званию. Если факультет найдет возможным оставить кандидата Д. К. Зеленина при Университете, то желательно было бы немедленно возбудить ходатайство перед Министерством Народного Просвещения о назначении ему стипендии . . .

Юрьев 1 сент. 1903 г.

И. д. экстр. проф. Д. Н. Кудрявский

Из автобиографии Д. К. Зеленина

(Архив АН СССР, ф. 849, оп. 2, ед. хр. 1, лл. 25—26)

Во время своего студенчества я получил за свои научные работы две медали Географического общества и премию имени Михельсона от Академии наук.

Это последнее обстоятельство мне несколько повредило: когда в 1903 г. в факультете Юрьевского университета поднялся вопрос об «оставлении меня в университете» (аспирантом), возглавлявший кафедру русского языка и словесности проф. Е. В. Петухов отказался меня «оставить», ядовито заявив: «Зеленина оставят в Петербурге». Молодой профессор по кафедре сравнительного языкознания и санскрита Д. Н. Кудрявский осенью 1903 г., когда меня уже назначили преподавателем гимназии в город Самарканд, предложил мне «остаться» при его кафедре. В факультете это прошло, но в Ригу, к попечителю учебного округа, было послано профессором М. Н. Крашенинниковым секретное заявление, изображавшее проф. Д. Н. Куд-

рявского в таком свете, что попечитель отказался «оставить» меня при его кафедре. По просьбе Д. Н. Кудрявского академики А. А. Шахматов, В. И. Ламанский и Ф. Ф. Фортунатов ходатайствовали обо мне перед зам. министра народного просвещения Георгиевским, и я был «оставлен» при кафедре проф. Д. Н. Кудрявского. Правая профессура пыталась меня «срезать» на третьем моем магистерском экзамене по литовскому языку: хотя специалисты признали мой ответ удовлетворительным, но половина профессоров голосовала против меня, а декан воздержался. На запрос факультета, что делать, попечитель ничего не ответил. Спасла меня университетская автономия 1905 г.: Совет университета применил ко мне общее законоположение о том, что при равенстве голосов вопрос решается «в пользу подсудимого».

Из автобиографии Д. К. Зеленина

(Архив АН СССР, ф. 849, оп. 2, ед. хр. 1, лл. 30—31)

Молодой профессор по кафедре сравнит<ельного> и нем<ецкого> языкозн<ания> Д. Н. Кудр<явский> сочувствовал мне более, чем проф. Петухов, и предложил мне остаться при его кафедре. Я, конечно, согласился. Осенью 1903 г. состоялось постановление ф-та, но в ответе попечителя обо мне было умолчано: меня не оставили; как стипендиата, меня направили в Самарканд преподавателем вновь открытой там гимназии. Пострадал я в силу пословицы: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат». Оставлявший меня при у-те проф. Кудрявский принадлежал к либеральной партии проф<ессор>ов, а в универ<ситете>, особ<енно> не на фил<ологическом> ф-те было засилье правых. Эти правые, в частности латинист М. Крашенинников тайно информировал попечит<еля> Ульянова в таком освещении, что меня при у-те не оставили. Проф. Кудр<явский> написал об этом акад. Шахм<атову>, который меня знал, как автора увенчанного половиной акад. премии им. Михельсона, вместе с акад. Ламанским и Фортунат<овым> они написали обо мне зам. министру Георгиевскому, и в том же 1904 г. было получено в ун-те офиц<иальное> сообщение о том, что я оставлен при у-те с 1 янв. со стипендией (50 р. в месяц).

Через год я выдержал «магистерские экзамены» по 2 из 4 предметов — по санскриту и сравнит<ельной> грамм<атике> индоевроп<ейских> языков. Оставалось еще 2 экз. — по 2 языкам. Устав Юр<ьевского> у-та предоставлял право выбора. По совету проф. Кудр<явского> я выбрал, вместо классич<еских> языков, литовск<ий> и готск<ий>. Латинист проф. Краш<енинников>, вместе с правыми, решили меня

«провалить» на очередном экзамене. Им помогал в этом доцент Грунский. На экзамене произошла тяжелая история: специалисты по литовскому (Лаутенбах, Мазинг, Кудр<явский>) яз<ыку> признали мой ответ удовлетвор<ительным>, ряд профессоров, включая и декана — философа Я. К. Озе, воздержались, и получилось равенство голосов. Юристы потом разъясняли, что в таких случаях голос в пользу «подсудимого» (в данном случае: экзаменуемого), но филологи этого не знали и постановили запросить Рижского попечителя. Тот ничего не ответил, и мое положение оставалось неопределенным. Тем временем произошла рев<олюция> 1905 г. Университет получил автономию, и проф. Кудр<явский> посоветовал мне — подать заявление в ф-т о допущении меня к последнему м<ое>му экзамену — по готскому языку.

Письмо Д. Н. Кудрявского А. А. Шахматову

(Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, № 770, лл. 5—6)

Юрьев 3 окт. 1903.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

На днях отправляется в Министерство от нашего факультета представление об оставлении при Университете известного, вероятно, и Вам Дмитрия Зеленина. Конечно, со стороны Министерства не будет никаких препятствий для его оставления; но дело в том, что ему необходима также и стипендия. Наш факультет предполагает передать ему ту стипендию, которою до будущего года пользуется наш магистрант (а теперь и приват-доцент) Эндзелин. Обращаюсь к Вам поэтому с просьбою замолвить в Министерстве словечко за Зеленина. Наша беда обыкновенно в том, что мы против столичных Университетов часто опаздываем, и нам обещают стипендию для оставленного только через год, так как стипендии оказываются уже разобранными. — Владимир Иванович Ламанский, я думаю, тоже не откажется поддержать Зеленина. А ему стипендия необходима уже и потому, что он немного переутомился от своих усиленных занятий, и необходимость зарабатывать деньги не даст ему возможности как следует, без переутомления, работать. Поддерживать же его безусловно следует: задатки у него большие, и, когда все это перебродит, из него выйдет хороший ученый...

Итак, Алексей Александрович, в надежде, что Вы не откажетесь похлопотать за Зеленина, остаюсь искренне уважающий Вас

Д. Кудрявский.

Из письма Д. Н. Кудрявского А. А. Шахматову

(Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, № 770, л. 7)

Юрьев 19. XII 1903.

Многоуважаемый Алексей Александрович!

... Сегодня узнал от Зеленина о том, что Вы ему присудили половинную премию. Я очень рад за него. Не слышали ли Вы о том, в каком положении находится его дело о стипендии в Министерстве. Теперь, конечно, и премия окажет ему поддержку, а все-таки хотелось бы добиться для него стипендии уже с нового года ...

Будьте здоровы. Искренне преданный Вам

Д. Кудрявский.

Письмо Д. Н. Кудрявского В. И. Ламанскому

(Архив АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 757, лл. 4—5)

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Обращаюсь Вам с тою же просьбою, с которою я обратился также и к Алексею Александровичу Шахматову. Дело в том, что наш факультет (по моему представлению) решил ходатайствовать перед Министерством об оставлении при университете известного Вам Дмитрия Зеленина, которому Вы уже немало посдействовали в его работах по русской диалектологии. Так не найдете ли Вы возможным и теперь похлопотать за него перед Министерством, и именно в том, чтобы за ним была оставлена та стипендия, которою в настоящее время (до конца года) пользуется наш магистрант Эндзелин. Я боюсь, что наше представление, которое теперь должно уже находиться на пути в Министерство, может запоздать, а тогда Зеленин останется без стипендии на целый год. Между тем стипендия ему необходима, так как он уже немного переутомился и заработок денег на прожить лишал бы его сил для работы научной. Что он стоит поддержки, я думаю, Вы сами хорошо знаете: он человек очень деятельный и живой, и из него, я думаю, выработается хороший ученый. Ваше ходатайство, конечно, может оказать поддержку нашему представлению, и это устроит Зеленина по крайней мере на два года.

Глубоко уважающий Вас Д. Кудрявский.

Д. К. ЗЕЛЕНИН

Отзыв о научной деятельности проф. Юрьевского университета

Д. Н. Кудрявского *

(Архив АН СССР, ф. 849, оп. 1, ед. хр. 696, лл. 1—2)

В научной работе Д<митрия> Н<иколаевича> К<удрявского> ярко бросаются в глаза (весьма ярко отражены) две главных характерных черты (свойства). Это:

- 1) почти энциклопедическая широта научных интересов, одновременно с необычной широтой кругозора, с одной стороны, и
- 2) максимальное приближение науки к жизни, теории к практике — с другой.

Занимая кафедру немецкого и сравнительного языкознания, Д<митрий> Н<иколаевич> К<удрявский> работал одновременно в области не менее как 10 научных дисциплин. По всем этим спец<иальным> дисциплинам он оставил после себя печатные исследования, причем автор всюду обнаруживает одинаково глубокую эрудицию, обстоятельность и научную точность.

Эти специальные дисциплины, коим посвящены специальные ученые труды Д<митрия> Н<иколаевича> К<удрявского>: санскритский язык, древнеинд<ийская> бытовая культура, история первобытной культуры и этнология, сравнит<ельный> синтаксис и морфология индоевроп<ейских> языков, психология языка и общее языкознание, морфология и синтаксис др. русского языка (в этой последней области он один из первых русских ученых применил метод лингвистич<еской> статистики), классические языки, педагогика.

Сближение науки с жизнью, лозунг наших дней, был для Д<митрия> Н<иколаевича> К<удрявского> лозунгом всей его ученой деятельности. Своим ученикам (а я имел счастье (принадлежал) к числу учеников Д. Н. К<удрявского>) он часто говорил, что наша наука далека от практической жизни; и было ясно видно, что это сознание его сильно тяготит. С своей стороны он делал все возможное для приближения далекой теории к практич<еской> жизни. Он первый в России научно поставил проблему прикладного языкознания.

Талант блестящего популяризатора проявился не только в лекциях Д<митрия> Н<иколаевича> К<удрявского>, но и многочисленных его научно-популярных работах.

При оценке научной продуктивности Д<митрия> Н<иколаевича> К<удрявского> необходимо иметь в виду, что

---

* «Отзыв» Д. К. Зеленина представляет собой отрывочные черновые наброски на двух страницах. Дело в том, что в конце 20-х гг. предполагалось издать сборник, посвященный памяти Д. Н. Кудрявского. Но разные причины помешали осуществить этот замысел. Очевидно, наброски относятся как раз к тому периоду, так как Д. К. Зеленин собирался написать о Кудрявском для этого сборника большую статью.

Юр<ьевский> у-т в его время был местом ожесточенной борьбы партий — доживавшей свои последние годы партии немецких профессоров, немногоч<исленного> круга «левой» русской профессуры и многоч<исленного> круга русской же профессуры «правой». Атмосфера почти все время была очень тяжелой. И можно лишь удивляться тому, как Д<митрий> Н<иколаевич> К<удрявский>, принимавший активное участие в этой борьбе, всегда как член составлявшей меньшинство «левой» группы профессуры, находил возможным проявить кипучую научно-исследоват<ельскую> работу, тем более что он вел целый ряд курсов — как в у<ниверсите>те, так после и на В<ысших> жен<ских> курсах в Юрьеве-Дерпте.

Кроме того, он всегда тщательно следил за новыми течениями зап<адно>европ<ейской> научной мысли, откликнулся на новые труды или рецензиями, или целыми статьями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Е. И. Гурьева, Гипотаксис предложений с зависимой объектной частью (На материале Маринского и Остромирова евангелий) . . .	3
2. Е. И. Гурьева, Прямая и косвенная речь в старославянском языке (Конструкции с яко)	36
3. Б. М. Гаспаров, О генеративном принципе описания синтаксических структур	55
4. М. Д. Лесник, О грамматических признаках слабоуправляемых форм	87
5. А.-А. К. Рейцак, О вариативности во фразеологии	94
6. Э. А. Вайгла, О понятии <i>эмоциональная лексика</i>	111
7. Х. Х. Хейтер, О корреляции твердых и мягких согласных в русском говоре Ийзаку на территории Эстонской ССР	127
8. С. В. Смирнов, Д. Н. Кудрявский и Д. К. Зеленин (Биографические материалы)	138

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ

XII

На русском языке

Тартуский государственный университет,
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18
Ответственный редактор А.-А. К. Рейцак

Сдано в набор 14/III 1968. Подписано к печати
7/VI 1968. Бумага фабрики «Кохила», типограф-
ская № 3. 60×90. 1/16. Печ. листов 9,75. Учетно-
издат. листов 12,25. Тираж 500 экз. МВ-04556.
Заказ № 1927.

Типография им. Ханса Хейдемманна,
ЭССР, г. Тарту, ул. Юлдооли, 17/19. II

Цена 85 коп.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
56	11 снизу	ἔργον	ἔργον
58	примеч. 7	Éléments	Éléments
88	18 сверху	исследования	исследователя
96	13 снизу	своеому	своему
104	7 сверху	тональностью	тональностью,
111	1 сверху	эмоциональной	эмоциональная
111	примеч. 1	эмоционально-окрашен- ная	эмоционально окрашен- ная
114	примеч. 11	окрашенностью	окрашенностью
116	примеч. 14.	Л. Шабалиина	Л. Шабалина
121	12 сверху	содержания,	содержания.
123	примеч. 41	под ред. Е. М. Гал-	Е. М. Гал-
124	примеч. 45	каферд	кафедр
125	23 сверху	с лексической	с лексикологической
129	7 сверху	парас'átка;	парас'áта
130	8 сверху	раб'и'на;	р'аб'и'на;
131	примеч. 4	твордых	твердых
146	5 снизу	и Юрьевском	в Юрьевском